

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАТЕРИАЛЫ
XLVI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

13–22 марта 2017 года

Санкт-Петербург

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

ISBN 978-5-288-06268-1

Редакционная коллегия:

к. ф. н. А. Ю. Миролубова, д. ф. н. А. Н. Соболев,
д. ф. н. Л. Д. Бугаева, д. ф. н. Н. А. Любимова,
д. ф. н. Е. В. Горбова, д. ф. н. Н. Г. Мёд,
к. ф. н. А. А. Степихов, д. ф. н. С. И. Николаев,
к. ф. н. И. Э. Васильева, д. ф. н. В. И. Шадрин

Ответственные редакторы:

к. ф. н. К. В. Манёрова, к. ф. н. М. В. Хохлова

(9,5 Мб) Материалы XLVI международной научной филологической конференции. 13–22 марта 2017 года, Санкт-Петербург. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2022.

В сборник вошли краткие статьи по материалам докладов, прочитанных на XLVI Международной научной филологической конференции, которая состоялась с 13 по 22 марта 2017 года в Санкт-Петербургском государственном университете. По сложившейся традиции конференция объединяет ученых, изучающих широкий спектр проблем разнообразных научных направлений — от общего языкознания и теории литературы до математической лингвистики и текстологии. В сборнике представлены результаты теоретических и прикладных исследований по широкому кругу актуальных проблем современной филологии.

Материалы трудов предназначены филологам, лингвистам, литературоведам, культурологам, переводчикам, педагогам, а также могут быть использованы в научной, учебной и учебно-методической работе преподавателей высших учебных заведений.

Языки материалов: русский, английский.

Статьи представлены в авторской редакции.

Подписано к использованию 12.08.2022

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алексеева Е. Л.</i> Тайнопись и загадка	5
<i>Андреева Е. Г.</i> Gr8 и 4to — интернет-язык и его влияние (английский и русский языки).....	7
<i>Antsyferova O.</i> Semiotics of silence in Colm Toibin’s biofiction “The Master”	10
<i>Ачкасов А. В.</i> К вопросу о метаязыке локализации.....	13
<i>Битнер К. А.</i> Об интерпретации одного отрывка Книги пророка Исайи (53:8b).....	16
<i>Брунс Т.</i> Черный Петр не добрался до России. О судьбе одной фольклорной и фразеологической единицы между Германией и Россией	19
<i>Burova I.</i> The most enigmatic Shakespeare’s woman: on the protean character and historical dynamics of Anne Hathaway’s representation in the English-language literatures	22
<i>Dobrego A., Alexeeva S.</i> Visual search strategies of symbols in a symbol string.....	24
<i>Дугушина А. С.</i> Лексика родинной обрядности албанцев Украины	27
<i>Дулубова И.</i> Литературные прецедентные имена и высказывания в «Глоссарии русских лингвореалий»	30
<i>Желтова Е. В.</i> К вопросу о порядке слов в латинских глагольных коллокациях: прагматический аспект	33
<i>Жуков А. Павлович.</i> Иезуиты в Бразилии XVI в.: театр Жозе де Аншиеты	36
<i>Zakharov V.</i> Mooring needs two anchors, and searching for collocations at least two formulas.....	39
<i>Касевич В. Б., Меньшикова Ю. В.</i> Фонология, морфология и базы данных	42
<i>Клейнер Ю. А.</i> Дискуссия о фонеме (1952–1953)	45
<i>Климовская А. Я.</i> Рецепция повести Э. Уортона «Итан Фром» в романе А. Брукнер «Льюис Перси»	47
<i>Кондратьева Е. А.</i> Воссоздание языка: автоперевод и переводы на французский язык поэм М. И. Цветаевой.....	50
<i>Krasnoshchekova S.</i> Question-answer pairs with negative lexemes in child-adult conversations	53
<i>Voiku O., Krivoborskaya D.</i> Teaching Russian as a foreign language to bilingual children.....	56
<i>Кулишкина О. Н.</i> Традиция Вальтера Скотта в русской повествовательной прозе XIX в.	59
<i>Лебеденко Г. А.</i> Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе немецкого младшего школьника (на материале ситуаций с обращениями).....	61
<i>Ливанова А. Н.</i> Фоносемантический аспект речевого сопровождения жестов в норвежском языке	65
<i>Lipinskaya A.</i> Crossing the genres: A. Conan Doyle’s Ghost stories	68
<i>Лукьянова Л. В.</i> «Смех сквозь слезы»: от лингвистического анализа к атрибуции текста.....	71
<i>Манерова К. В.</i> Коммуникативная практика <i>Verehrung</i> как источник немецкой фразеологии с религиозным компонентом	74
<i>Мовнина Н. С. И. С.</i> Тургенев в контексте споров о русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.	76
<i>Мызникова Я. В.</i> Реализация оппозиции «свой — чужой» в диалектном дискурсе	79
<i>Нефёдов С. Т.</i> Лексическая контекстуализация научного дискурса	83
<i>Новик А. А.</i> «Греческая свадьба»: традиции и ревитализация семейной обрядности в российском Приазовье	86
<i>Полубояринова Л. Н.</i> К истории сравнительного литературоведения в России: В. М. Жирмунский и О. Вальцель.....	89

<i>Julia Sevilla Muñoz, María Teresa Barbadillo de La Fuente. Philological, translational, ethnolinguistic and didactic analysis of the Refranero Multilingüe (Multilingual Proverbs Collection).....</i>	91
<i>Сизова О. Б. Когнитивная стратегия как фактор функционирования маркеров достоверности в высказываниях дошкольников</i>	94
<i>Скребцова Т. Г. Метафора языка-как-организма в лингвистике (от Ф. Боппа до наших дней)</i>	98
<i>Соболев А. Н. О цели, задачах и предварительных итогах исследования языков симбиотических сообществ Балкан</i>	101
<i>Стоянова Р. Болгарские фразеологизмы фольклорного происхождения.....</i>	104
<i>Тискин Д. Б. Если было подумать головой: маргинальная связочная конструкция в русских инфинитивных придаточных</i>	107
<i>Тоичкина А. В. Тема ада в творчестве П. А. Кулиша</i>	110
<i>Khomyakova E. Anthropocentricity of nature in language representation</i>	113
<i>Хохлова М. В. Точность и полнота при выявлении атрибутивных словосочетаний с частотными существительными статистическими мерами (корпус vs. словари)</i>	115
<i>Цингерова Н. Границы «дискурса» как методологическая проблема (на примере памятника «Верба»)</i>	118
Чамеев А. А. Образ Эдемского сада в «Потерянном рае» Джона Мильтона	121
<i>Чаплыгина Т. Е. Предложно-именные сочетания с лексемой «соседство»: частеречные и функциональные особенности</i>	123
<i>Чердаков Д. Н. Глагол знать с зависимым инфинитивом в истории русского языка</i>	126
<i>Щербак Н. Ф. Прагматические функции речевого акта молчания (на материале Британского национального корпуса).....</i>	129
<i>Якушкина Т. В. Какой Петрарка нам нужен?.....</i>	132
<i>Яценко М. В. Формулы и формульные системы в древнеанглийской библейской парафразе «Даниил».....</i>	135

Тайнопись и загадка

Алексеева Елена Леонидовна

Независимый исследователь

В средневековых рукописях встречаются разные виды тайнописи — как по способу шифрования, так и по содержанию. Часто автор или писец прибегает к тайнописи, чтобы открыть и одновременно скрыть свое имя, иногда криптограмма передает какую-нибудь сентенцию философского или, наоборот, игривого характера, а бывает, что хитрый шифр таит в себе загадку-притчу или отгадку к ней. Мы рассматриваем такую двойную загадку и предлагаем свое решение.

Ключевые слова: древнерусская рукопись, тайнопись, дешифровка, загадка-притча

Направление: Общее языкознание

Секция: Прикладная и математическая лингвистика

В средневековых рукописях встречаются разные виды тайнописи — как по способу шифрования, так и по содержанию. Часто автор или писец прибегает к тайнописи, чтобы открыть и одновременно скрыть свое имя, иногда криптограмма передает какую-нибудь сентенцию философского [Алексеева, 2010] или, наоборот, игривого характера [Алексеева, 2013], а бывает, что хитрый шифр таит в себе загадку-притчу или отгадку к ней. М. Н. Сперанский пишет: «Встречаются в старой письменности и такие случаи тайнописи, которые не поддаются чтению, несмотря на то, что их сопровождают побочные объяснения <...>, в свою очередь представляющие загадку: только разрешивши такую загадку, можно было бы судить о самой тайнописи и ее системе» [Сперанский, с. 154–155]. Сперанский приводит пример подобной неразгаданной загадки, ответ к которой, в свою очередь, тоже загадка — текст, записанный тайнописью.

ТЕКСТ ЗАГАДКИ И ТОЛКОВАНИЯ К НЕЙ

Приведем цитируемую Сперанским загадку [Сперанский, с. 154–155] по рукописи, хранящейся в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ, Музейское собрание, № 1428, XVII в., л. 154 и 154 об.):

Вопросъ. Не в коем граде множество вои с острыми огненными оружии, резвы зело, коней не имут, а конникъ постисают и уходятъ. И приде црѣ на градъ той с нѣкимъ ухищрениемъ без воинства и без всякого оружия; гражане же ухищрения его вси убояшася и вси разбегошася со острыми оружии, црѣ же град повоевав и имѣние ихъ разграби.

То(лкование). Грѣдпчкл чкичкикиивчскгч. а црѣчнчлѣк. здчкмшмчприидк имчш. ишсе мчпидчвз. ивчи ѿшѣдѣ.

Толкование загадки записано тайнописью, видимо, для того, чтобы дать читателю возможность самому найти ответ, и, найдя ответ, расшифровать и тайнопись.

Сперанский так прокомментировал криптограмму (пунктуация Сперанского — Е. А.): «Можно только догадываться, что первое слово следует читать: «град» а два слова с титлами: «царь» и «человѣкъ»; многочисленные ч может быть, обозначают ѣ?» [Сперанский, с. 155–156]. При этом он не высказал какой-либо гипотезы о возможной отгадке. Ответ, однако, как нам кажется, напрашивается: речь идет о пчелах.

В нашем случае, поскольку загадка публиковалась, ответ проверяем, это пчелиный улей [Древнерусская притча, с. 416]).

СПЕЦИФИКА ЗАГАДКИ-ПРИТЧИ

Для того, чтобы подступиться к раскрытию тайнописи, нужно принять во внимание, что древние загадки по форме отличались от современных: текст представлял собой не простой вопрос, а описание ситуации в виде небольшой притчи, и ответ на такую загадку-притчу не был односложным, он толковал все элементы загаданной ситуации.

Таковы были загадки в широко распространенном вопросно-ответном апокрифическом сборнике «Беседа трех святителей», дошедшем до нас во множестве списков, начиная с XV в. Приведем в качестве примера одну загадку, включенную в этот сборник, записанную простой литореей на последнем листе Пролога 1452 г. (РНБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря, № 1/1240, л. 359 об.), в этом виде ранее не публиковавшуюся (возможно, это одна из ранних фиксаций этой загадки):

Ме(г) да(м) ц(ѣ)шиди, цахъ ри лшое. и афъ шсоху лшое шгъ кеще/ Нолсъци хе лшое наты т лещѣ ш(ѣ)фру. кшое хе кещѣ/ наты w(т)царѣ ки/

Использование тайнописи в этом случае может быть объяснено тем, что «Беседа трех святителей» уже в XIV в. была включена в «Списки отреченных книг», то есть книг, не одобряемых церковью. Прочитать тайнопись несложно, так как литорея — это известнейший простой подстановочный шифр:

Ре(ч) ца(р) д(ѣ)вици, дажъ ми свое. и азъ вложу свое въ тебе Послѣди же свое паки к себѣ в(ъ)зму. твое же тебѣ паки w(т)дамъ ти.

Писец не приводит ответа на загадку, он лишь дает наставление: Не мни сра(м)но быти глѣмое, аще разу(м) имаши или w(т) вѣдуши(х) навькнеши.

Ответ известен из текста «Беседы»: Созда Бог Адама от земли, и положи в него душу от Святаго Духа, а как умре Адам, и тело его положи в земле, а душа его отиде к Богу (РГБ, ф. 732, № 41, воспроизводится по [Бабалык, с. 2]).

В отгадке объясняются все элементы загадки-притчи: царь — Бог, девица — земля; принадлежащее Богу — душа, принадлежащее земле — тело. В нашем случае мы тоже будем ожидать, что толкование дает поэлементный ответ на загадку.

ДЕШИФРОВКА ТОЛКОВАНИЯ ЗАГАДКИ О ПЧЕЛАХ

Рассмотрим первую часть толкования, выделив слова, увиденные Сперанским: Грдпчкл чкички-киивчскгч. а црчшчйкч. Слово 'человек' явно выступает объяснением слову 'царь' из текста загадки, и в таком случае естественно предположить, что и за словом 'град' идет его объяснение — 'пчкл', то есть 'пчелы'. Теперь можно выдвинуть гипотезу о примененном способе шифрования: во-первых, могут использоваться только согласные затаенных слов, во-вторых, повторяющиеся буквы — просто своего рода балласт, отвлекающий внимание и затемняющий текст.

Рассмотрим вторую половину толкования, выделив буквы, позволяющие разумно интерпретировать текст: здчкмшмчприидк имчш. ишсе мчпидчвз. ивчи ѿшїдїџ. Вставим гласные: з дымомъ приидь медь вза (и) ѿїде.

Таким образом, мы получаем полное объяснение нашей загадки-притчи: град — пчелы, царь — человек, который пришел с неким пугающим ухищрением — с дымом и имение разграбил — взял мед. Что пчелы боятся дыма, общеизвестно, в одной из древнейших славянских рукописей, в Изборнике 1073 г., например, читаем (л. 167): Вьсеому вѣровавъшоуоумоу къ гї англъ приходит аште мы его зълыми дѣлы не отъженемъ накоже бо и бчелы дымъ прогонитъ и голоуби отъгонитъ зълый смрадъ.

Необходимо также уточнить, что в XVII в. речь идет не о пчелином улье, а о борти — естественном или специально выдолбленном дупле в дереве, занятом пчелиной семьей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е. Л. Дешифровка древнерусской тайнописи, использующей условный алфавит // Материалы XXXIX Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 15–20 марта 2010 г.). Секция прикладной и математической лингвистики. СПб.: Филологический факультет, 2010. С. 6–14.
2. Алексеева Е. Л. Тайнопись в «Мышкинском сборнике» // Материалы XLII Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 11–16 марта 2013 г.). Секция прикладной и математической лингвистики. СПб.: Филологический факультет, 2013. С. 14–18.
3. Бабалык М. Г., Пигин А. В. «Эротические загадки» в «Беседе трех святителей» // Живая старина. № 2. 2009. С. 2–4.
4. Древнерусская притча / Сост. Н. И. Прокофьева, Л. И. Алехиной; Подг. текста и коммент. Л. И. Алехиной; Предисл. Н. И. Прокофьева. М., 1991. 528 с.
5. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. 162 с.

CRYPTOGRAM AND RIDDLE

Alekseeva Elena

Independent researcher

Medieval manuscripts may contain cryptograms varying both in cryptographic devices and in contents. Very often the author or the scribe of a manuscript uses a cipher in order to reveal and, at the same time, to conceal their name; sometimes a cryptogram covers a philosophical or ribald saying; it may be also used to hide a riddle or its explanation. In this paper we deal with a double riddle of the latter kind.

Keywords: Old Russian manuscript, cryptogram, deciphering, riddle-parable

Контактная информация:

Алексеева Елена Леонидовна — el.alexeeva@gmail.com

Gr8 и 4to — интернет-язык и его влияние (английский и русский языки)

Андреева Екатерина Георгиевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена аббревиатурам, используемым в текстовых сообщениях и интернет-чатах, анализу и сопоставлению списков сокращений, используемых в молодежной студенческой среде в России и США. Проводится попытка сопоставления как языковых, так и гендерных особенностей употребления аббревиатур.

Ключевые слова: аббревиатура, сокращение, сопоставительный анализ, интернет-язык, гендер

Направление: Общее языкознание

Секция: Социолингвистика

ИСХОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Сокращения, особенно в форме консонантизации, восходят исторически к тем временам, когда появился телеграф, не способный передавать пунктуационные знаки и «подаривший» нам *тчк*, *зпт* и т. п. Однако настоящий бум в развитии сокращений начался в связи с появлением мобильной связи и позже — интернета, когда приоритетом была экономия текстового пространства и денег. Постепенно развился и особый язык интернет-общения, который настолько закрепился, что его описанию посвящались как отдельные статьи, так и коллективные монографии [Какорина, 2007; Ахапкина, Рахилина, 2014], и книги, благодаря которым он получил название «нетспик» (Netspeak) [Crystall, 2001]. На сегодняшний день наряду с тем, как все более доступными и дешевыми становятся мобильные телефоны, услуги сотовых операторов и интернет-провайдеров, он постепенно утрачивает свое значение.

ЦЕЛЬ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Цель данного сообщения — продемонстрировать реальное положение дел в отношении использования сокращений на основании анкетирования англо- и русскоговорящей молодежи узкой возрастной группы (20–25 лет). Общее количество информантов — 115, из них 34 (26 жен., 8 муж.) — русскоязычные студенты, 81 — носители английского языка (студенты американских университетов). Внутри каждой языковой группы рассматривались отдельно ответы информантов женского и мужского пола с целью выявить какие-либо гендерные отличия. К сожалению, малое число русских мужчин-респондентов и тот факт, что лишь в 16 анкетах американских студентов был указан пол (9 жен., 7 муж.), приводит к тому, что можно дать только самую грубую приблизительную оценку гендерных предпочтений. Для обоих языков анкеты содержат по 26 сокращений, представляющихся наиболее частотными, которые следовало отметить как используемые «часто», «редко» и «никогда», а также добавить те не вошедшие в список, которыми информанты пользуются. Носители русского языка заполняли обе анкеты, поскольку активно пользуются и английским языком.

РУССКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

В число самых популярных сокращений, которыми пользуются более 75% респондентов, входят всего шесть единиц (*ок*, *норм*, *че*, *мб*, *оч*, *спс*). Любопытно, что *мб* используют 77% женщин и 88% мужчин, такая же картина и у *спс*. Среднюю группу сокращений, которыми пользуются от 40% до 60% информантов, составили четыре — *пож/пжлст*, *ваще*, *лол*, *что-нить*. Первым из них женщины пользуются чаще (65% по сравнению с 50% у мужчин). Практически не используются (максимум 3 респондента) такие единицы, как *кста*, *ск*, *прив*, *ос*, *слу*, *смо3*, *ятл*, причем мужчины указали как используемые только *прив* и *слу*. Добавленные сокращения (хотя и составили список в 34 единицы) по большей части являются индивидуальными, «авторскими», но никак не общепринятыми единицами, за исключением *хз*, *омг*, *чот*, *лан*, употребимость которых от 14% до 8%.

В целом, складывается впечатление, что русские женщины пользуются сокращениями чаще и разнообразят их больше чем мужчины, хотя цифры расходятся не разительно — у женщин в среднем 12,5 сокращений, у мужчин — чуть больше 11,5. Заметно, что в русских сокращениях не используются цифры (*смо3* — единственный пример), а добавления к списку представляют собой усеченные слова,

фонетически передающие небрежное произнесение слов (*лан* вместо *ладно* и т.п.). Наконец, в молодежной среде считаются уже «русскими» такие единицы, как *ок*, *имхо*, *лол* и *омг*.

АНГЛИЙСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ (НОСИТЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Было обработано 26 анкет, заполненных носителями русского языка, так как восемь информантов (из 34), по их признанию, не пользуются английскими сокращениями.

В число наиболее частотных единиц, которыми пользуются свыше 75% опрошенных, вошли *OK*, *OMG* и *WTF*. Оказалось, что женщины чаще, чем мужчины используют *OK* и *WTF*, а мужчины, как ни странно, *OMG* (разница составляет 3–4% во всех трех случаях). Сокращения, которыми пользуются примерно половина информантов (от 40% до 60%), это *ASAP*, *IDK*, *bc*, *IMHO* и *def*. Заметных различий по гендеру не наблюдается — и мужчины, и женщины используют их примерно одинаково, с разрывом в 1–1,5%. Бросается в глаза, что *TNX* мужчины используют реже чем женщины (38% и 84% соответственно), что совсем не коррелирует с данными по русскому *cnc*. Пренебрежимо малое число респондентов используют *F2F*, *CUL8R*, *2nite*, *BFN*, *TTYL*, *AML* — два и менее человека, и ни один не использует *G2B*. Практически все из добавленных к списку сокращений (31) используются одним информантом, за исключением *BTW*, которое внесли четыре человека. Буквенно-цифровых сочетаний безусловно больше (четыре по сравнению с одним в русском списке), но они не популярны у русских респондентов.

АНГЛИЙСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ (НОСИТЕЛИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В число наиболее активно используемых сокращений (свыше 75% информантов) вошли восемь единиц — *OK*, *JK*, *IDK*, *LOL*, *ASAP*, *WTF*, *OMG*, *bc*. Во всех этих случаях женщины пользуются ими чаще, а такие сокращения, как *OK*, *OMG*, *WTF*, *IDK* были отмечены всеми девятью женщинами. В средней группе, в которую входят аббревиатуры, указанные 40–60% опрошенных, оказались *ILU*, *IMHO*, *G2G*, *TNX* и *tmrw*. Почти не используются *CUL8R*, *F2F*, *AML*, *G2B*, причем *B4N* не отметил ни один из информантов. Можно утверждать, что американские женщины используют сокращения чаще, чем мужчины (в среднем 15,5 сокращений по сравнению с почти 11 соответственно). Американские студенты внесли значительно больше добавлений к исходному списку — их насчитывается 60 единиц, при этом по крайней мере три из них используются достаточно широко (*lmao* — 16%, *ty* — 11%, *smh* — 8%). *OMG* — явно «женское» сокращение (его отметили 100% информантов-женщин по сравнению с 28% указавших его мужчин). Также явно более гендерно окрашенными оказались *IDC* (78% жен. — 28% муж.), *LMK* (78% жен. — 14% муж.), *def* (89% жен. — 28% муж.), *ILU* (44% жен. — 28% муж.).

Важным замечанием стало указание одного из информантов на то, что заглавные буквы в сокращениях явно выражают излишний напор со стороны собеседника или эмоциональность, чего американцы склонны избегать (All caps is often seen as aggressive, or excited. I think most of my peers — I'm 21 — usually use lowercase).

СОПОСТАВЛЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Сравнение и анализ всех данных совершенно определенно указывает на то, что англоязычные студенты используют сокращения чаще, чем их русскоязычные сверстники, и что набор используемых ими единиц также превышает русский список. Девушки более активно прибегают к сокращениям, нежели юноши, и в этом отношении американцы продемонстрировали большой разрыв, чем русские (разница в 4,5 сокращений и 1 соответственно).

Пунктирно наметились тенденции в предпочтениях, например, *cnc/nacub* чаще отмечается русскими мужчинами, а не женщинами. По данным американских студентов *IDC* (*I don't care*), *LMK* (*let me know*), *ILU*, *Def*, *OMG* явно более «фемининные», хотя по анкетам, заполненным русскими, получается, что *OMG* мужчины используют больше. Как американские, так и русские студентки используют *WTF* (такое, казалось, грубо мужское выражение) чаще чем юноши-студенты.

Русские респонденты в целом больше «благодарят» (*tnx* 77%) и меньше «просят» (*pls* 62%), тогда как американские чаще указывают *pls* (72%) и реже *tnx* (50%).

Если говорить о форме образования сокращенных слов, то русский язык тяготеет к усечению основы (*мо* — *можно*), «съеданию» гласных и согласных (*что-нить*), отражению на письме просторечного произнесения (*ваще*, *че*, *ниче*), реже — к консонантизации (*пжлст*). Английский язык использует много аббревиатур (*OMG*) и консонантных групп (*pls*, *tmrw*). Заглавные буквы в сокращениях несут для американцев дополнительное значение излишнего напора и эмоциональности, тогда как для русских

респондентов подобного противопоставления строчных и заглавных букв нет. Наконец, цифровые символы в сокращениях на обоих языках практически перестали использоваться.

Проведенный анализ показывает, что английский «нетспик» и богаче, и более активно используется по сравнению с русским, не говоря уже о том, что русский интернет-язык черпает из английского сокращения и аббревиатуры.

ACKNOWLEDGEMENTS

Особую благодарность хочу выразить всем, кто участвовал в опросе, помогал собирать данные и обрабатывать их — Анне Белкиной, Елене Долгих, Ольге Ивановой, Марьяне Петяскиной, Екатерине Никифоровой, без чьего участия эта статья не состоялась бы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Какорина Е. В.* Язык интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МедиаМир, 2007.
2. Современный русский язык в интернете (Языковые изменения в зеркале интернета) / Под ред. *Я. Э. Аханкиной, Е. В. Рахилиной*. М.: Языки славянских культур, 2014.
3. *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

GR8 И 4ТО — INTERNET LANGUAGE AND ITS IMPACT (ENGLISH AND RUSSIAN)

Andreeva Ekaterina

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The focus of the paper is on abbreviations used by Russian and English speakers (aged 20–25) in text-messages and Internet chats. The two lists (Russian and English) are analyzed in terms of their frequency, gender preferences and language-specific features.

Keywords: abbreviation, contrastive analysis, Netspeak, Internet language, gender

Контактная информация:

Андреева Екатерина Георгиевна — e.andreeva@yahoo.com

Semiotics of silence in Colm Toibin's biofiction "The Master"

Antsyferova Olga

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Biofiction as a genre encompassing both documentary and fictional elements represents not only the biographical subject proper but also the biographer's subjective orientation. The case study of a recent biofiction about Henry James («The Master» by Colm Toibin) suggests that silence as a semiotic practice is mobilized by both ideological and aesthetical premises. Ideologically, the gay author does not confine himself to revealing homoerotic propensities of his hero, but turns to an unresolvable conflict between James's infinite devotion to art and personal responsibility «to live all you can». The aesthetics of silence strongly relates to the style of the portrayed author. Jamesian prolixity is akin to silence: in his texts the meaning is deferred in endless syntactical periods just as it might be deferred by silencing; though Toibin skilfully adapts his style to the tastes of modern reader. To conclude, silence in Toibin's novel functions not to uncover the sites of suppression of an assumingly gay protagonist, but acquires a universal, ontological meaning, signifying fatal solitude of an artist, which is very close to the main nerve of James's own writing.

Keywords: silence, biofictions, Henry James, Colm Toibin, gay literature

Area: The History of Literature

Section: The History of Foreign Literatures

Biofiction is a specific mode of biographical writing where fictional element co-exists on presumably equal terms with a non-fictional one. For Alain Buisine, biofiction is a postmodern form of biography that «implicitly concedes through its dramatization that it cannot accurately signify or represent the biographical subject because **the author's subjective orientation will always inflect the representation**» (qtd. in: [Lackey, p. 5]; bolding mine. — O. A.). Here I would like to focus on C. Toibin's biofiction «The Master» (2004) about Henry James to demonstrate that silence is both the main structural and narrative strategy and an important ideological stance of Toibin.

1. SILENCE IN LITERATURE AND CULTURE AS A THEORETICAL PROBLEM

Special significance of silence as a semiotic practice appertains to some topical issues of today's cultural situation. «The prevalence of a fictional and theoretical recourse to silence in the twentieth century is [...] concomitant with the period's cultural and philosophical investment in language» [Dauncey, p.1–2]. The first scholars who in 1960s explicitly involved themselves in the study of silence as a philosophic and aesthetic phenomenon were G. Steiner, S. Sontag, and I. Hassan, who, particularly, wrote: «At a certain limit of contemporary vision, language moves towards silence» [Hassan, p.36]. Since 1960s an obvious tendency can be tracked to view silence more broadly and to speak not just about aesthetics of silence, as S. Sontag did, but about culture of silence: silence may be viewed as manifestation of the text's ideological agenda. As C. Glenn points out, the «rhetoric of silence» has always relied upon notions of power, authorship, and agency [Glenn, p.26].

While writing a biofiction, the author has to deal with a crucial problem of choice, which presupposes putting forward some biographical facts and turning a blind eye to others which appear less necessary or contravening the ideology of the life-narrative. It is here that the cultural work of silence in the form of bypassing, suppression, eliding starts.

2. «THE MASTER» BY COLM TOIBIN

Silence as a semiotic practice in «The Master» is mobilized by virtue of both ideological and aesthetical premises.

2.1. IDEOLOGICAL PREMISES OF SILENCE IN «THE MASTER»

In the wake of poststructuralism and deconstructivism, silence is viewed as having clear-cut sociological and ideological dimensions, which often relates to self-identity trouble (whether social or gender). In Toibin's case (and, presumably, James's) overt predilection for silence as a thematic concept and ideological agenda might be primarily connected with the gay identity of the author(s). Toibin, himself an open gay, well before writing *The Master*, elaborated on distinctive features of a gay artist's psychology: «The gay past contains silence and fear as well as Whitman's poems and Shakespeare's sonnets, and this may be why it is so easy to find a gay subtext in Kafka's novels and stories [...] It is astonishing how James managed to withhold his homosexuality from his

work». What he managed to do, Tóibín suggests, is to depict «the damage such withholding can cause, the waste and desolation it leaves in a life» (qtd. in: [Wood, 2004]).

At first sight, the main import of *The Master* is exactly that. Toibin's James abstains from participation in politics (Civil War), from sexuality and from overt expression of emotions. Presumptive homoerotic motifs (James's long-ago feelings for the homosexual Russian artist Zhoukovsky and his mixed feelings for handsome American Norwegian sculptor Andersen, as well as a queer attraction to Irish valet Hammond) are described in the novel as an innuendo, though.

Eventually, however, Toibin's version of James reticence starts evoking a different conjecture. What actually happens is that the gay author does not confine himself to revealing homoerotic propensities of his hero, but turns to more universal problems of genesis of art and to an unresolvable conflict between James's infinite devotion to art and personal responsibility «to live all you can». This effect is achieved largely through semiotics of silence.

Though the plot develops in late 1890s, the book deploys diverse and persistent movements in time — mainly flashbacks. Every trip backwards is fraught with a morbid discovery and self-revelation which, essentially, fuel Jamesian art. Among numerous attachments of Henry James, Toibin skilfully selects those which turned to be most traumatic for him. The correlation of silence and trauma is quite evident: many a trauma has to be bound by silence. According to some biographers, while in Paris, James fell in love with the Russian aristocrat and artist Paul Zhoukovsky. While alluding to this episode, Toibin appropriates James's technique of «central consciousness» and deftly hushes the situation. The episode is presented in the form of reminiscences of a rainy night James spent on a Paris street watching a window of his friend instead of meeting him: «The rest of the story was imaginary, and it was something he would never allow himself to put into words. In it, he had crossed the road halfway through his vigil. He had alerted Paul to his presence and Paul had come down and they walked up the stairs together **in silence**» ([Toibin, p.10]; bolding mine. — O. A.).

Other examples of traumatic experiences bound by silence are relations with Henry's sister Alice and his cousin Minny Temple (considered to be a prototype of Isabel Archer from «*The Portrait of a Lady*» and Milly Teal from «*The Wings of the Dove*»). Both of them died young, and this makes «remembrance of things past» especially disturbing. Instigated by the words of an old American friend, James feels guilty of not taking Minny Temple to Italy when she was ill. While suppressing possible words of self-defense, James keeps turning these accusations over and over in his mind, only to come to poignant understanding that «he had preferred her dead rather than alive» [Toibin, p.122]. Another dramatic episode — the suicide of Constance F. Woolson, whom James perceived as «the only person he had ever known who was fully skilled at deciphering the unsaid and unspoken» [Toibin, p.256], which makes her a very special figure in the framework of the semiotics of silence.

For Toibin, solitude and silence are the main sources of James's creativity. There is a complex concept of solitude, a close partner to silence, in the book; on the one hand— it is a thing James was craving for since his young years, on the other, solitude is perceived almost tragically, which is expressed by a sonic and oxymoronic metaphors: sound of silence, cry of solitude [Toibin, p.152]. Silence is emphatically mentioned in the final phrase of the novel.

As it ultimately turns out, writing is the most important and life supporting thing for James, both his cure and consolation.

2.2. AESTHETICAL PREMISES OF SILENCE IN «*THE MASTER*»

In the analyzed biofictions, the rhetoric of silence strongly relates to the style of the portrayed author, to the renowned verbosity and opaqueness of his idiolect. Jamesian prolixity is definitely akin to silence in the sense that in his texts the meaning is deferred in endless syntactical periods just as it might be deferred by silencing. One of the reviewers states the supreme reticence of James' fiction. «To read James properly is often to read his books against themselves, as it were, to seek meaning in [...] the absences, and the suspensions of the text, in emphatically what is not said» [Cowley]. Thus, the problem of Jamesian style and reception brings us again to the issue of «what is not said» in his texts.

Speaking about Toibin's style, probably it is true that he «ventriloquizes» his hero, as some reviewers put it. In Toibin's novel «language is taken away from James rather than given to him, which brings him closer to us than he might otherwise be. Not that Tóibín's language is jarringly contemporary or slangy. It is just not an imitation; it is lighter and less ornate than the Master's own» [Wood]. In a word, Toibin skilfully adapts his style to the tastes of modern reader, which can be considered a significant factor for the best-selling status and favorable reviews of the biofiction.

3. CONCLUSION

Contrary to expectations created by the sexual identity of the author and his previous declarations, silence in Toibin's novel functions not to uncover the sites of suppression of an assumingly gay protagonist. Deployment of semiotics of silence is multifarious and relates both to the tenor of the book and to its structural and narrative strategies. Thus, silence acquires a universal, philosophical, ontological meaning. It stands for a fatal solitude of an artist doomed to sacrifice what other people call life for the sake of his art. And that is very close to what was the main nerve of James's own writing. It makes Toibin's novel very congenial to its subject.

REFERENCES

1. *Cowley J.* Another Screw on the loose. Rev. of «A Jealous Ghost» (2005) by A.N. Wilson // *The Guardian*. Sunday 10, April 2005. URL: <https://www.theguardian.com/books/2005/apr/10/fiction.henryjames> (Дата обращения: 21.05.2018).
2. *Dauncey S.* The Uses of Silence. A Twentieth-Century Preoccupation in the Light of Fictional Examples, 1900–1950. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in English and Comparative Literary Studies. University of Warwick, 2003. 425 p. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/4054/1/WRAP_THESIS_Dauncey_2003.pdf (Дата обращения: 21.05.2018).
3. *Glenn C.* Unspoken: A Rhetoric of Silence. Carbondale: Southern Illinois UP, 2004. 248p.
4. *Hassan I.* Metaphors of Silence// Malone D. H. (ed.) *Frontiers of Literary Criticism*. Los Angeles: Hennesey and Ingalls, 1974. P. 35–52.
5. *Lackey M.* Locating and Defining the Bio in Biofiction// *Auto/Biography Studies*. Vol. 31. No 1. 2016. P. 3–10. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/08989575.2016.1095583> (Дата обращения: 21.05.2018).
6. *Toibin C.* *The Master*. London: Picador, 2005. 360p.
7. *Wood M.* What Henry Didn't Do // *London Review of Books*. Vol. 26 No. 6. 18 March 2004. P. 21–22. URL: <http://www.lrb.co.uk/v26/n06/michael-wood/what-henry-didnt-do> (Дата обращения: 21.05.2018).

СЕМИОТИКА МОЛЧАНИЯ В БИОГРАФИЧЕСКОМ РОМАНЕ КОЛМА ТОЙБИНА «МАСТЕР»

Анцыферова Ольга Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Биографический роман как жанр соединяет в себе художественные и документальные черты и отражает субъективную ориентацию биографа. На материале биографического романа о Г. Джеймсе К. Тойбина молчание анализируется не только как как ключевой механизм отбора материала для любого биографического нарратива, но и как специфическая трактовка проблемы сексуальной самоидентификации американского классика в свете открытой гомосексуальной ориентации биографа. Декларируемая Тойбином зависимость джеймсовской эстетики от его латентной гомосексуальности рассматривается в сопоставлении с общей тональностью, нарративной структурой и принципами отбора жизненно-биографического материала в романе. Выводы позволяют говорить о неоднозначном соотношении в романе гендерного и эстетического аспектов: молчание и одиночество показаны как главные предпосылки творческих свершений Джеймса, выводя читателя за рамки собственно гендерных импликаций. Молчание приобретает универсально-философский онтологический смысл и означает, скорее, неизбежное одиночество художника, обреченного жертвовать тем, что обыденно именуется жизнью, во имя искусства.

Ключевые слова: молчание, биографический роман, Генри Джеймс, Колм Тойбин, гей-литература

Контактная информация:

Анцыферова Ольга Юрьевна — olga_antsyf@mail.ru

К вопросу о метаязыке локализации

Ачкасов Андрей Валентинович

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Локализация как индустриальная практика и область исследований находится в стадии активного развития и изменения. В статье рассмотрены основной терминологический фонд локализации, заимствования из смежных областей и формирование междисциплинарного метаязыка локализации.

Ключевые слова: локализация, терминология локализации, метаязык локализации, индустриальный курс, переводоведение

Направление: Федоровские чтения

Секция: Актуальные проблемы переводоведения

ВВЕДЕНИЕ

Локализация возникла и сложилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов как индустриальная практика, связанная с языковой и технической адаптацией цифровых продуктов. В 2000-е годы значение понятия «локализация» существенно расширилось [Sprung, 2000], оно превратилось в широкий концепт, связанный с самыми разными формами языковой адаптации и перевода. В исследованиях и в индустриальных практиках 2010-х годов появились такие термины как 'локализация DVD' ('DVD localization'), 'локализация фильмов' ('film localization'), 'локализация комиксов' ('comics localization'), 'локализация новостей' ('news localization') и даже 'локализация литературных жанров' ('localization of literary genres') или 'локализация книг для детей' ('localization of children's books'). Сегодня понятие локализации постепенно утрачивает генетическую связь с областью цифровых технологий и становится глобальным концептом, охватывающим любые формы, стратегии и практики межъязыковой и межкультурной адаптации. В этом контексте формируется метаязык локализации, переосмысливается ее терминологический фонд, появляются новые термины.

СОБСТВЕННЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД ЛОКАЛИЗАЦИИ

Вопрос о метаязыке локализации ставился в статье И. Мазур и решался только на основе анализа дискурса «от индустрии» [Mazur, 2009, p. 146]. В основной понятийный фонд локализации автор включает, в том числе, терминологию автоматизации перевода и инжиниринга цифровых продуктов. На сегодняшний день такая постановка вопроса утратила актуальность. Формирование метаязыка локализации осуществляется в ходе взаимодействия индустриального дискурса и разных направлений исследования практик локализации, включая переводоведение, межкультурную коммуникацию, чело-веко-компьютерное взаимодействие, кросскультурный менеджмент.

Собственный концептуальный фонд локализации включает два основных понятия — «локаль» и «интернационализация». Термин «локаль» (locale) исторически возник в области программного обеспечения и узко определялся как набор параметров и элементов (форматы чисел, дат и времени, меры, денежные знаки, кодировка символов письменности и т. д), требующих адаптации для функционирования ПО в конкретном регионе. В 2000-е годы объем понятия «локаль» расширился и стал охватывать совокупность экономических, политических, юридических, маркетинговых, культурных, лингвистических факторов, определяющих способы модификации продуктов для новых рынков. Появились частные понятия, такие как 'языковая локаль' ('language locale'), 'юридическая локаль' ('legal local'), 'культурная локаль', ('cultural locale'), 'географическая локаль' ('geographical locale') и т. д. Перечисленные локали не совпадают в пределах географических границ. В широком значении термин «локаль» постепенно входит в переводоведение, так как позволяет адекватно описывать процессы межъязыковой коммуникации и языковой адаптации в цифровой среде и приходит на смену термину «лингвокультура».

Понятие интернационализации также исторически связано с локализацией программного обеспечения и предполагает сознание культурно-нейтральных, «делокализованных» версий продуктов, которые впоследствии наполняются контентом, специфичным для конкретной локали (собственно локализация). Указанный способ «перевода» эффективен в экономическом аспекте, позволяет выпускать одновременно несколько версий продукта на разных языках (simultaneous shipment) и был перенесена из области программного обеспечения в практику локализации других продуктов. Так, в области

киноперевода, переводчик нередко работает с интернационализированными версиями скриптов; в области новостной индустрии «локальные» новости создаются на основе материалов «делокализованных» глобальных новостных агентств. Подобный сценарий реализуется при создании многоязычных версий комиксов. По мнению А. Пима интернационализация является ключевым признаком локализации, отличающим ее от всех других форм межъязыковой и межкультурной коммуникации, и формирует новую парадигму в переводоведении [Pym, 2014].

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Ближайшая периферия формирующегося метаязыка локализации представлена терминами, заимствованными из области кросс-культурных исследований, рекламы и маркетинга, связанных с разными аспектами культурной адаптации продукта в целом. В частности, в переводоведении, в исследованиях по локализации и маркетинговом дискурсе локализации широко используются такие термины как 'творческая адаптация', 'транскреация' ('transcreation'), 'транспрезентация' ('transrepresentation'), 'креативная локализация' ('creative localization'), 'культурная кастомизация' ('cultural customization'), 'индигенизация' ('indigenization'). Языковые аспекты культурной адаптации чаще всего описываются в терминах копирайтинга: 'мультикультурный копирайтинг', 'кросс-культурный копирайтинг' ('cross-cultural copywriting'), 'мультиязыковое переписывание' ('multilingual rewriting') и др. Приведенные термины все активнее входят в общее концептуальное поле, однако имеют неопределенный объем значения и требуют систематизации и осмысления.

В переводоведении также предпринимались попытки концептуализации локализации как совокупности индустриальных практик, однако все они сводятся к описанию локализации как «разновидности перевода» [Jiménez-Crespo, 2013]. Фактически такой подход означает сведение технологических, экономических, юридических и др. факторов к простой метафоре «перевод-плюс-адаптация» и попыткам описания локализации в ставших традиционными терминах переводоведения — доместикация, функциональный перевод, 'скрытый перевод' ('covert translation') и т. д. В рамках такого способа осмысления локализации в переводоведении возникли такие понятия как 'культурный перевод' ('cultural translation'), 'мультимодальный перевод' ('multimodal translation') и т. д.

Следует отметить, А. Пим предложил наиболее общую трактовку локализации через понятие распределения (распространения, дистрибуции — distribution), охватывающее разные аспекты процессов, «перемещения» текстов и продуктов (шире — материальных объектов), обуславливающих разные способы стратегии их «модификации» [Pym, 2004]. Понятие распределения в этом значении шире понятия дистрибуции в бизнесе и экономике, и позволяет рассматривать перевод и локализацию в самом широком контексте языковых, культурных, экономических, юридических, социальных, технических взаимодействий.

ВЫВОДЫ

Метаязык локализации в настоящее время формируется как совокупность межотраслевых и междисциплинарных терминов. Такая ситуация обусловлена активной разработкой проблем локализации в смежных областях практики и исследований (веб-инжиниринг, дизайн, маркетинг и т. д.). В зависимости от целей исследования локализация определяется как особый вид перевода, простое сочетание перевода и культурной адаптации, новая парадигма в переводоведении, особый вид межкультурной коммуникации, функция глобальной экономики или кросскультурного маркетинга и т. д. Изучение метаязыка локализации позволяет лучше понять новое, формирующееся междисциплинарное поле исследований в области межъязыковой коммуникации и место в этом поле традиционных переводоведческих подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jiménez-Crespo M. A. Translation and Web Localization. London: Routledge, 2013. 244 p.
2. Mazur I. The metalanguage of localization. Theory and practice. In Gambier Y., Doorslaer L. (eds.). The Metalanguage of Translation. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2009. P. 145–165
3. Pym A. The Moving Text. Localization translation, and distribution. Amsterdam, Philadelphia P. A.: John Benjamins, 2004. 223 p.
4. Pym A. Exploring translation theories. Routledge: London and New-York, 2014. 178 p.
5. Sprung R. Translating into success: Cutting-edge strategies for going multilingual in a global age. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2000. 240 p.

ON METALANGUAGE OF LOCALIZATION

Achkasov Andrei

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia

Localization as an industrial practice and an area of research is currently undergoing rapid development and change. The article discusses the core terminology of localization, some borrowings from the neighboring areas and formation of interdisciplinary metalanguage of localization.

Keywords: localization, localization terminology, metalanguage of localization, industry discourse, translation studies

Контактная информация:

Ачкасов Андрей Валентинович — a_v_achkasov@mail.ru

Об интерпретации одного отрывка Книги пророка Исаяи (53:8b)

Битнер Кирилл Андреевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье обсуждаются проблемы интерпретации отрывка библейской Книги пророка Исаяи 53:8b в масоретском тексте Библии, ее древних переводах и в текстах кумранских свитков.

Ключевые слова: Кумран, Пешитта, текстология, Книга Исаяи, Песни Раба Господня

Направление: Классическая филология, библеистика, неоэллинистика, балканистика

Секция: Библия и христианская письменность

(1) Многие тексты, входящие в состав библейской Книги пророка Исаяи, представляют трудность для экзегетов, их семантика не вполне ясна. При этом часто проблема интерпретации неразрывно связана и с текстологическими проблемами, поскольку различные версии определенного текста могут содержать существенные отличия. Одним из подобных текстов является Исаяя 53:8b, который входит в состав т. н. Четвертой Песни Раба Господня (Исаяя 52:13–53:12).

(2) В масоретской версии Книги представлен следующий вариант текста отрывка Исаяя 53:8b: *ki nigzar me'äräs hayyim tippäša' ammi näḡa' lāmo*. На европейские языки его переводят обычно подобным образом: 'От земли живых он был отторгнут, пала на него кара за грехи моего народа' (перевод Российского библейского общества). При этом перевод основывается на интерпретации слова *lāmo* как формы предлога *lā* 'к, у, для' с местоименным суффиксом 3 лица единственного числа, т. е. 'на нем' [Koole, p. 311–312]. Однако данная интерпретация представляется хотя и возможной, но малоубедительной, поскольку *lāmo* в подавляющем большинстве случаев является формой предлога *lā* с местоименным суффиксом 3 лица множественного числа (= *lāhām*), т. е. 'на них'. Мы предлагаем следующее понимание масоретской версии отрывка: 'Ибо от земли живых он был отторгнут за преступление народа моего, на котором кара' (ср. перевод Jewish Publication Society 'For he was cut off out of the land of the living, for the transgression of my people to whom the stroke was due'). Антецедентом суффиксного местоимения 3 лица множественного числа (-*mo*), на наш взгляд, является существительное *'ammi* 'мой народ', поскольку оно является собирательным. Отсутствие в тексте отрывка относительного местоимения *'āšār* 'который' обусловлено особенностями стиля: в древнееврейских поэтических текстах эллипсис относительного местоимения происходит регулярно (смотри, напр., Псалтирь 90(91)).

(3) Текст древнегреческого перевода (LXX) отрывка 53:8b выглядит следующим образом: *ὅτι αἴρεται ἀπὸ τῆς γῆς ἢ ζωῆ αὐτοῦ, ἀπὸ τῶν ἀνομιῶν τοῦ λαοῦ μου ἤχθη εἰς θάνατον* 'ибо отторгается от земли жизнь его, из-за беззаконий моего народа он был отведен на смерть'. Он содержит ряд отличий от масоретского. В частности, древнееврейскому *lāmo* в переводе LXX соответствует *εἰς θάνατον* 'для смерти, на смерть'. Данное разночтение может быть объяснено двумя разными способами: а) переводчики LXX основывались на древнееврейской *Vorlage*, в которой вместо *LMW* было написано *LMWT* (некоторые исследователи полагают, что подобный вариант текста являлся первоначальным [Blenkinsopp, p. 345, 348]); б) вариант, засвидетельствованный в LXX, мог появиться вследствие гармонизации с Исаяя 53:9: в этом стихе древнееврейскому *BMṬYW* соответствует греческое *ἀντὶ τοῦ θανάτου αὐτοῦ* [Ekblad, p. 236]. Поскольку в других свидетельствах текста Книги Исаяи вариант, обладающий семантикой «на смерть» не встречается, а переводчик LXX часто прибегал к гармонизации и парафразу, второе объяснение нам кажется предпочтительным.

(4) Другим важным вариантом текста LXX является *ἤχθη* 'был приведен', который представляет собой форму 3 лица единственного числа пассивного аориста. По всей видимости, в данном случае консонантный текст *Vorlage* LXX не отличался от того текста, который лег в основу масоретского, и содержал согласные *нун, гимел* и *'айин* (*NG'*). Масореты интерпретировали данное слово как существительное *näḡa'* 'кара, наказание', а греческий переводчик — как форму глагола (в масоретской вокализации данные формы выглядели бы как *nigga'* или *nugga'* 'был поражен', теоретически возможна также интерпретация 'был приведен').

(5) Интерпретировали слово *NG'* как глагольную форму также и многие другие переводчики Библии на древние языки. В частности, в греческих переводах Аквилы и Феодотиона оно было передано при помощи формы 3 лица единственного числа медиального аориста (*ἦψατο* 'он коснулся, поразил'), в Вульгате — при помощи формы 3 лица единственного числа перфекта (*percussit* 'он поразил'), в Таргуме

Ионафана — при помощи формы 3 лица единственного числа имперфекта (*yimṭe* ‘он даст встретить, обратит’), в Пешитте — при помощи формы 3 лица множественного числа перфекта (*QRBW LH* ‘они поразили его’). Исключением является греческий перевод Симмаха, который содержит ту же интерпретацию слова *NG^c*, что и масоретский текст (*πληγή* ‘удар, бедствие’).

(6) Особый интерес представляет интерпретация последней части (53:8bβ) данного отрывка в сирийском переводе Пешитты: ...*WMN* ‘*WL^c D^cMY QRBW LH* ‘...и за грешников Моего народа поразили они его’. В сирийском языке (а также изредка в древнееврейском) предлог *lā* используется в пассивной конструкции для обозначения лица, посредством которого совершается действие [Muraoka, с. 67]. Видимо, сирийский переводчик посчитал, что в тексте Исайя 53:8 был использован данный оборот речи, но при его передаче он прибег к парафразу (сравните также перевод отрывков Исход 12:16 и Иеремия 8:3 в Пешитте с Масоретским текстом). При этом нельзя исключать влияние на переводчика христианского богословия.

(7) В кумранских пещерах было обнаружено три древнееврейских списка Книги пророка Исайи, сохранивших текст Исайя 53:8b: свитки 1QIsa^a, 1QIsa^b и 4QIsa^d. Текст Исайя 53:8β выглядит в них следующим образом. 1QIsa^a: ...*MPS^c MW NWG^c LMW* ‘...за преступление его народа он был поражен ради них (или: поражен ими)’; 1QIsa^b: ... *MPS^c MW NG^c LMW* ‘...за преступление его народа он был поражен (или: поражен за них; или: поражен ими; или: поражение на нем)’; 4QIsa^d: [*MPS^c MY NG^c LMW* ‘...[За преступление] моего народа он был поражен (или: поражен за них; или: поражен ими; или: поражение на нем)’].

(8) В текстах свитков 1QIsa^a и 1QIsa^b в Исайя 53:8bβ использована форма единственного числа существительного ‘*am* «народ» с местоименным суффиксом 3 лица единственного числа мужского рода (‘*MW* ‘его народ’ *versus* масоретский вариант ‘*MY* ‘мой народ’). Большинство текстуальных свидетельств 53:8 поддерживает чтение ‘*MY* ‘мой народ’, засвидетельствованное в масоретской версии. При этом кумранский вариант ‘*MW* ‘его народ’ в большей степени соответствует контексту, чем масоретский ‘*MY* ‘мой народ’. Выше (53:6) и ниже (53:10) о Боге говорится в третьем лице, никаких других признаков того, что отрывок является пророчеством, нет. Вполне возможно, что чтение ‘*MY* является результатом писцовой ошибки, которая вкралась в текст на раннем этапе его трансмиссии. Первоначальным вариантом мог быть *MPS^c MW* ‘за грех его народа’ (=1QIsa^a, 1QIsa^b), *MPS^c M* ‘за грех их’ или *MPS^c YM* ‘за грехи’. Таким образом, можно допустить, что свитки 1QIsa^a и 1QIsa^b сохранили первоначальный вариант текста. Однако возможна и иная ситуация: антиграф свитка мог содержать тот же (испорченный) вариант ‘*MY*, что и масоретская Библия, но книжник исправил ‘*MY* на ‘*MW*, поскольку последний вариант в большей степени соответствовал контексту.

(9) В тексте свитка 1QIsa^a в отрывке 53:8bβ засвидетельствован вариант *NWG^c*. Данное слово может представлять собой форму перфекта 3 лица единственного числа мужского рода породы *Pu^aal* (или же пассивного спряжения породы *Qal*), либо форму единственного числа мужского рода причастия пассивного спряжения породы *Qal*. Текст отрывка в его кумранской версии (1QIsa^a) обычно переводят следующим образом: ‘...За преступление его народа он был поражен за них’ [Clines, с. 609]. Однако можно предложить и другой способ его интерпретации: ‘...За преступление его народа он был поражен ими’. В древнееврейском языке в пассивных конструкциях предлог *lā* может использоваться для обозначения лица, посредством которого совершается действие (сравните с Исайя 65:1: *nidrašti lālo[?] šā[?]ālu nimše[?]ti lālo[?] biqšuni...* ‘Я был взыскан теми, кто не вопрошал, найден теми, кто не искал меня’). Подобное понимание стиха отражено и в переводе Пешитты, где, однако, пассивный залог заменен активным (смотрите выше). Очевидно, что первоначальным вариантом является *NG^c*, засвидетельствованный в масоретской версии, 1QIsa^b и 4QIsa^d. Буква *vav* была добавлена книжником между буквами *nun* и *gimel* (*NWG^c*) и обладала экспликативной функцией. Интерпретация *NG^c* как пассивной формы глагола, помимо свитка 1QIsa^a, засвидетельствовано также в LXX и Пешитте (парафраз).

ЛИТЕРАТУРА

1. Blenkinsopp J. Isaiah 40–55: a new translation with introduction and commentary. New York: Doubleday, 2002. XVII, 411 p.
2. Clines D. The Dictionary of Classical Hebrew. Vol. V. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2011. 957 p.
3. Ekblad Jr. E. R. Isaiah's Servant Poems according to the Septuagint: An Exegetical and Theological Study. Leuven: Peeters, 1999. 354 p.
4. Koole J. L. Isaiah. Part 3. Vol. 2: Isaiah 49–55 / Transl. by A. P. Runia. Leuven: Peeters, 1998. XXV, 454 p.
5. Muraoka T. Classical Syriac. 2nd, rev. ed. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. XXVIII, 156, 88* p.

TOWARDS AN INTERPRETATION OF ISAIAH 53:8B

Buettner Cyril

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article focuses on an interpretation of Isaiah 53:8b in the Masoretic text of the Bible, in the Dead Sea scrolls and its ancient translations.

Keywords: Qumran, Peshitta, textual criticism, Book of Isaiah, Servant Songs

Контактная информация:

Буэтнер Кирилл Андреевич — kirvonbuettner@gmail.com

Черный Петр не добрался до России. О судьбе одной фольклорной и фразеологической единицы между Германией и Россией

Брунс Томас

Трирский университет, Германия, 54296, Трир

В данной работе рассматривается влияние фольклора на языковую подсистему фразеологии. На материале немецкого фразеологического поля с опорным элементом *Черный Петр* (нем. *Schwarzer Peter*) обсуждается не только малоизвестный исторический фон этой фольклорной и фразеологической единицы (ФЕ), но и культурная значимость и специфика таких ФЕ вообще и названной ФЕ в особенности.

Ключевые слова: фразеологическое поле, фольклор, социальная память, историческое лицо, культурный и языковой трансфер

Направление: Славистика

Секция: Славянская фразеология и фольклор

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Многие поколения немецких детей и взрослых знают «Черного Петра» как безобидную игру в карты, культурный фон которой не вызывает вопросов. Лица и другие фигуры, изображенные на картах, обычно представляются в наивном, адаптированном для детей виде и не дают никаких разъяснений о возможных исторических и культурных отношениях. Причем сама игра в карты является культурной деятельностью и может отражать культурные нормы и специфику.

Если освещать исторический контекст, то интересующая нас карточная игра, точнее ее название, представляет собой весьма интересный пример переплетения фольклора с фразеологией.

КРАТКО ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФОНЕ

Многие ФЕ немецкого языка восходят к западноевропейскому средневековью и связаны как с внешними признаками, так и с профессиями или происхождением людей. ФЕ вокруг Черного Петра, в свою очередь, намного моложе. Они датируются концом XVIII-го–началом XIX-го веков.

В основе ФЕ лежит исторически отмеченное лицо лесоруба и углежого Йоганна Петра Петри или Петра Петри старшего, изба которого в 1792-ом г. была сожжена французскими войсками, и который вследствие этого события превратился в разбойника. Вместе с некоторыми сообщниками он много лет бесчинствовал в горах Средней Германии Хунсрюк и Оденвальд, расположенных слева и справа от реки Рейн. В 1811-ом г. он был арестован и осужден на пожизненное заключение. Говорят, что именно в тюрьме он выдумал новую игру в карты, которая потом получила название *Schwarzer Peter* (*Черный Петр*) по имени и, быть может, также в честь этого известного разбойника. Правила игры очень простые, так что она стала весьма популярной среди детей и одной из самых распространенных детских игр в карты.

Кстати, другим пресловутым и за границами немецкой культуры и истории преступником тех лет был так называемый *Шиндерханнес*, собственно Йоханнес Бюклер (1778–1803), последователь, а потом и сообщник Петра Петри старшего [Probst].

Названные исторические персонажи вплоть до сегодняшнего дня живы прежде всего в узко ограниченном, региональном фольклоре и за его пределами интересуют только специалистов, таких как историки, этнографы, фольклористы — и редко фразеологов.

ИМЯ ПЕТЕР / ПЕТР / ПИТЕР

Имя *Петр* и его национальные формы восходят к греческой версии *πέτρος* ‘камень’, отмеченной уже в Библии. В течение многих веков, в принципе вплоть до сегодняшнего дня, это имя пользовалось большой популярностью в самых различных культурных средах. Общеизвестно, что в русском языке существует не только русская форма *Петр*, но и заимствованная из нидерландского языка форма *Питер*.

Немецкий этимолог Клуге [Kluge, S.381, 618, 1010] ссылается на тот факт, что в немецком языке мужское имя *Peter* (*Петер*) может носить и апеллятивный характер, обозначающее, в общем, бестолочь или неловкого человека. Различные сложные слова как, например, *Lügenpeter* (лгун), *Heulpeter* (плакса) или *Ziegenpeter* (название умственно простого, наивного, но никак не плохого человека; по

мотивам одного из главных персонажей детских романов о девочке Хайди, написанных швейцарской писательницей Иоханна Спири) свидетельствуют об этих значениях. К тому же существуют названия как *Hackepeter* (название специального мясного блюда, подобного фаршу из свиного мяса), *Wackelpeter* (название особого рода желе) и *Ziegenpeter* (название болезни свинки). Апеллятивный элемент *Петер* тут традиционно выражает коннотацию несчастного человека, бедняжки. Итак, в случае *Hackepeter* имеется в виду мясо, которое разрубается; болезнь *Ziegenpeter* превращает человека в бедняжку, и *Wackelpeter* вынужден бесконечно колебаться в миске.

К ЗНАЧЕНИЮ ЧЕРНОГО ЦВЕТА

В рамках символики цветов каждому цвету приписываются определенные качества и значения, которые, однако, варьируются в зависимости от окружающей культуры. В европейских языках черный цвет означает тесно связанные друг с другом печаль и смерть, а еще темноту, угрозу, первобытные страхи человека. Он проник в многочисленные поговорки и коллокации. Черный кот или черный ворон традиционно считаются провозвестниками несчастья, а черный день — несчастный день.

По данным историографии Петр Петри старший был черноволосым человеком, так что его прозвище вытекает просто из одного примечательного признака его внешности. К тому же черный цвет здесь можно символически отнести к характеру, нравственности или душе обозначаемого лица.

Интересно, что Черный Петр в карточной игре часто изображается в виде трубочиста с черно выкрашенным лицом и традиционно надетого в черной одежде. Однако во многих культурах, в том числе и в немецкой, трубочист считается символом счастья — как и свинья и четырехлистный клевер. В данном контексте трубочист служит ироническим разворотом или насмешкой, поскольку именно тому игроку, который последним держит эту карту в своих руках, не везет, и он проигрывает игру. Кому не везет, тому предстоит неудача.

ФЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Название карточной игры, в свою очередь, стало основой ФЕ, точнее, фразеологического поля, поскольку на базе опорного элемента *Schwarzer Peter* появился целый ряд близкородственных ФЕ:

- (1) *den Schwarzen Peter ziehen*
- (2) *jm. den Schwarzen Peter zuschieben / zuspieren*
- (3) *den Schwarzen Peter an jn. weiterreichen*

Все эти ФЕ носят значение ‘сваливать с себя на кого-л. ответственность / вину за что-л.’, ‘переводить на кого-л. стрелки’. Фразеологизируются типичные действия в течение игры — вытащить карту у другого игрока или передать ему карту —, так как тут уже не обозначается игровая карта, а либо абстрактное явление как, например, вина или ответственность, либо совсем конкретное явление как, например, досадная работа или задача.

Поле можно расширить менее употребительными единицами как, например,

- (4) *mit dem Schwarzen Peter sitzen bleiben*
- (5) *jn. mit dem Schwarzen Peter sitzen lassen*

Вариативность и расширение поля возможны благодаря тому факту, что поле состоит из устойчивого ядра — словосочетания *Schwarzer Peter* — и переменчивой периферии — различных глаголов с разнообразной валентностью.

Таким образом, внутри поля варьируются актанты и фокус высказывания. В единицах (1) и (4) фокус находится на том лице, которое активно или пассивно играет роль козла отпущения, в то время, как в единицах (2), (3) и (5) фокус направлен на то лицо, которое активно присматривает за тем, чтобы другой человек был вынужден принять на себя ответственность, вину или определенную работу.

Если рассматривать Черного Петра как особый вид имени собственного определенной карты в игре, то фразеологизация сопровождается деонимизацией, поскольку собственное имя Черного Петра превращается в апеллятивное название, обозначающее случающееся с человеком неприятное событие. В результате, обнаруживается онимическая цепочка, которая имеет своим началом исторически отмеченное лицо вышеназванного разбойника Петра Черного. Его имя и прозвище потом были перенесены на название карточной игры (*Schwarzer Peter spielen* — играть в *Schwarzer Peter*) и, тем самым, стали апеллятивом. В узком смысле названием обозначается именно карта с изображением Черного Петра в виде

трубочиста, кота, разбойника и т. п.; ср. *вытащить Черного Петра* (вытащить карту), *передать кому-л. Черного Петра* (передать кому-л. карту) и т. д.

В апеллятивном употреблении немецкий *черный Петр* обозначает проигравшего, обманутого человека, а также козла отпущения, который должен поплатиться за ошибки и грехи чужих людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предполагается, что ФЕ с опорным элементом *Schwarzer Peter* действительно распространялась из Германии в разные страны света, но, очевидно, не вышла за пределы соседствующих культурных пространств. Это поразительно в том смысле, что и имя Петр, и символическое значение черного цвета существуют в немецкой культуре фактически так же, как и во всех других культурах Европы. Сама игра в карты известна во многих странах нашего континента, в то время, как отсутствует в большинстве из них перенос значения в сферу фразеологии. Так, в русском языке нет никакого доказательства существования такой ФЕ. Разумеется, что в русском языке, как и в других языках, отмечен понятийный комплекс «сваливать с себя на другого человека какую-л. ответственность или неприятную обязанность», но его языковое оформление прибегает к иному, отчасти также образному материалу.

Фразеологическое поле вокруг Черного Петра в конечном счете отражает относительно неважное историческое событие лишь региональной значимости. Это событие и действующие в связи с ним лица потом вошли в фольклорно-культурное наследие немецкого народа. С течением времени исторический персонаж Черного Петра померк в массовом сознании, а осталась выдуманная им карточная игра. Последняя распространилась во многие страны Европы, сохраняя свое название в переведенной форме. Название игры, точнее самой важной карты в игре, стало позднее в немецком языке главным элементом нескольких, тесно связанных друг с другом ФЕ. Эти единицы до сегодняшнего дня очень активно действуют почти исключительно внутри немецкого культурного пространства и только в очень ограниченном масштабе вышли за его границы в соседние страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 24., durchges. u. erw. Aufl., Berlin: De Gruyter, 2002. 1023 S.
2. Probst E. Der Schwarze Peter. Ein Räuber im Hunsrück und Odenwald. München: GRIN Verlag, 2010. 142 S.

BLACK PETER DIDN'T MAKE IT TO RUSSIA. A FOLKLORE AND PHRASEOLOGICAL UNIT BETWEEN THE GERMAN AND THE RUSSIAN CULTURE

Brunst Thomas

Trier University, 15, Universitätsring, Trier, 54296, Germany

The article deals with the influence of folklore on the phraseological subsystem of language. Using the example of the German phraseological field based on the key word *Black Peter*, it not only discusses the poorly known historical background of the given ethnic and phraseological unit but also examines the cultural meaning and characteristic of such phraseological units in general, and the given unit in particular.

Key words: phraseological field, folklore, social memory, historical character, cultural and linguistic transfer

Контактная информация:

Брунс Томас — brunst@uni-trier.de

The most enigmatic Shakespeare's woman: on the protean character and historical dynamics of Anne Hathaway's representation in the English-language literatures

Burova Irina

Independent researcher

Mainstream trends in representing Anne Hathaway within the scope of Shakespeare pseudo-biographical fiction are discussed. Documented information on the Shakespeares being so scanty, the Bard's wife has long become a fictional character, an ever-changing construct reflecting authors' personal ideas about the poet's family life.

Keywords: pseudo-biographical prose, Shakespeare fiction, Shakespeare's wife, Anne Hathaway, Anne Shakespeare

Area: The History of Literature

Section: The History of Foreign Literatures

(1) All Shakespeare biographies are merging with fiction due to the lack of documented evidence. Reliable evidence of the life of Shakespeare's wife is even more stingy. Summing up everything that had previously been said about Anne, K. Pogue (b. 1940, Pogue) drew a detailed picture of young Anne's miserable life after her mother's death and her father's second marriage and her wedding to a young man without means to support the family of his own. [Pogue, p. 58–60] Such an exposition suggests that William and Anne had had to overcome certain obstacles before they could get married: the Hathaways could hardly have been pleased with the social status of the groom, and the Shakespeares, given their financial situation, could not have been delighted with the perspective of getting another mouth to feed. Further in the book Pogue plunges into the ocean of pure fantasy, claiming in 1588 the spouses separated by mutual consent as it seemed more convenient for Will to build up his career staying alone and saving money to buy a house in London and move his family there. While her husband was flourishing in the capital city and experiencing the fervent passions immortalized in his beautiful sonnets, Anne remained in Stratford, living in the house of her husband's parents and apparently having no particular wish to leave for London, believing the unhealthy air of a big city would be harmful for children. [Pogue, p. 62] A respectful daughter-in-law and a good housekeeper, this Anne is a pure construct, and the whole of the story is fictitious. Such stories being so numerous and varied, it is worth examining them to build up a history of Shakespeare's wife representation in fiction.

(2) R. P. Smith (1799–1854), a lawyer from Philadelphia, was the first English-speaking writer to touch upon Shakespeare's private life in his posthumously published play «Shakespeare in Love» imitating «Shakespeare Amoureux» (1804) by A.-V. Pineux Duval. Both authors showed the Bard as a London bachelor courting a «Globe» drama queen, unsuspecting there had been no actresses in the Elizabethan theatre. The artistic merits of both plays are disputable, though they prompted titles for a number of other authors' works.

(3) In Britain, the writers of the first half of the 19th c. used to represent Shakespeare as symbol of the Elizabethan cultural explosion. W. Scott's «Kenilworth» (1821) is a typical example: though the action in it takes place in 1575 when Shakespeare was eleven years old, he is mentioned in the novel both as an actor and the ruler of men's minds.

(4) Fiction writers got interested in Shakespeare's family life as late as in 1845. It was E. Severn who showed the way with her «Anne Hathaway, or, Shakespeare in Love» novel and made Anne the central character of the almost pastoral story. The writer depicted her as an exceptionally beautiful and virtuous person, an ideal match for the national genius, delicately avoiding the fact their elder daughter had been conceived long before the couple got married.

(5) After The second half of the 19th c. was marked by a new trend in representing Shakespeare's family life. E. Malone exposed the fallacy on the third sheet of Shakespeare's last will and testament and suggested the proper reading of «second best bed» instead of «brown best bed». He was also the first to chafe at the Bard's scanty gift to his wife. [Schoenbaum, p. 93] The attempts to explain the fact caused a heated dispute over the Shakespeare family affairs, which led to conflicting representations of Anne both in scholarly works and fiction. Anne's construct became dependent on the way authors interpreted the clumsy phrase about the second best bed. Some believed it was a sign of the Bard's sentimental attitude to his wife, others regarded it as a humiliating evidence of his neglect. The hypothesis of the Shakespeares marital bliss has been strongly supported by most women writers. Their female opponents tend to present Anne a victim to her husband's egoism, and also to «discover» her extraordinary talents as in C. Dane's «Will Shakespeare: An Invention in four Acts» (1921), where Anne is shown as a temptress and deceiver who nevertheless recognizes the uniqueness of her self-centered husband and is ready to serve him till the last breath. In «Shakespeare's Sweetheart» (1905), the first pseudo-biography

of the Bard written on behalf of Anne by S. Hawkes Sterling, Anne possesses both a literary talent and love for adventures. She follows her husband to London in a man's guise, becomes a boy actor, excels as Juliet providing for Will's success and struggles effectively against the charms of the Dark Lady and her husband's greatest envier, Chr. Marlowe. The myth of Shakespeare's sister tracing back its origin to V. Woolf's «A Room of One's Own» inspired some modern women writers to dower Anne with a literary talent and make her the real creator of Shakespeare's plays («Mrs. Shakespeare... the Poet's Wife: A Two-Act Comedy» (2005) by A. Rowlands, «The Secret Confessions of Anne Shakespeare» (2010) by A. Ryan, etc.).

(6) Contrariwise, male authors seem to be very skeptical about Anne's intellectual abilities, they highlight Anne's commonness and fail to hide their sympathy for the recklessly married Will. E. Hamley made Michael Drayton lament Shakespeare's unwise marriage («Shakespeare's Funeral» (1879)). [Hamley, p. 48]. Quite a number of male authors are inclined to associate the second best bed with Ann's sex appeal, as in J. Brophy's «Gentleman of Stratford» (1939) who believed Anne exhausted William with her voluptuousness and forced him to run away from home. This point of view was shared by such renowned writers as A. Burgess («Nothing Like the Sun: A Story of Shakespeare's Love-Life» (1964)) who was convinced Anne had sexually enslaved Will and R. Nye («Mrs. Shakespeare: The Complete Works» (1993)) who highlighted Anne's hypersexuality.

(7) Since the 1980s, however, women feminist writers have been more interested with the enigmatic Anne and the part she played in Shakespeare's life than anybody else. They preach Shakespeare, a man of no character, could not become Shakespeare without his wife. In modern female fiction, it is only rarely that Anne is represented far from being an ideal wife as in A. Freed's «The Beard of Avon» (2004) where she is shown as an adventurous, resourceful person capable of arranging things to make life good both for her and her husband. Still endurance and self-sacrifice dominate in Anne's modern representations («Winter's Tale» (1987) by C. Willis, «Murder In Stratford: As Told By Anne Hathaway Shakespeare» (2005) by A. Peterson).

(8) Created on shaky documentary foundations, all these constructs can be classified as attempts to compensate the lack of reliable evidence both about Shakespeare and his family. The Bard himself was sure fancy can outwork nature (see «Antony and Cleopatra», II, 2, line 925). Those who attempt to depict his family life possess of imagination warm and vivid enough to compensate for the lack of facts.

REFERENCES

1. Hamley E. Shakespeare's Funeral // Shakespeare's Funeral and Other Papers. Edinburgh; London: William Blackwood and Sons, 1889. 311 p. — P. 1–71.
2. Pogue K. Shakespeare's Family. Westport, CT: Praeger, 2008. 209 p.
3. Schoenbaum S. Shakespeare's Lives. Oxford: Clarendon Press, 1991. 612 p.

САМАЯ ЗАГАДОЧНАЯ ЖЕНЩИНА ШЕКСПИРА: О ПРОТЕИСТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ ОБРАЗА ЭНН ХАТАУЭЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бурова Ирина Игоревна

Независимый исследователь

Рассматриваются основные тенденции в репрезентации Энн Хатауэй в псевдобиографической художественной прозе, посвященной Шекспиру. В условиях предельной скупости документально подтвержденных свидетельств о семье Шекспира жена Барда давно превратилась в литературный персонаж, постоянно изменяющийся конструкт, отражающий представления авторов о семейной жизни поэта.

Ключевые слова: псевдобиографическая проза, художественная литература о Шекспире, жена Шекспира, Анна Хатауэй, Анна Шекспир

Контактная информация:

Бурова Ирина Игоревна — irinaburova2016@yandex.ru

Visual search strategies of symbols in a symbol string

Dobrego Alexandra

Alexeeva Svetlana

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The aim of this research is to describe the strategies of symbol position encoding in a symbol string. We used a visual search task as experimental method, as it allows to track pre-lexical mechanisms — the step of visual recognition when elements of visual string and their positions are identified. We conducted an experiment, where we asked participants to decide whether a target symbol is present in a five-symbol string (by pressing the keys). The reaction time was measured. We used Japanese characters as stimuli. The results show that (1) the dependency between reaction time and symbol position in a string of Japanese characters is similar to U-shaped curve (minimal delay in the third position); (2) not only the position of the target symbol, but also its identity influences the reaction time.

Keywords: visual symbol recognition, visual search task, symbols of unknown script

Area: General Linguistics

Section: Psycholinguistics

INTRODUCTION

Although many studies were done on visual recognition, the mechanism of letter or symbol position encoding is still disputable. There are currently two models of letter recognition: the first model suggests that letters in a word are processed sequentially, depending on script direction (for English — left to right, for Arabic — right to left) [Whitney, Marton]; the second model postulates parallel scanning, independent of letter position in a word [Grainger, Van Heuven].

One of the effective methods to check the prevailing model in a certain language is a visual search task [Hammond, Green]: the participants are asked to decide (by pressing the keys) whether a string contains previously presented symbol; the reaction time is measured. Such task requires that a target symbol position is randomly changing in a trial, so it is possible to create a search function — a dependency graph between reaction time and symbol position. This graph is thought to reveal a model of letter/symbol recognition in a certain language [Green, Meara]. For instance, studies on native English speakers [Hammond, Green] show that search function of a letter in a five-letter string is best described by M-shaped curve: fast identification if a letter is in the first, the third and the fifth positions. However, when searching for a symbol in a five-symbol string, the search function is U-shaped [Hammond, Green]. It is obvious, that mechanisms for searching a letter and a symbol in a string are different, but the reason for that is still uncertain. The experiment in this paper is focused on whether the mechanisms will differ in case we present the participants verbal stimuli of unknown script and whether they will process this script as non-verbal symbols or as letters.

EXPERIMENT

This experiment demonstrates that skilled readers of Russian process linguistic symbols of known and unknown script differently by comparing the search function for letters and non-linguistic symbols received in previous studies [Alexeeva; Hammond, Green] and the search function for symbols of the current study. We have chosen Japanese characters as symbols, for there was no case in previous experiments when stimuli were logographs, whereas participants' native writing system was an alphabetical one.

PARTICIPANTS

Twenty native Russian speakers (18–27 years old) participated in the study. All of them were naive to the purpose of the experiment. None of the participants reported knowing Japanese or any Japanese characters. All of them were naive to the purpose of the experiment.

MATERIAL

20 target characters (一, 上, 下, 了, 亡, 人, 元, 刀, 力, 十, 口, 夕, 大, 工, 方, 月, 木, 火, 目, 立) were intentionally selected to be visually simple and able to stand in any out of 5 positions in a real Japanese word or noun phrase. For each character we selected 5 Japanese words or noun phrases (1 per each 5 positions), where the target character was a part of string, and 20 Japanese words or noun phrases, where the target character was absent (fillers). Thus, a total of 100 stimuli strings and 100 fillers were created.

PROCEDURE

The experiment was run inside a quiet room and was controlled with E-Prime software (Psychology Software Tools, www.pstnet.com/eprime). Participants sat in the quiet room in front of a computer; the distance from the eye to the front surface of the computer screen was approximately 60 cm. Stimuli were presented lowercase in white font on a black background, font size was 36 for target symbol and 18 for the symbol string. The procedure was as follows: firstly, a target symbol was presented in the centre of the screen for 1000 msec, then a blank screen for 500 msec. The blank screen was followed by a symbol string, which remained in the centre until the response. Participants' task was to press one of two buttons on the keyboard to indicate if the target symbol was present or absent in the symbol string («/» for yes and «z» for no).

RESULTS

We performed linear mixed effects analysis using the lme4 package in R to assess the effect of character position, target-character identity, and interaction of character position and character identity on correct detection latencies. The first analysis revealed a significant quadratic component ($b = 3.117e-03$, $SE = 5.778e-04$, $t = 5.39$), though none of the other components (linear, cubic, quartic) reached significance ($|t| < 1.6$). The analysis showed that the search function is U-shaped. Therefore, native Russian speakers use a center-out encoding strategy while searching for Japanese characters. This data complies with the results of previous experiments, when participants were asked to recognize letters of nonnative writing system using a visual search task [Green, Meara]. Moreover, some characters (一, 了, 人, 十, 口, 工, 目) were recognised significantly faster ($|t| > 1.96$), than others, meaning that it is not only the position of a character, but also the identity of a character that influences detection latencies in the visual search paradigm.

CONCLUSION

Main purpose of our research was to investigate unknown script string recognition. The results of the experiment showed a central-position advantage for processing strings of unfamiliar scripts in comparison with extreme positions. It is worth noticing that skilled Russian readers do not transfer the search procedures they use for the native script (with extreme positions priority) [Alexeeva] on to tasks involving unfamiliar graphemes, but use basic center-out scanning procedures. This basic strategy complies with the visual system structure as the visual acuity is the sharpest at the fixation point and the fixation point coincides with third symbol. Moreover, the results showed that not only the position of the symbol matters, but also its identity (what exactly this symbol is).

ACKNOWLEDGEMENTS

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant 14-18-02135.

REFERENCES

1. Alexeeva S. Visual search strategies and letter position encoding in Russian. 2016.
2. Grainger J., Van Heuven W., Bonin P. The mental lexicon// P. Bonnin sous presse. 2003.
3. Green D., Meara P. The effects of script on visual search// Interlanguage studies bulletin (Utrecht). № 3-2. 1987. С. 102-113
4. Hammond E. J., Green D. W. Detecting targets in letter and non-letter arrays// Canadian Journal of Psychology/Revue canadienne de psychologie. № 36-1. 1982. С. 67
5. Whitney C., Marton Y. The SERIOL2 Model of Orthographic Processing// Online Submission. 2013.

СТРАТЕГИИ ЗРИТЕЛЬНОГО ПОИСКА СИМВОЛОВ В СИМВОЛЬНЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЯХ

Доброго Александра Сергеевна

Алексеева Светлана Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Целью исследования является описание стратегий распознавания символов не знакомой испытуемым письменности в ряду. Методика исследования представляет собой задачу на зрительный поиск, так как она позволяет отследить механизмы, которые задействованы на долексическом уровне — именно тогда

идентифицируются элементы зрительного ряда и устанавливаются их позиции. Мы провели эксперимент, в котором просили испытуемых решить, присутствует ли целевой символ в пятисимвольной последовательности (посредством нажатия клавиши). Фиксировалось время реакции. Стимулами были японские иероглифы. Результаты показывают, что (1) в последовательности, составленной из японских иероглифов, зависимость между временем реакции и позицией символа в последовательности соответствует U-образной кривой (минимальная задержка реакции зафиксирована в третьей позиции); (2) на скорость выполнения задачи влияет не только то, в какой позиции находится искомый символ, но и то, какой символ необходимо идентифицировать.

Ключевые слова: визуальное распознавание символов, задача на зрительный поиск, символы неизвестного алфавита

Контактная информация:

Добрего Александра Сергеевна — alexandra.dobrego@gmail.com

Алексеева Светлана Владимировна — mail@s-alexeeva.ru

Лексика родинной обрядности албанцев Украины

Дугушина Александра Сергеевна

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

В статье представлен краткий обзор терминологического кода родинного обряда албанцев — балканских колонистов, проживающих в полиэтничных регионах Буджака и Приазовья в южных пределах Украины. Несмотря на продолжительное развитие вне основного албанского ареала, говор албанцев Украины сохраняет речевые формулы и лексику, кодирующую реалии, понятия, персонажей и участников, основные структурные и концептуальные элементы родинного обрядового комплекса. Систематизация родинной терминологии по тематическим группам и снабжение лексики диалектным, этимологическим и этнокультурным комментарием дает возможность расширить и уточнить данные о межкультурных контактах албанцев с другими этническими группами, и в некоторых случаях — локализовать источники происхождения различных культурных и языковых компонентов.

Ключевые слова: лексика родин, родинная обрядность, албанцы Украины, Балканы, балканские колонисты

Направление: Классическая филология, библеистика, неозллинистика, балканистика

Секция: Балканистика, неозллинистика и византистика

1. АЛБАНЦЫ УКРАИНЫ И РОДИННЫЙ ОБРЯД

Определение терминологического кода родинного обряда албанцев, проживающих в полиэтничных регионах Буджака и Приазовья в южных пределах Украины, является актуальной задачей в рамках комплексного этнографического и этнолингвистического изучения традиционной культуры данной этнолокальной группы балканских колонистов, обосновавшихся на территории Российской империи в конце XVIII — начале XIX вв. До переселения албанцы несколько веков (ориентировочно с XVI — XVII вв.) прожили в восточной Болгарии в тесном соседстве с болгарями и гагаузами, группы которых также мигрировали в Россию (об албанцах Украины см. подробно [Новик, Бучатская, Ермолин, Дугушина, Морозова]). Несмотря на продолжительное развитие вне основного албанского ареала, говор албанцев Украины сохраняет речевые формулы и лексику, кодирующую реалии, понятия, персонажей и участников, основные структурные и концептуальные элементы родинного обрядового комплекса. Материалами для исследования послужили данные полевых этнолингвистических экспедиций в албаноязычные села Приазовья (с. Георгиевка, с. Гаммовка, с. Девнинское) и Буджака (с. Каракурт), проводившихся в период с 2008 по 2013 гг.

2. ЛЕКСИКА РОДИННОГО ОБРЯДА

2.1. ОБЩЕАЛБАНСКАЯ ЛЕКСИКА

Лексика родинного обряда албанцев Буджака и Приазовья включает в себя главным образом единицы общеалбанского фонда. В соответствии со спецификой родинных практик эти лексические единицы объединяются в различные тематические группы:

- числовые обозначения временных отрезков, сроков, количества: напр., *a trëta d'itë* 'ритуальное посещение роженицы на третий день', *nënte muj* 'девять месяцев, беременность', *i pari matmôt* 'первый день рождения, годик' (лит. алб. *motmôt* 'отрезок от одного года до следующего, возраст одного года');
- названия органов и частей тела: напр., *ll'imbët* 'зубы' (лит. алб. *dhëmbët*), *kë(r)th'izë* 'пупок, пуповина' (лит. алб. *kërthizë*), *bark* 'живот', *i 'joçkër bark* 'матка' (букв. 'маленький живот');
- обозначения для женщины: напр., *gru a rînd* 'женщина тяжелая' (гер. *asht randë*, тоск. *grua e rëndë*), *gr'uaja pa dîm* 'бездетная женщина' (букв. 'женщина без детей'), *lehona* 'роженица';
- обозначения для ребенка: напр., *d'al* (алб. *djalë*) 'мальчик, ребенок', в том числе 'девочка'; *u vd'ent* 'новорожденный' (букв. 'родился', от алб. *gjendem* 'находиться, оказываться, обнаружиться');
- понятия, относящиеся к женской физиологии и физиологии родовой деятельности: напр., *t'ujerte* 'месячные' (общеалб. *muaj* 'месяц', *përmuajshme*, *ato të muajit* 'месячные', *mind'enj / mënd'enj*, *mënd'im* 'роды, схватки' (лит. алб. *mundim* 'мучение, терзание'), *këm'ishë* 'рубашечка (амнион, околоплодный пузырь)'

Глагольный лексикон включает албанские глаголы, широко распространенные не только в родинной тематике, но и во всех остальных аспектах жизни и культуры. Например, глаголы *kat* ‘иметь’ (*pëst'aj dhe ni të k'eni!* ‘Чтоб потом еще одного имели!’), *mar* ‘брат’ (*nok a mer gjov'izën* ‘не берет грудь’). В их числе встречаются глаголы, отмеченные в родинном контексте особой смысловой нагрузкой: например, *bie* ‘падать’: *të përët ll'imbe i r'ane* ‘первые зубы выпадают’ (лит. алб. *i ranë dhëmbët*); *pres* ‘резать’: *a pr'eu d'alnë* ‘отлучаю ребенка’, досл. ‘отделила, отрезала ребенка’); *zë* ‘хватать, начинать’: *e zënka d'al* ‘схватился ребенок’ (ср. алб. ‘зачатие’ *zënie e embrionit*).

2.2. ЛЕКСИКА, ОБНАРУЖИВАЮЩАЯ СООТВЕТСТВИЯ С ДИАЛЕКТНЫМИ АРЕАЛАМИ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

Помимо соответствий с общеалбанской лексикой, лексика родинного обряда албанцев Украины включает единицы, обнаруживающие широкие параллели с «материнским» тоскским диалектно-культурным ареалом [ADGJSH, f. 204–205, 212–213, 382–393]: *kl'umesht* ‘молоко’ (*kl'umesht të gjov'izët*) (тоск. *qumesht* / гег. *tāmël*), *ç'upra* ‘девочка’, *lehona* ‘роженица’ (гег. *lahusa*), *çap* ‘шаг’, ‘идти, ходить, бежать’ (тоск. *çap* / гег. *hap*). В данной перспективе интересны узколокальные лексические соответствия, относящиеся к югу и юго-западу тоскской зоны. К таковым можно отнести яркий архаизм в культуре албанцев Буджака и Приазовья — лексему *pogan'ik* ‘праздник родин’ на сороковой день после рождения ребенка. Представленное в южной части Тосктерии наименование *pogan'ik* и его фонетические варианты *boganik/baganik* (из новогреч. (α)πογονίκια — праздник, ужин по случаю рождения ребенка) функционирует в двух основных значениях — ‘праздник по случаю рождения ребенка’ и ‘родинный обрядовый хлеб’. Лексема *kollov'izë* ‘колыбель’, образованная от глагола *kollov'it* ‘качаю, катаю’, относится к числу старых славянских заимствований в албанском языке (алб. *kolovis, kolovat* ‘качаю’, *kolovajzë* ‘качели’, ср. болг. *коловая* ‘качаю’) и фиксируется в северно-восточнотоскских говорах.

Термины *(lla)lland'ita,-t* / *(lla)llang'ita,-t* ‘олады’ находят свое соответствие с обозначениями оладий, выпекаемых для роженицы в Северной Греции (Эпир): ср. новогреч. *λαγγίτες, λαλαγγίτες, λαλαγγίδες*. Учитывая факт, что южные пределы современной Албании (как территория прародины албанских колонистов) и северные области Греции являются зоной многовековых албано-греческих контактов, термин *lland'ita* можно рассматривать как старое греческое заимствование в говоре и культуре албанцев Украины. Между тем не исключается возможность и более позднего заимствования из болгарского языка, в бессарабских диалектах которого фиксируются следующие названия для пышек или блинчиков: *лаланг'и, ланг'ида, ланг'ита*.

2.3. ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА РОДИН

Очевидно, что по мере миграций албанских колонистов в результате тесных контактов с окружающими этническими группами лексика родинного обряда обрела достаточно много иноязыковых заимствований. К ним относятся, прежде всего, общебалканские тюркизмы (*kismët / kësëmët* ‘судьба, доля’ ребенка (тур. *kismet* — ‘счастье’, ‘судьба’, ‘доля’, *nish'an* ‘знак, символ, родимое пятно’ (тур. *nişan*, болг. *нишан*), *piç* ‘внебрачный ребенок’ (тур. *piç*, болг. *нич* ‘незаконный ребенок’) и славизмы (*kërm'it* ‘кормить’, *kul'aç* ‘пресный хлеб-«косичка», *babo* ‘повитуха’). Отдельную группу составляет лексика, заимствованная в результате длительного контактного албанско-болгарско-гагаузского взаимодействия: *giov'iz* ‘грудь’ (вероятно из гагауз. *güüs* ‘грудь, грудная клетка’), *is'ys* ‘сирота’ (гагауз. *jÿçÿz*), *e pret k'ost'ekna*, досл. «разрезаешь пути» — обряд разрезания пут, когда ребенок делает первые шаги (гагауз. *kösteeeni kesmek*), *gjözlam'e* ‘жареные пирожки с брынзой’ (гагауз. *gözlemä*), *kad'esh* ‘праздник родин на третий день’, ‘дым’, ‘пар’, ‘переполох’ (болг. диал. *кадеш* ‘дым’, *кадене* ‘окуривание’, ‘первое угощение после родов для близких женщин’, *krisht'enje* ‘большой праздник родин на 40-й день’ (болг. *кръщ'ение*).

Несмотря на тесное культурное взаимодействие со второй половины XX в. с русскими и украинцами на территории Приазовья, приходится констатировать практически полное отсутствие в ритуальной лексике родин восточнославянских заимствований за некоторым исключением: *kr'ëzbine* ‘праздник родин после крещения ребенка’ (рус. диал. *крёзьбины*), *vent* ‘послед’, досл. «место» (калька с рус. диал. *место*), *uzv'ar* ‘густой компот из сухофруктов’ (укр. *узвар*).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектная лексика, относящаяся к родинному обряду албанцев Украины, помимо исконных албанских (в число которых также входят старые общеалбанские и узколокальные грецизмы, славизмы, тюркизмы и др.), включает элементы, встроившиеся в родинный лексикон по мере приобретения

и поддержания контактов сначала с болгарскими и гагаузскими, а затем с русскими и украинцами. Поскольку предки албанцев Украины проживали в разных частях балканского культурно-языкового ареала (сначала на юге современной Албании, затем — на северо-востоке Болгарии) важным представляется рассмотрение родинной лексики с точки зрения заимствований в условиях различных языковых и этнических контактов. Систематизация родинной терминологии по тематическим группам и снабжение лексики диалектным, этимологическим и этнокультурным комментарием дает возможность расширить и уточнить данные о межкультурных контактах албанцев с другими этническими группами, и в некоторых случаях — локализовать источники происхождения различных культурных и языковых компонентов. Определение наиболее архаичной лексики родинного обряда, а также лексики, затронутой инновациями, позволяет установить характер заимствований и сформировать представление о сопоставимости культур албанцев Украины и албанцев Балкан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новик А. А., Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С. «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины / Отв. ред. Новик А. А. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2016. Часть I. Т. 1. 912 с.
2. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe (ADGJSH) / Red. Gjinari J., Beci B., Shkurtaç Gj., Gosturani Xh. Vëllimi II. Napoli:Universita degli studi di Napoli l'Orientale; Tiranë: Akademia e shkencave e Shqipërisë, 2008. 602 f.

TERMINOLOGY OF BIRTH RITUALS OF THE ALBANIANS OF THE UKRAINE

Dugushina Alexandra

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, 3, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article provides a brief overview of the terminology of the birth rituals of Albanians — the Balkan colonists living in the multiethnic regions of Budzhak and Azov in the southern part of the Ukraine. Despite continued development outside the main Albanian territory, the dialect of Albanians of the Ukraine preserves speech formulas and vocabulary coding the realities, concepts, characters and participants, the main structural and conceptual elements of the birth ritual complex. Systematizing the terminology by thematic groups and providing this lexical elements with dialectal, etymological and ethnocultural commentaries provides an opportunity to expand and specify data on intercultural contacts of Albanians of the Ukraine with other ethnic groups, and in some cases to localize sources of origin of various cultural and linguistic components.

Keywords: terminology of birth rituals, Albanians of the Ukraine, Balkans, Balkan colonists

Контактная информация:

Дугушина Александра Сергеевна — dygi@inbox.ru

Литературные прецедентные имена и высказывания в «Глоссарии русских лингвореалий»

Дулебова Ирина

Университет Коменского в Братиславе, Словакия, Братислава

Статья посвящена проблематике отбора и семантизации прецедентных феноменов литературного происхождения в словацкой национально-ориентированной учебной литературе на примере вышедшего в свет в 2016 году «Глоссария русских лингвореалий».

Ключевые слова: прецедентные феномены, русский как иностранный, глоссарий

Направление: Методика преподавания языков

Секция: Русский язык как иностранный и методика его преподавания

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие в вузовской практике преподавания русского языка в Словакии постепенно внедряются популярные в России тенденции соизучения языка и культуры, развивающие у студентов способность ориентироваться в культурной и общественной жизни изучаемого языкового ареала, подготавливающие их к межкультурной коммуникации [Мертова, 2010, с.191]. Подход к обучению языку как к репрезентанту лингвокультурного кода, ставит перед словацкими русистами задачу создания учебных материалов, помогающих студентам в усвоении информации, включающей семантизацию лексики с национально-культурным компонентом значения, развивающих способность сопоставлять родную и изучаемую культуру, декодировать культурологические знаки текста и языковые единицы с переносным и коннотативным значением.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

В стремлении систематизировать с лингводидактической целью культураносные элементы русского языка мы обратились к родовому (в лингвокультурологии) понятию лингвокультуремы как «комплексной межуровневой единицы, форму которой составляет единство знака, языкового значения и культурного смысла, выступающей в вербальной форме как устный или письменный текст, а также как элемент речи (фраза, часть фразы, слово) или как элемент языка (фразеологизм, словосочетание, слово, значение слова, форма слова)» [Воробьев, 1997, с.44]. Правильное восприятие студентами лингвокультурем научит их подходу к изучаемому языку по принципу «от смысла — к выражению, претендующему на то, чтобы воспроизводить те реальные правила и закономерности, которыми бессознательно руководствуется (пользуется) спонтанно говорящий носитель языка» [Караулов, 1999, с.153]. Анкетирование, проведенное словацкими русистами, убедительно показало, что важна не только языковая грамотность учащихся, но и их способность к восприятию культурно-маркированной лексики, к эффективному общению при помощи языка, изучаемого на базе аутентичных текстов, отражающих социальные и культурные концепты иного лингвокультурного сообщества [Григорьянова, Догнал, Громинова и др., 2016, с.68].

ВЫБОР И СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ГЛОССАРИИ

Лингвокультурологический анализ языковых единиц нашел свое практическое применение и в лексикографической практике при создании учебного материала, отражающего данные последних лингвокультурологических исследований и специфику восприятия русских лингвокультурем словацким реципиентом. Мы имеем в виду вышедший в свет в 2016 г. «Глоссарий русских лингвореалий» («Glosar ruskych lingvorealií», Дулебова И. — Цингерова Н. — Грчкова К., Братислава, 2016).

Глоссарий находится на сайте университета им. Коменского (URL: http://stella.uniba.sk/texty/IDNCKH_glosar.pdf) в открытом доступе (с целью помощи студентам в процессе самостоятельной работы и при подготовке к семинарам по лингвострановедению, межкультурной коммуникации, фразеологии, лексикологии, переводоведению и стилистике). В него включены ключевые русские лингвокультуремы (советизмы, фраземы, лексика православной культуры, безэквивалентная лексика, прецедентные феномены различных сфер-источников, бытовые, политические и географические реалии и т.п.).

Авторами предложена унифицированная модель лексикографической презентации лингвокультурам — каждая словарная статья структурирована по принципу: русское написание лингвокультуры (с обозначенным ударением) — словацкий эквивалент — краткая этимология (на словацком языке) — объяснение семантики, возможных ассоциаций и коннотаций, связанных с данной лингвокультурой в современной русской языковой картине мира (на словацком языке). Слова и выражения расположены по алфавиту, словацкий язык как основной нами выбран ввиду убеждения, что родной язык адресата — один из наиболее быстрых и продуктивных способов лингвострановедческой семантизации единиц изучаемого языка.

Глоссарий включает 578 единиц с национально-культурным компонентом семантики (лингвокультурам), причем 198 словарных статей посвящены прецедентным именам и выражениям литературного происхождения. В глоссарий мы стремились отобрать наиболее устойчивые прецедентные феномены, относящиеся к ядру когнитивной базы и обнаруживающие тенденцию длительного в ней существования, предлагая при этом и типовые ситуации их функционирования в контексте.

Глоссарий призван помочь студентам научиться правильно воспринимать лингвокультурные единицы — предложение или слово, которое словацкий реципиент принимает за семантически нейтральное и воспринимает лишь его денотат, у носителя языка может вызывать множество ассоциаций. Так как словацкая культура не столь литературоцентрична, как русская, многие литературные выражения и онимы нашим студентам неизвестны (хотя ключевые произведения русской литературы и изучаются в школе в качестве составляющей курса *Мировая литература*).

Именно проблема отбора оказалась наиболее сложной, поскольку литературоцентричность русской культуры обуславливает и огромное количество популярных и постоянно актуализируемых в общественном дискурсе прецедентных феноменов литературного происхождения [Цингерова, 2012, с. 130]. Главными критериями выбора прецедентных имен и выражений для нас стала в первую очередь частотность их использования (включая и трансформированные формы) в современном медиальном дискурсе и интернет-пространстве (проверяемая и сопоставляемая по поисковым системам Гугла и Яндекс), а также данные национального корпуса русского языка и русского ассоциативного словаря, созданного под руководством Ю. Н. Караулова. В результате мы пришли к выводу, что сегодня наиболее часты апелляции представителей русского лингвокультурного сообщества к выражениям и антропонимам из произведений Ильфа и Петрова, Гоголя, Булгакова, Маяковского, Пушкина, Чуковского, Чехова, Толстого, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Лермонтова (список составлен в порядке убывания в глоссарии количества прецедентных феноменов, связанных с их произведениями).

Первоочередным для создателей глоссария было не только нахождение эквивалентного перевода русской лингвокультуры (в случае с литературными прецедентными выражениями преимущественно использовались уже существующие, авторизированные переводы), но главным образом объяснение значения рассматриваемого прецедентного феномена в современном русском языке, а также основных ассоциаций, связанных с ним у носителя языка. С этой целью почти в каждой словарной статье, посвященной литературному прецедентному феномену, присутствует и пример его использования в современном русском медиальном дискурсе. Поскольку глоссарий предназначен (преимущественно) для будущих переводчиков, то рассматриваются и примеры трансформации и актуализации данных феноменов в современном дискурсе (лексической субституции, контаминации, расширения и сокращения лексического состава прецедентных выражений).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы надеются, что прецедентные имена и выражения литературного происхождения, представленные в глоссарии, позволят освоить словацким студентам, будущим учителям и переводчикам не только сам язык, но и языковой образ мира носителей языка, т. к. именно лингвокультура является сигналом, который ориентирует сознание обучаемого на определенные концепты, рефлектирующие этот сигнал. Глоссарий призван помочь научиться осознавать и связывать воедино феномены языка, иноязычной культуры, языковой картины мира, языкового сознания, менталитета. Национально-культурная специфика лингвокультурного сообщества как неотъемлемая особенность языкового сознания становится, таким образом, не только предметом изучения, но и средством развития будущей лингвострановедческой и межкультурной компетенции молодых словацких специалистов в области русистики.

ACKNOWLEDGEMENTS

Данная статья подготовлена в рамках проекта KEGA *Vysokoškolská učebnica Kultúrne regióny Ruska v cestovnom ruchu 052UK-4/2018* и проекта VEGA *Jazyk a konflikt. Vytváranie obrazu nepriateľa v súčasnom verejnom diskurze 1/0539/17*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). Москва: РУДН, 1997. 331 с.
2. Григорьянова Т., Догнал Й., Громинова А. и др. Результаты анкетирования словацких студентов // Mediite v života na studentite i studentite za mediite. Veliko Tarnovo: Znak '94, 2016. С. 42–71.
3. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. Москва: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.
4. Singerova N. Opozícia skupinových subjektov ako konštitučný prvok diskurzu // Nová filologická revue. № 2 (выпуск 4). 2012. S. 124–136.
5. Mertová N. Status lingvokulturologii v slovackoj rusistike // Hľadanie ekvivalentnosti V. Prešov: FFPU, 2010. S. 184–194.

LITERARY PRECEDENTIAL NAMES AND EXPRESSIONS IN THE “GLOSSARY OF RUSSIAN LINGUISTIC REALIA”

Dulebova Irina

Comenius University in Bratislava, Bratislava 1, Slovakia

This article deals with the selection and semantic interpretation of precedential phenomena of literary origin within the existing Slovak national education literature with special reference on the «Glossary of Russian Linguistic Realia», which was published in 2016.

Keywords: precedential phenomena, Russian as foreign language, glossary

Контактная информация:

Дулебова Ирина — irina.dulebova@uniba.sk

К вопросу о порядке слов в латинских глагольных коллокациях: прагматический аспект

Желтова Елена Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В докладе анализируются факторы, влияющие на порядок дополнений внутри латинских коллокаций с трехвалентными глаголами типа *gratias agere*. В большинстве коллокаций это порядок «косвенное — прямое дополнение», обусловленный дейктико-денотативными свойствами имен и местоимений в роли косвенного дополнения (одушевленностью или статусом участника речевого акта). Отклонения от него объясняются действием прагматических факторов (эмфаза, дискурсивный топик, контрастивный фокус, фокусирующие частицы и др.).

Ключевые слова: латинский язык, глагольные коллокации, порядок слов, прагматика, дискурсивный топик, эмфаза, контрастивный фокус

Направление: Классическая филология, византистика, балканистика

Секция: Классическая филология

1. В статье анализируются факторы, влияющие на порядок дополнений внутри латинских коллокаций типа *iniuriam facere*, *gratias agere* и др., образованных с помощью трехвалентных глаголов, присоединяющих дополнения в аккузативе и дативе (напр., *gratias agere alicui*).

2. Методологической основой моих наблюдений является концепция трех языковых измерений, которые, конкурируя друг с другом, могут влиять на поверхностные синтаксические структуры, в том числе и на порядок слов: к таким измерениям относятся семантические роли, то есть агенс, пациенс, реципиент и проч., дейктико-денотативные свойства имен, а именно, одушевленность существительных, местоименный статус и т.д., и прагматические функции (топик, фокус, контраст и проч.). Нейтральным порядком дополнений в конструкциях с трехвалентными глаголами я считаю порядок «прямое — косвенное дополнение» [Желтова, 2014]. Аналогичный подход был предложен К. Кабрильяной [Cabrillana]: она объясняет позицию глагола по отношению к субъекту и объекту взаимодействием синтаксических, семантических, прагматических, контекстных и стилистических факторов.

3. Влиянию конкуренции семантического и дейктико-денотативного измерений на порядок слов в глагольно-именных конструкциях посвящена статья [Желтова, 2016]: в результате анализа порядка дополнений в 10 коллокациях я пришла к выводу, что в 72 % случаев на первое место выдвигается косвенное дополнение, выраженное одушевленным существительным или местоимением, т.е. наиболее часто встречается порядок *ID* (где *I* — косвенное, *D* — прямое дополнения), при этом более половины от указанного числа (37%) составляют конструкции с косвенными дополнениями-локуторами, которые в иерархии одушевленности занимают самую высокую позицию. Таким образом, порядок дополнений обусловлен преимущественно дейктико-денотативными свойствами имен и местоимений, выступающих в роли косвенного дополнения, а именно, одушевленностью или статусом участника речевого акта.

4. Однако не менее очевидно и то, что порядки дополнений сильно варьируют в разных коллокациях. В некоторых из них соотношение *DI/ID* распределяется приблизительно поровну, как в *iniuriam facere* (12: 12), *insidias facere* (8: 8). Другие предпочитают порядок *ID*, как *gratias agere* (114:17), *auxilium ferre* (19:3), *dolorem dare* (7:1). Третьи выбирают противоположный порядок *DI*, как, например, *bellum facere* (6:3), *spem afferre* (12:4). Для объяснения этого факта к анализу подключается **прагматическое** измерение, которое и является фокусом данного исследования.

5. Для доказательства важности прагматического измерения я обращаюсь прежде всего к наиболее частотной коллокации *gratias agere*, которая определенно отдает предпочтение порядку *ID* (114:17). Выражение благодарности в большинстве употреблений встречается с одушевленным дативным дополнением (129 случаев из 131 в моем корпусе). При этом в значительной части примеров оно выражено личным местоимением. С прагматической точки зрения, личные местоимения тяготеют к началу, только если они являются субъектом и выполняют роль топика. Если же личные местоимения стоят в косвенных падежах, их позиция в пределах одной клаузы может быть различной и не обязательно начальной, поскольку они не выполняют специальной прагматической функции [Spevak, p.94 — 95]. Это означает, что в подавляющем большинстве употреблений на порядок слов оказывает влияние дейктико-денотативное измерение, обуславливающего приоритетную позицию личных местоимений либо имен с одушевленным денотатом. Тем не менее, в некоторых случаях прагматическое измерение несомненно работает, как в примере (1): здесь Цицерон выбирает нетипичный для данной коллокации

порядок *DI*, поскольку не *tibi*, а *gratias* является эмфатическим элементом, усиленным при помощи фокусирующей частицы *etiam*. Именно поэтому *gratias* занимает приоритетную позицию по отношению к *tibi*, не имеющему, в данном контексте, специальной прагматической функции.

- (1) *Qui etiam gratias tibi agere debeo quod me ex fortissimorum civium numero seiungendum non putasti* (Cic. Vat. 26, 2)

‘(Я), который еще и **благодарность** должен воздать тебе за то, что ты счел нужным не отделять меня от числа храбрейших граждан.

6. Важность прагматического измерения отчетливо видна при сравнении пассажей, состоящих из одних и тех же слов, как в примерах (2), (3) и (4).

В примере (2), иллюстрирующем порядок *DI*, косвенное дополнение *dis immortalibus* является фокусом и поэтому стоит в конце клаузы, что естественно для фокусных элементов, тогда как *gratias* занимает начальную позицию. Прагматическое измерение в этом случае оказывается более значимым, чем остальные:

- (2) *Quem cum supremo eius die Maximus laudaret, gratias egit dis immortalibus, quod ille vir in hac re publica potissimum natus esset* (Cic. Mur. 75, 2)

‘Когда Максим произносил хвалебную речь в день его похорон, он вознес **благодарность бессмертным богам** за то, что такой человек родился именно в этом государстве.’

В примере (3) *dis* выполняет функцию дискурсивного топика, поскольку в трактате Цицерона «О природе богов» преимущественно речь идет о богах. Дискурсивный топик обычно занимает начальную позицию и, кроме того, денотат существительного «бог» имеет весьма высокий статус, поэтому его выдвижение вперед обусловлено как прагматическими, так и денотативными свойствами:

- (3) *At vero aut honoribus aucti aut re familiari, aut si aliud quippiam nacti sumus fortuiti boni aut depulsi mali, tum dis gratias agimus, tum nihil nostrae laudi adsumptum arbitramur* (Cic. Nat. D. 3, 87, 6)

‘Но когда мы достигаем почестей или благосостояния, или если мы какое-нибудь иное случайное благо приобрели или избежали зла, тогда **богам возносим благодарность**, тогда не думаем, что (здесь) что-нибудь добавляется к нашей (собственной) славе.’

Сразу вслед за этим предложением в трактате Цицерона следует фраза (пример 4):

- (4) *Num quis quod bonus vir esset gratias dis egit unquam?* (Cic. Nat. D. 3, 87, 8).

‘Неужели кто-нибудь за то, что он хороший человек, возносил когда-либо **благодарность богам?**’

Здесь *gratias* выполняет роль фокуса контраста по отношению к *quod bonus vir* и по этой причине вынесено в приоритетную позицию перед топикальным элементом *dis*. Таким образом, в соревновании 3 языковых измерений прагматическое снова побеждает.

7. Особого внимания заслуживает коллокация *dolorem dare / afferre / facere*, которая засвидетельствована в моей подборке только 8 раз, причем почти исключительно в комбинации *IproD* (косвенное местоименное дополнение + прямое, 7 из 8 употреблений), что подчеркивает важность дейктических свойств актантов. Однако есть один пример (5), который отчетливо демонстрирует прагматически детерминированный порядок *DI*. В этом месте письма Цицерона к Аттику речь идет о Квинте Фуфии Калене, цезарианце и враге Цицерона. Косвенное дополнение *tibi*, акцентируемое при помощи фокусирующей частицы *etiam*, определенно выполняет функцию фокуса (Диагностический вопрос «Кому еще я причиняю боль?») и по этой причине стоит в самом конце фразы.

- (5) *[Neque vero desistit, ubicumque est, omnia in me maledicta conferre. nihil mihi unquam tam incredibile accidit, nihil in his malis tam acerbum.] sed augeo commemorando dolorem et facio etiam tibi* (Cic. Att. 11, 8, 2)

‘[И он не прекращает, где бы ни находился, злословить в мой адрес. Ничего никогда не случилось со мной столь невероятного, ничего в моих бедствиях не было столь горьким]. Впрочем, воспоминанием я умножаю **боль** и причиняю ее и тебе тоже.’

8. В некоторых случаях прагматические факторы скорее взаимодействуют, чем конкурируют с дейктическими, как в примере (6):

- (6) *Quin illud maereo quod tibi non minorem dolorem illorum orbitas adferet quam mihi* (Cic. QFr. 1, 3, 10)

‘И горю-то я из-за того, что тебе не меньшую **печаль** их сиротство приносит, чем мне.’

Здесь приоритетная позиция *tibi* по отношению к *dolorem* может объясняться как более высоким статусом участника речевого акта, так и контрастом с *mihi*. Известно, что контрастивные (эмфатические) местоимения тяготеют к началу фразы (Spevak, p.95).

9. Итак, 3 измерения — семантико-ролевое, дейктико-денотативное и прагматическое — могут как конкурировать, так и взаимодействовать друг с другом, определяя порядок прямых и косвенных объектов в глагольных коллокациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтова Е. В. Дейктико-денотативная иерархия и конструкции с трехвалентными глаголами в латинском языке // *Philologia classica*. Вып. 9. 2014. С. 228–247.
2. Желтова Е. В. К вопросу о порядке слов в латинских аналитических глагольно-именных конструкциях // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR)*, Vol. 122. 45th International Philological Conference (IPC 2016). P. 565–568.
3. *Cabrillana C.* (1996), Multifunctional analysis of word order / H. Rosen (ed.), *Aspects of Latin. Papers from the Seventh International Colloquium on Latin Linguistics, Jerusalem, April 1993, Innsbruck, Sonderdruck*. P. 377–388.
4. *Spevak O.* *Constituent Order in Classical Latin Prose*. Amsterdam — Philadelphia, 2010. 318 p.

TOWARD OF WORD ORDER IN LATIN VERB COLLOCATIONS: A PRAGMATIC ASPECT

Zheltova Elena

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article aims at analyzing factors which affect the order of the complements in Latin three-valency verb collocations of the type *gratias agere*. This order is mainly “indirect — direct object” that is explained by the deictic-denotative properties of nouns and pronouns with the function of indirect object (i. e. animacy and locutor status). The deviations from such an order can be explained by the pragmatic factors (emphasis, discourse topic, contrastive focus, focusing particles etc.).

Keywords: Latin, three-valency verb collocations, word order, pragmatics, discourse topic, emphasis, contrastive focus

Контактная информация:

Желтова Елена Владимировна — e.zheltova@spbu.ru

Иезуиты в Бразилии XVI в.: театр Жозе де Аншиеты

Жуков Андрей Павлович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Рассматривается начальный период колонизации Бразилии в связи с деятельностью иезуитов и стремлением к просвещению коренного населения на основе имеющейся у них культуры и религии. Затронута творчество Ж. де Аншиеты, театр которого — очень яркое явление, синтезирующее средневековую театральную систему с новыми традициями эпохи Возрождения, а также с фольклорными элементами и представлениями коренных жителей Бразилии.

Ключевые слова: ауто, иезуиты, средневековый, Бразилия, барокко

Направление: История литературы

Секция: История зарубежных литератур

1. По мнению многих современных бразильских ученых католичество сыграло решающую роль в формировании единой бразильской нации из множества племен, населявших огромные территории. Колонизаторы и миссионеры смогли найти нужный путь, используя культуру индейцев в своих целях.

2. Первый шаг в этой истории принадлежит иезуитам, которые, в отличие от других переселенцев, пришли в Бразилию без цели обогащения, но с чистыми намерениями спасти заблудшие души. В этом отношении важно смотреть на миссионеров XVI в. их собственными глазами, ведь они считали, что просвещают коренное население, тогда как на самом деле ломали устоявшиеся культурные системы. Иезуиты прибыли в Бразилию в 1549 г. в количестве 7 человек, под руководством М. да Нобреги (M. da Nóbrega). Они сопровождали Т. де Соуза (T. de Sousa), первого генерал-губернатора колонии, с центром в Баии (где был основан город Сан Салвадор де Баия).

2.1. Соуза занимался перестройкой местной системы, укреплением централизованной власти в регионе. Иезуиты должны были помочь в воспитании и образовании коренного населения с тем, чтобы вписать его в новую экономическую структуру государства, которая весьма изменилась. Колонизаторы принесли, например, пшеницу, виноградники, лошадей, быков. Кроме этого, из Анголы и Гвинеи были привезены негры, более приспособленные к сельскохозяйственному труду, чем коренное население.

2.2. Нобрега в 1549 он основывает первую школу в Баии, откуда затем «Компания Иисуса» протянула свои нити в Пернамбуку, Эспириту Санту, Рио де Жанейро. Иезуиты, занятые в первую очередь «охотой за душами», кроме создания школ, занимались также постройкой католических часовен и иногда медициной. Сочинения Нобреги («Информация о землях Бразилии», «Диалог об обращении язычников» и др.) являются одними из первых произведений бразильской литературы. Считается, что Нобрега не был человеком большой литературной культуры и в его произведениях содержится только фактический материал, касающийся обычае коренных племен. Однако его сочинения пользовались большой популярностью в Европе того времени и сразу были переведены на другие языки.

3. В целях воспитания коренного населения иезуиты стали использовать также театральные, зрелищные постановки. Считается, что бразильский театр рождается на пересечении миссионерской деятельности «Компании Иисуса» и мировоззрения коренного нехристианского населения, при этом рождение театра не могло не вобрать в себя — хотя и не в значительном объеме — черты Возрождения и маньеризма (позднего Возрождения), а также черты классического театра античности (что было важно для эпохи Возрождения).

4. Ж. де Аншиета (J. de Anchieta) (1534–1597) считается создателем театра в Бразилии. Он был священником «Компании Иисуса» и прибыл в Бразилию в 1553 г., в возрасте 19 лет с конкретной целью: сделать из людей Бразилии настоящих христиан, при этом он не собирался заниматься театром или литературой.

4.1. Литературное творчество Аншиеты возникает как дополнение к его миссионерской деятельности и стал одним из способов обучения коренных язычников, которые жили на земле Бразилии до прихода португальских колонизаторов, основам христианской религии и католического миропонимания. Известно, что театр иезуитов воспроизводит литературные модели средневекового театра с новыми, барочными, элементами, корни которых кроются в эпохе Возрождения: вместе с твердой верой в Бога и христианскими добродетелями пришло новое понимание человека и его места в мире, новые структуры самосознания проявились и на уровне театральной парадигмы [Azevedo, p. 191].

4.2. Театр Аншиеты — очень яркое явление, синтезирующее иберийские составляющие, достижения португальского театра с новыми традициями эпохи, а также с фольклорными элементами и представлениями исконных жителей Бразилии [Coutinho, p. 59]. Произведения Аншиеты, написанные для театра, зачастую содержат риторический прием, который можно было бы назвать «серьезные разговоры во время отдыха», что само по себе уже указывает на его тонкое чувство языкового стиля, а также на уровень его культуры. Образы, которые он употребляет, рождаются на границе и из взаимодействия таких элементов, как Библия, литургия, культура гуманизма и фольклор, с тем, чтобы донести до своего «дикого» читателя или скорее слушателя представления о добродетели, чтобы просветить его в самом широком смысле этого слова. Не случайно и введение аллегорических фигур в текст пьес, основанных на евангельских событиях.

4.3. Согласно исследованиям, посвященным жизни и творчеству Аншиеты, миссионер-иезуит написал и поставил прежде всего пасторальные ауто (в религиозном смысле этого слова) с целью просвещать коренное население во время литургических представлений на паперти церкви. Нося поэтому чисто религиозный характер, пьесы Аншиеты, такие как «Ауто, представленное по случаю праздника св. Лоуренсу» могут быть сопоставлены по своей тематике с классическими средневековыми мистериями и моралите, в которых можно найти персонажей-аллегорий, олицетворяющих в виде «живых» существ различные пороки и добродетели, и в центре — фигуры Любви и Страх, как две основные христианские средневековые составляющие. При этом театр иезуитов, так же как и средневековый мистериальный театр, стремится вместить «всё» (всю историю мира, всю сумму знания о мире) в короткое представление — не более трех дней. Такое стремление чувствуется в театре Аншиеты.

4.4. Сразу по прибытии в Бразилию, Аншиета начал изучать местную культуру [Саха, p. 49]. Уже через два года он опубликовал первую грамматику языка тупи, что демонстрирует его особое отношение к языку и культуре в целом тех людей, которых он просвещал.

4.5. Будучи главным представителем колониальной литературы, Аншиета обильно вносил в свои произведения элементы португальской средневековой литературной традиции, в том числе, почерпнутые им из португальских ауто. Таким образом, можно говорить о соединении элементов средневековой литературы с новыми элементами, связанными с обычаями и верованиями коренного населения Бразилии. Для объяснения христианских истин он часто использует ресурсы языка тупи, языка местного населения индейцев, именно это, по его мнению, должно лучше способствовать пониманию со стороны коренного населения. В этом отношении нужно упомянуть и насыщенную бранными словами речь некоторых персонажей его театра.

4.5. Особое внимание следует обратить на финалы пьес Аншиеты, на эффект катарсиса, который связан, кроме всего прочего, с танцами и шествиями, которым заканчивались многие пьесы. Эти сцены исполнялись очень виртуозно, были настоящим фейерверком чувств и эмоций для зрителя.

4.6. Тексты Аншиеты свидетельствуют о том, что его мировоззрение связано с гуманизмом эпохи Возрождения, можно говорить даже о своеобразном синкретизме между рациональным познанием мира и познанием духовном, ведь знаменитые географические открытия португальцев знаменуют еще и стремление человека к знаниям, во всех областях, к полноте Знания, а это — одна из главных составляющих эпохи Возрождения (понятие об универсальном человеке, напр.). При этом именно в Бразилии в эту эпоху такой синтез осложняется также сложным взаимодействием культуры цивилизаторов и культуры исконной. Колонизаторы на завоеванных территориях не стремились насаждать культуру гуманизма, однако гуманизм распространялся очень широко, возможно, даже без того, что кто-то делал умышленно, таково свойство эпохи. Театральные тексты свидетельствуют именно об этом, так как именно тексты являются свидетельством образа мыслей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Azevedo Filho, Leodegário A De.* Anchieta, a Idade Média e o Barroco. Rio de Janeiro: Editôra Gernasa, 1966. 307 p.
2. *Saxa, Quirício.* Vida e morte do Padre José de Anchieta / Introdução e aparato crítico de Joaquim Ribeiro. Rio de Janeiro: Secretaria Geral de Educação e Cultura, 1960. 62 p.
3. *Coutinho, Afrânio.* A literatura no Brasil. 6. ed. rev. e atual. Volume 2: Era barroca — era neoclássica. São Paulo: Global, 2001. 312 p.

THE JESUITS IN 16TH CENTURY BRAZIL: JOSÉ DE ANCHIETA AND HIS DRAMA

Zhukov Andrei

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The paper deals with the beginning of the colonisation of Brazil and the Jesuits' activity on a new land. These factors have established the preconditions for public education in Brazil based on the culture and religion of indigenous people. The paper also touches upon the issue of José de Anchieta's creativity. His drama was one of the brightest phenomenon of that time, for it combined both the traditions of the Medieval theatre and some new features of the Renaissance, as well as folkloric elements and beliefs of the native tribes.

Keywords: auto, jesuits, medieval, Brazil, baroque

Контактная информация:

Жуков Андрей Павлович — andreszh@yandex.ru

Mooring needs two anchors, and searching for collocations at least two formulas

Zakharov Victor

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Experiments are described on the basis of which an assessment of the measures of association used to identify collocations was carried out. Methods are proposed that make it possible to identify the best collocations by integrating the coefficients of the coupling force between the elements of word combinations obtained by various measures.

Keywords: corpus linguistics, collocations, association measures, evaluation

Area: General Linguistics

Section: Applied and Mathematical linguistics

INTRODUCTION

The paper deals with collocation extraction from corpus data. The term «collocation» used in corpus linguistics denotes stable phrases. According to Igor Melčuk, the property of stability is inherent to all word combinations. This approach assumes a probabilistic nature of collocations.

To put a threshold of stability we have to be able to express it in explicit form, i. e. quantitatively. This approach is the basic point of our paper which studies collocation extraction based on statistical association measures.

STATISTICAL MEASURES

A whole number of formulas have been created to integrate different factors that determine the association between the collocation components. These association measures determine the strength of association between two or more words based on their co-occurrence frequency in a corpus, each word separate frequency, maximum size of a window for collocations, etc. There is a big number of formulas to integrate different factors that determine the association strength between the collocation parts. The most popular measures seem to be MI, t-score, and log-likelihood. Among others we could name t-score, z-score, chi-square, Dice coefficient, Jaccard measure, odds ratio, augmented MI, log-log, etc.

METHODOLOGY

The main tool for experiments is the NoSketch Engine system which provides an access to Aranea corpora of Russian (<http://unesco.uniba.sk>) created by V. Benko in Comenius University in Bratislava (Slovakia). NoSketch Engine has a tool «Collocations» that extracts collocations using 7 association measures simultaneously. These measures are as follows: t-score, MI, MI3, log likelihood, minimum sensitivity, logDice and MI.log_f.

The conducted experiments include the following steps:

- searching collocations for a given word and get collocation lists for each measure;
- arranging collocation lists for each measure by decrease of the measure score, assigning a rank to every collocate in a list;
- calculating efficiency (precision, accuracy) of all association measures;
- sorting collocation lists alphabetically and combining them into a joint table;
- calculating the integral indicators determining the rank of a collocation in the combined list.

RESULTS

EVALUATION OF ASSOCIATION MEASURES

We base this part of the research on expert evaluation. Three experts evaluated collocates for an appropriate word, and the majority of voices chose if collocation candidates are true collocations or not. Then we counted the number of true collocations for each measure among the first 100 top collocates. The number of true collocations for 3 words are shown below.

	бить beat	вода water	рука hand
log-Dice	50	22	22
log-likelihood	31	26	24
min. sensitivity	49	21	25
MI	42	39	26
MI3	35	33	21
MI.log_f	44	31	25
t-score	18	17	22

These numbers could be interpreted as the precision ratio for the upper part of the ranked list of each measure. However, not only the number of true collocations shows the measure effectiveness. The ranks of true collocations are important, too. For this reason, we introduce a weight for ranks of true collocations.

We used the Kharin-Ashmanov method from information retrieval which increase the value of collocations with a higher rank. The aggregate score (accuracy) for each measure is calculated taking into account the number and location of collocates in ranked lists. The number of collocates for each measure in a ranked list is summed up separately in groups (with ranks 1–10, 1–30, 1–50, 1–70, 1–100), and in each subordinate group it is taken with a decreasing coefficient. The total sum thus reflects how many collocates are found for this measure and how high the rank of these collocates is.

The data obtained for 3 words are shown below:

	бить beat	вода water	рука hand	amount of places сумма мест
1. MI.log_f	0,72 (1)	0,56 (1)	0,29(2)	4
2. MI	0,51 (4)	0,40 (2)	0,30 (1)	7
3. log-Dice	0,68 (2)	0,39 (3)	0,24 (4)	9
4. min. sensitivity)	0,64 (3)	0,36 (5)	0,27 (3)	11
5. MI3	0,46 (5)	0,37 (4)	0,18 (7)	16
6. log-likelihood	0,23 (6)	0,26 (6)	0,22 (5)	17
7. t-score	0,09 (7)	0,12 (7)	0,19 (6)	20

We see, that these places and accuracy coefficients differ, In general, we can say that the most effective measures in extracting collocations are MI.log_f, MI, logDice and min. sensitivity. Of course, this conclusion is preliminary. We plan to conduct a research on more words from different frequency belts and of different parts of speech.

NEW INTEGRATED RANKS

As the accuracy coefficients for different measures change for various node words we put a hypothesis it will be useful to merge separate collocation lists. On the next step we sorted these lists alphabetically and merged them into a joint table in such a way so as to the same collocates that were obtained through several measures were merged into a single row, with their ranks for each measure. Now there is a task to assign a new integrated rank for each collocation in such combined list.

We introduce the following new ranks:

1) The *average rank* R_{av} of the collocate is the sum of all collocate ranks in a table row divided by the number of association measures that identified this collocate.

2) the *normalized rank* R_{norm} of the collocate which is derived from the average rank. It accounts how many measures have identified a collocate within the combined list. It is calculated by the following formula:

$$R_{norm} = R_{av} * \log_2(1+5/n),$$

where n is the number of successful measures for this collocate.

The normalized rank accounts how many measures have identified a collocate within the combined list. It is calculated by the following formula:

The basic level of successful measures was stated equal to 5. Accordingly, in case when a collocate is extracted by 6 or 7 measures, the normalized rank will be less than the average one and this collocation will rise up in the combined list. But in reality it turned out that there are not so many such collocations and experts not always assessed them as true collocations.

To improve this, we suggest the *optimized rank* that takes into account the preference of measures. It is calculated by the following formula:

$$R_{opt} = (\sum_{i=1..7} k_i \cdot r_i) / n,$$

where k_i and r_i are the accuracy coefficient and the rank of the ith measure in the measure list, with the measures put in order according their accuracy (efficiency), and n is the number of successful measures for this collocate. Based on results described in previous section, the order of the measures is as follows: *MI*, *log_f*, *logDice*, *min. sensitivity*, *MI*, *MI3*, *LL*, *t-score* with coefficients 0.4, 0.6, 0.8, 1.0, 1.2, 1.4, 1.6, respectively. As a result, the ranks of the collocations extracted by more efficient measures are been reduced, and it is assumed that t an appropriate collocate will rise higher in the ranked list. However, comparing ranks in the list sorted by average rank with the list sorted by optimized rank we see that approximately a few collocations improved their ranks.

CONCLUSION

To sum up, the experiments characterize the efficiency of individual association measures. A method of evaluation of measures efficiency was suggested.

We also offer a method of combining collocation lists obtained by individual measures and assessing “the quality” of collocations in a combined list. In general, the results are dubious. A way to increase the efficiency of the optimized average rank is seen in the exclusion of measures *t-score* as well as *log-likelihood* from its calculation.

ШВАРТОВАТЬСЯ НУЖНО ДВУМЯ ЯКОРЯМИ, А КОЛЛОКАЦИИ ИСКАТЬ ДВУМЯ ФОРМУЛАМИ КАК МИНИМУМ

Захаров Виктор Павлович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Описаны эксперименты, на основе которых проведена оценка мер ассоциации, используемых для выявления коллокаций. Предложены методы, позволяющие выявить лучшие коллокации путем интеграции коэффициентов силы связи между элементами словосочетаний, полученных разными мерами.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, коллокации, меры ассоциации, оценка эффективности

Контактная информация:

Захаров Виктор Павлович — v.zakharov@spbu.ru

Фонология, морфология и базы данных

Касевич Вадим Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Меньшикова Юлия Владимировна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Статья посвящена описанию концепции проекта, связанного с построением грамматики слушающего и базы данных, содержащей информацию о фонологическом оформлении морфологических единиц.

Ключевые слова: морфология, фонология, русский язык, грамматика

Направление: Общее языкознание

Секция: Грамматика и лексикон

ИДЕОЛОГИЯ ПРОЕКТА

Цель проекта — предоставить в распоряжение исследователей русского языка фонологию, морфологию и системные связи между ними в виде формализованной базы данных. В базе данных все объекты описания будут фигурировать как в традиционной орфографической записи, так и в фонологической (в транскрипции на базе латиницы). Последний вариант носит принципиальный характер, существенно приближая модель к ее «звучащему» прототипу.

Идеология проекта основывается на фундаментальных положениях Л.В.Щербы и его школы. Часть из них в достаточной степени упрочилась в современной науке, другие требуют дальнейшей разработки или могут использоваться как «стартовый капитал» для развития новых перспективных направлений.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

Ниже представлены основные из теоретических и методологических представлений, без обращения к которым описанный здесь проект во многом теряет смысл. Некоторые из сформулированных утверждений поданы «догматически», другие снабжены минимумом аргументации.

- В языке существует относительно автономная система минимальных незначащих единиц, линейных, которые служат «строительным материалом» для минимальных значащих единиц; в языках типа русского минимальные незначащие единицы представлены фонемами, а минимальные значащие, столь же линейные, морфемами. Линейный характер фонемы означает, что фонема (синтагматически) связана с другими, расположенными на той же оси (до или после данной фонемы) элементами того же уровня (окружающими фонемами).
- Вопреки ряду авторов, фонемы — не просто теоретические конструкторы, позволяющие эффективно и экономно моделировать те аспекты языка, которые относятся к его плану выражения; абстрактным фонологическим единицам соответствуют определенные (психолингвистические) отношения и механизмы, используемые говорящими и слушающими при порождении и восприятии речи.
- Каждой фонеме отвечает набор фонологически существенных (дифференциальных) признаков; принятого алгоритма их обнаружения и описания не существует.
- Структурированные комплексы незначащих фонем выступают означающими (экспонентами) минимальных значащих единиц — морфем; в этом состоит основная функция фонем. Соответственно, при установлении системы фонем конкретного языка сегментация текста на фоны (аллофонемы) осуществляется с опорой на морфологические (прежде всего морфемные) границы (фонологические границы выступают как производные по отношению к границам морфологическим). Аналогично, при сведении аллофонов в фонемы идентификации подлежат те из них, которые связаны отношением чередования в рамках соответствующих алломорфов (вариантов морфем), подробнее см. [Касевич, 1983].
- Фонемы, входя в состав морфем определенного типа (их экспонентов), могут выполнять специфические функции, многие из которых известны (например, чередование твердых и мягких

- фонем в парадигме существительного), однако сколько-нибудь исчерпывающее описание этих процессов отсутствует, оставаясь насущной задачей морфологии. С другой стороны, ряд важных процессов звукового оформления языковых единиц требует не только фонологического, но и морфологического объяснения. Здесь мы вступаем в область морфонологии.
- Необходим учет морфонологических правил, которые регулируют трансформации фонологического облика морфем в зависимости от грамматического типа сочетания. Эти правила отражают динамические свойства морфем.
 - Анализ процессов речеобразования и речевосприятия невозможен без выхода за рамки «бумажной» фонологии, поскольку (1) в речевой деятельности создаются различные контексты для реализации фонем и (2) вход перцептивной системы, на который рассчитан выход системы порождения речи, просто «не умеет» работать с абстрактными единицами и отношениями, не воплощенными в звуковой материи.

Перейдем непосредственно к нашему проекту. Выше уже говорилось о принципиальной важности перекодирования плана выражения морфем в терминах принятого фонемного «алфавита». Эта задача была сформулирована еще Бодуэном де Куртенэ. Однако спустя более чем столетие после выхода трудов Бодуэна она остается по-прежнему не решенной. Аналогичные мысли можно найти также у Щербы, который в 1929 году писал о том, что если учитывать реальное фонологическое варьирование морфем, «то многие отделы морфологии приобретут совершенно иной вид, чем тот, к которому мы привыкли в старых грамматиках» [Щерба, с. 87].

Справедливым будет отметить, что одним из немногих исключений в указанной области — создания морфологической модели, где план выражения последовательно описан в терминах звучащих единиц, были работы Л. В. Бондарко и ее учеников. В задачи группы Бондарко входило создание картотеки морфем русского языка с информацией об их звуковом оформлении и функционировании — своеобразного словаря морфем, получившего название **морфемарий**.

Для решения указанной задачи (создание морфемария) на современном этапе представляется целесообразным создать несколько взаимосвязанных баз данных, представляющих информацию о русских словоформах с учетом всего многообразия возможных типов плана выражения и плана содержания в (орфо)графическом и звуковом (фонемном) представлении с проставленными морфемными границами.

Другой источник, которым мы активно пользовались при разработке проекта, это «Словарь морфем русского языка» А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой с его принципом «аналогического измерения лексических единиц» (иначе — принципа «ориентации на “косвенную опору”»). В соответствии с концепцией этого словаря, членение слов по аналогии допустимо, когда результаты членения не вступают в противоречие с этимологией. Это не означает введения этимологического параметра в синхронный морфемный анализ. Речь идет, скорее, о косвенном свидетельстве, которое не определяет принятие решения, но говорит в его пользу (см. в этой связи также работы С. И. Богданова [Богданов]).

Наконец, уместно упомянуть о том, что в некоторых направлениях лингвистики, в частности лингвистики дескриптивной, можно найти высказывания видных лингвистов, таких, как Дж. Трейгер, Ч. Хоккетт, которые с разной степенью решительности исключали значение из определения морфемы. Вместо обращения к значению они обращались к рекуррентности определенных сочетаний фонем и их паттернов — т.е. фактически к воспроизводимости формальных правил построения единиц, ср. определения морфемы у соответствующих авторов: «Морфема — это ряд фонем, благодаря которому употребление фонем в высказываниях (как длинных, так и коротких) более эффективно описывать через фонемную структуру морфем, чем непосредственно через сами фонемы...» [Хоккетт, с. 118] или «Повторяющиеся структурные частичные единицы языка, состоящие из одной или более фонем <...> представляют собой основные элементы грамматического анализа. Они являются морфемами» [Трейгер, с. 118].

НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В последние годы исследовательским коллективом проведена масштабная работа по созданию прототипа базы данных для словоформ разной частеречной принадлежности; один из главных результатов — возможность исследовать закономерности редукции парадигм как следствие перехода от орфографического кода к фонологическому. Часть именных словоформ русского языка организована в виде базы данных особой структуры, которая позволяет, в частности, устанавливать траектории, связывающие «орфографические» и «фонологические» словоформы при смене соответствующих кодов, соот-

носить грамматику говорящего и грамматику слушающего. В настоящее время проводится работа по алгоритмам обработки словоформ для базы данных указанного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хоккетт Ч.*, цит. по: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп; пер. и доп. В. В. Иванова; под ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1964, 264 с.
2. *Трейгер Дж.*, цит. по: Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Э. Хэмп; пер. и доп. В. В. Иванова; под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1964, 264 с.
3. *Касевич В. Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М: Наука, 1983, 295 с.
4. *Богданов С. И.* Форма слова и морфологическая форма. СПб: Издательство СПбГУ, 1997, 247 с.
5. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб.: Ред. журн. «Обновление школы», 1912, 132 с.
6. *Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке // Русский язык в советской школе. 1929. №6. С. 63–71.*

MORPHOLOGY, PHONOLOGY AND DATABASES

Kasevich Vadim

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

Menshikova Iuliia

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, nab. r. Moiki, St. Petersburg 191186, Russia

The article is devoted to the description of concept for the project related to the construction of a grammar for the hearers, one needs a database containing the information on the phonological expression of the morphological units.

Keywords: morphology, phonology, Russian language, grammar

Контактная информация:

Касевич Вадим Борисович — vadim.kasevich@gmail.com

Меньшикова Юлия Владимировна — yu.v.menshikova@gmail.com

Дискуссия о фонеме (1952–1953)

Клейнер Юрий Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

«Дискуссия о фонеме» (1952–1953 гг.) была посвящена обсуждению фундаментальных проблем фонологии, актуальных до сих пор (нейтрализация, фонемы и варианты). Идеологическую окраску имел только вопрос о фонологии и фонетике (одна наука или две?), решавшийся в пользу единой «материалистической» науки.

Ключевые слова: советское языкознание, фонология, фонетика, «Дискуссия о фонеме»

Направление: Общее и прикладное языкознание

Секция: История языкознания

1. Две дискуссии. На фоне «Дискуссии по вопросам языкознания», начатой 9-го мая 1950-го года А. С. Чикобавой и — после публикации «Марксизма и вопросов языкознания» — вылившейся в ревизию всей советской лингвистики «в свете гениального труда И. В. Сталина», незамеченной за пределами сравнительно узкого круга лингвистов и практически забытой историками языкознания осталась «Дискуссия о фонеме», проходившая на страницах «Известий АН СССР» в 1952–53 гг. [см. Реформатский].

2.1. Философские основы языкознания и задачи языковедов. Дискуссия открылась публикацией статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» (Т. 11. Вып. 4. С. 324–34). В самом ее начале указывалось, что Сталин «доказав, что у языка есть специфические особенности, отличающие его от других общественных явлений, отстоял против всех и всяких упрощителей и вульгаризаторов марксизма право науки о языке на самостоятельное существование» (с. 324). В связи с этим, перед советскими лингвистами ставилась задача «внедрить марксизм в языкознание». (Следует пояснить, что хотя в начале 1950-х гг. все в Советском Союзе было марксистским, хотя бы на словах, марксизм в языкознании существовал в варианте языковеда Н. Я. Марра, тогда как внедрить его должен был бы философ, или *mutatis mutandis*, тот, кто внедряет философию марксизма в ту или иную область, является философом.)

В этой ситуации требовалось убедить идеологов от науки, что принципы науки — в данном случае фонологии — в основе своей не противоречат принципам марксистского языкознания (в сталинском варианте). И наоборот, наука, имеющая солидные философские основы, может претендовать на статус теоретической дисциплины, «непосредственно связанной с философскими проблемами» и — в этом качестве — включиться в идеологическую борьбу. Само собой разумеется, что «внедрение» в языкознание марксизма означало длительную работу, одобрение которой служило одновременно и охранной грамотой науке, избежавшей судьбы кибернетики и генетики.

3. Фонология и приоритет российской науки. Еще одна задача, связанная с внедрением фонологии в советское языкознание, касалась взаимоотношений ее с предшествующими и современниками направлениями и, самое главное, взаимоотношений новой «марксистской» науки с наукой «буржуазной». В этой связи, Шаумян цитирует А. А. Жданова: «... марксистская философия является самым полным и решительным отрицанием всей предшествующей философии. Но отрицать, как подчеркивал Энгельс, не означает просто сказать „нет“. Отрицание включает в себя преемственность, означает поглощение, критическую переработку и объединение в новом высшем синтезе всего того передового и прогрессивного, что уже достигнуто в истории человеческой мысли» (с. 324). Причисляя фонологию к «выдающимся достижениям человеческой мысли», Шаумян уточняет, что эта лингвистическая дисциплина, «созданная трудами русских ученых ... представляет собой значительный вклад русской науки в мировое языкознание» (там же: выделено мной — ЮК). Последнее согласуется с принятой в то время установкой на утверждение приоритета отечественной науки. Тем не менее, это был рискованный шаг, поскольку в числе создателей фонологии, наряду с И. А. Бодуэном де Куртэнэ, Шаумян называет и Н. С. Трубецкого. Хотя, как и Трубецкой в 1920 г., Бодуэн покинул Россию двумя годами ранее, основные достижения его (в том числе в области фонологии) относятся к дореволюционному периоду. Две лингвистические школы, созданные Бодуэном, продолжали существовать и в советское время — Казанская под руководством В. А. Богородицкого (1857–1941) и Петербургская/Ленинградская — под руководством Л. В. Щербы (1880–1944), а затем — М. И. Матусевич (1895–1979) и Л. Р. Зиндера (1903–1995). Все это позволяло Бодуэну «оставаться» русским ученым. К русским ученым причислял себя и Трубецкой, ср.: «На Первом международном конгрессе лингвистов в Гааге (1928) три русских ученых ... выступили с краткой программой, в которой ... была сформулирована необходимость строгого разграничения

фонетики и фонологии ... Это были Р. Якобсон, С. Карцевский и автор настоящей работы» [Трубецкой, с. 11]. В отличие от Бодуэна де Куртенэ, Н. С. Трубецкой, «который и назвал новую дисциплину фонологией» (с. 333), был классическим ученым-эмигрантом; все его труды, включая посмертные «Основы фонологии», публиковались только за границей. Тем не менее, Шаумян идет на риск, приравнивая идеи Трубецкого к достижениям, которые «надо поднять на качественно новую ступень, развивая их на основе диалектического материализма», а не «идеалистическим извращениям, которые надо отсечь» (с. 324). Нельзя не отметить, что и Трубецкой, и Р. О. Якобсон, имя которого до того также находилось под запретом, фигурируют в дискуссии не как идеологические противники, но в качестве единомышленников (Шаумян) или — в большинстве выступлений — научных оппонентов.

4. Фонетика и фонология (Фонология и идеология). Предметом противостояния явилось, прежде всего, соотношение фонетики и фонологии: Одна наука или две? Трубецкой сформулировал свое отношение к этому вопросу еще в 1928 г. (см. выше). Большинство советских ученых занимали прямо противоположную позицию. По мнению большинства участников дискуссии, этот вопрос имел идеологическую окраску. До сих пор от обвинений в идеализме науку о звуковой стороне языка защищал сам объект исследования — «звуки», материальные по определению. Исследователь вправе подняться до обобщений, абстрагируясь от конкретных звуков, но, по-видимому, оставаясь в пределах единой науки. Отдельная наука, оперирующая исключительно фонологии абстрактными понятиями, могла навлечь на себя обвинения в отрыве материального от духовного. Эту опасность понимали обе стороны — и Шаумян, обосновывающий право фонологии на оперирование «абстракциями, выходящими за пределы непосредственных, чувственно воспринимаемых данных» тем, что «в своих принципах оказывается тесно связанной с общими философскими проблемами», и противники разделения наук, возражения которых носили скорее декларативный характер.

5. Лингвистические аспекты «Дискуссии о фонеме». В остальном обсуждение сосредоточилось на собственно фонологической проблематике: определение и вопрос о знаковости фонемы (Э. А. Макаев и Н. А. Слюсарева — Т. XII. Вып. 4), история учения о фонеме: Бодуэн и пражцы (Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич — Т. XII. Вып. 1), дистинктивная и конститутивная функция, морфологический критерий в фонологии (М. В. Панов), «смешанные фонемы», т. е., в сущности, проблема нейтрализации (А. И. Гвоздев — Т. XII. Вып. 1), фонема в потоке речи (В. И. Лыткин — Т. XII. Вып. 1). Даже связь фонологии и фонетики обсуждалась здесь в терминах фонем и вариантов (G. Kiercher, М. А. Лукницкий — Т. XII. Вып. 4).

В этой части дискуссия принимает форму научного спора; даже ссылки на «Марксизм и вопросы языкознания» носят здесь исключительно этикетный характер. (В статье Реформатского — Т. XI. Вып. 5 — Сталин вообще не упоминается.) Действительно, дискуссия велась между коллегами и — что существенно — современниками: в 1938 г. (год смерти Н. С. Трубецкого и Е. Д. Поливанова) В. Н. Сидорову и Л. Р. И. Аванесову — 36, А. А. Реформатскому — 38, П. С. Кузнецову — 39, М. И. Матусевич — 42 и Л. В. Щербе — 58.

6. Заключение: Дискуссия после «Дискуссии». Полемика продолжилась в 1960 г., когда были опубликованы «Общая фонетика» Л. Р. Зиндера и «Основы фонологии» с послесловием А. А. Реформатского (с. 326 — 361), представляющим собой «взгляд изнутри» на проблемы звуковой стороны языка, общие для различных школ и направлений и, в большой своей части, все еще ожидающие решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А. А. Дискуссия о фонеме // Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. 527. — С. 35–46.
2. Трубецкой Н. С. Основы фонология. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. 372 С.

THE DEBATE ON THE PHONEME (1952–1953)

Kleiner Yuri

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The Debate on the Phoneme (1952–1953) was concerned mainly with fundamental problems of phonology (phonemes and allophones, neutralization, etc.), except for the ideologically biased 'phonetics — phonology' relationship the solution being in favor of one materialistic science.

Keywords: soviet linguistics, phonology, phonetics, *Debate on the Phoneme*

Контактная информация:

Клейнер Юрий Александрович — yurikleiner@hotmail.com, y.kleiner@spbu.ru

Рецепция повести Э. Уортон «Итан Фром» в романе А. Брукнер «Льюис Перси»

Климовская Алиса Яковлевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена анализу межтекстовых параллелей между «Итаном Фромом» и «Льюисом Перси». Применение методов интертекстуального, сравнительно-сопоставительного и гендерного анализа позволяет сделать вывод о реализации межтекстовых параллелей на уровне действующих лиц (сходство личностных качеств главных персонажей, отличных от эталона мужественности), сюжетных ходов, символики и проблематики. Делается вывод о творческом пересоздании повести Уортон, которая становится прецедентным текстом для романа Брукнер. Основные различия между текстами касаются развязки конфликта. Ирония Брукнер, усиленная многочисленными интертекстуальными отсылками, фокусируется на изменении моральных ценностей в современном для нее мире.

Ключевые слова: Анита Брукнер, «Льюис Перси», Эдит Уортон, «Итан Фром», межтекстовые параллели

Направление: История литературы

Секция: История зарубежных литератур

В романе британской писательницы А. Брукнер (1928–2016, Brookner) «Льюис Перси» (1989) содержатся явные аллюзии на повесть американки Э. Уортон (1862–1937, Wharton) «Итан Фром» (1911) [Williams-Wanquet, p. 238]. В центре обоих произведений, как явственно следует из названий, выведены в нетипичной для их авторов манере протагонисты мужского пола, во внутренней речи слово предлагается мужчине, предпринимаются попытки проникнуть в глубины мужской психологии, передать мужской взгляд на женщину, на брак и свои потребности в нем.

ИТАН И ЛЬЮИС

Сходство главных персонажей проявляется в их несоответствии нормативным эталонам мужественности с точки зрения личностных качеств и манеры поведения. Героям свойственна тонкая душевная организация: они чутки к красоте природы, испытывают острую потребность в любви и внимании. Дискурс Льюиса, полный сомнений и неуверенности — по сути «женский» с постоянным употреблением глаголов «казаться», [Brookner, p. 52, 95, 97, 111, 123, 170] «полагать», [Brookner, p. 93, 96] «не быть уверенным», [Brookner, p. 92] «задаваться вопросом». [Brookner, p. 98]

Мечтам о великой карьере ученого (в случае Льюиса) и инженера (у Итана) приходит конец со смертью их матерей. Герои поспешно женятся из-за страха перед полным одиночеством в опустевшем доме. В обоих случаях их избранницы, Зенобия Пирс и Патриссия Харпер, старше по возрасту и не отличаются особой красотой. Хотя супруги поначалу эффективно управляют с домашним хозяйством, они страдают от фобий, упорно хранят молчание, не разделяют интересов мужей. В обоих браках отсутствует любовь, взаимопонимание, обмен мыслями. В итоге Итан и Льюис не испытывают ожидаемого счастья супружества: не находят душевного тепла, которого ищут в супругах, их одиночество лишь усугубляется.

Подобно Итану, в сложившейся ситуации Льюис влюбляется в прямую противоположность своей жены. Более живые, впечатлительные, открытые Мэтти и Эмми символизируют «радость жизни», [Уортон, с. 53] дают перспективу желанного счастья. Хотя и не лишены недостатков, именно они, а не законные жены, вызывают симпатию читателя.

В отношениях мужских персонажей с возлюбленными главенствует инерция: Льюис, как и Итан, сдержан, не находит слов для выражения своих чувств, не предпринимает активных действий. Герои приходят к осознанию своего подчиненного положения, их уязвляет отведенная им роль и соответствующее отношение к себе. В итоге оба воспринимают свой брак как ограничение свободы, «тюремное заключение». [Уортон, с. 126] Семейный дом, куда оба героя не хотят возвращаться, ассоциируется с ледяным, «могильным» [Уортон, с. 68] холодом, безмолвием.

Однако, брак воспринимается Итаном и Льюисом с точки зрения традиционных представлений о нравственном долге, оба несут «бремя» [Уортон, с. 99] [Brookner, с. 119] зависящих от них жизней. Идея выполнения долга служит оправданием их инертного образа жизни: обоих томит страх перемен. Психологически герои зависимы от обстоятельств и более сильных личностей своих супругов, полностью

подминающих их волю. Существование мужских персонажей в подобных условиях трудно назвать жизнью, это скорее ее «отрицание». [Уортон, с. 34]

ЗЕНА И ТИССИ

В то время как ключевой мотив в образе мужских персонажей — инерция и бездействие, их супругам свойственно навязчивое желание следовать своим собственным принципам. Из некогда бессловесной фигуры Зена в представлении мужа превращается в «сгусток злобной энергии, накопившейся за годы угрюмого молчания». [Уортон, с. 114] Подобным образом у Тисси индифферентность к мужу трансформируется в неприятие, которым проникнуто ее красноречивое молчание. Узнав об отношениях с Эмми, беременная Тисси уходит от мужа, посещает группу пробуждения сознания, где внушаются идеи о притеснениях женщин патриархией. Она обретает подруг, финансовую независимость и полную событий жизнь, преодолевает свой навязчивый страх перед враждебным большим миром, но не обращает внимания на маленькую дочь, в отличие от Льюиса, страдающего из-за невозможности выполнить сполна свой отцовский долг. Т. о., в центре внимания обоих авторов находится нехарактерная пара — слабый герой и независимая женщина.

Помимо очевидных сюжетных параллелей, наблюдается сходство и в образном ряду и практиках символизации, к которым прибегают Уортон и Брукнер. Символике мрака, горечи, смерти, олицетворением которых являются супруги, контрастно противопоставлены тепло, весна, жизнь в облике возлюбленных. И Зена, и Тисси красивые предметы (блюдо красного стекла и викторианскую посуду свежескорови соответственно) прячут подальше в шкаф, что свидетельствует об их отказе от эмоций, плотских удовольствий, отсутствие которых угнетает их супругов.

ФИНАЛЫ

Оба сочинения кардинально отличаются развязкой конфликта. В результате неудачной попытки самоубийства Итан и Мэтти влачат жалкое существование в стесненных финансовых условиях в одном доме с Зеной, с неожиданным благородством взвалившей на себя груз забот о двух калеках. Льюису же дается шанс на личное счастье: в финале Эмми присоединяется к нему в аэропорту, когда тридцативосьмилетний Льюис летит в Новый Свет в поисках новой жизни и новой идентичности, выстраиваемой вне концепций героизма. Герой отправляется в мир, в котором для него «существует потенциальная возможность самореализации». [Bjorkblom, p. 89] Намек на счастливый финал подразумевает тот факт, что нарушение брачного договора не карается в XX веке, в котором свободная любовь и супружеская неверность поощряются, как варианты свободы от всяческих обязательств.

По иронии автора, Льюис реализует мечту Итана о поездке на Запад с любимой в поиске счастливой жизни. Однако выпавший Льюису шанс представляется призрачным в контексте всего пессимистичного по настрою творчества Брукнер. Неумеренность и ветреность Эмми, которые служат предметом критики Льюиса, неумолимость в достижении своих целей, вызывает сомнение в плодотворности их отношений. Она не сможет стать ему верной женой, а Льюис по-прежнему является носителем четких представлений о нормах морали.

Т. о., межтекстовые параллели между «Льюисом Перси» и «Итаном Фромом» реализуются на уровне действующих лиц (сходство личностных качеств главных персонажей, психологической интерпретации их поступков), сюжетных ходов и проблематики. Аллюзии столь многочисленны, что можно говорить о художественном пересоздании этого творения, которое становится опорным прецедентным текстом для романа Брукнер. Сходен тип повествования в обоих сочинениях с камерным сюжетом, ограниченным составом действующих лиц.

Интертекстуальный диалог между двумя произведениями ведется и на архитектонуальном уровне и проявляется в наличии жанровой связи двух текстов (психологическая проза). Им свойственен конфликт личности и общества, разума и чувств, мечты и жестокой реальности (у Брукнер — литературы и жизни). История Итана и Льюиса «строится вокруг нравственных дилемм: долг или самореализация, верность социальной традиции или ее нарушение ради возможности счастья, смирение в отношении обстоятельств или волевое их изменение». [Кизима, с. 130] В центре произведений — общечеловеческие проблемы философии любви и личной свободы в браке. «Подлинный союз двух людей далек от романтических иллюзий, он существует в мире сложных человеческих отношений, социальных норм и обязательств». [Кизима, с. 156] В контексте семейного конфликта обеих писательниц занимает вопрос о мере взаимной зависимости и чувстве ответственности партнеров в браке, о допустимости жертв собственными интересами ради благополучия супруга. В художественном мире Уортон и Брукнер

выполнение долга подавляет человеческую сущность и несовместимо с понятием счастья. А потому выведенный конфликт приобретает трагическую неразрешимость.

Страдание выводится писательницами не как исключительно женская прерогатива. Уортон и Брукнер создают реалистический портрет мужчины своего времени, испытывают сочувствие к своим персонажам. Однако им свойственно критическое отношение к ним. Итан и Льюис не соответствуют гендерной роли героя ни психологическими качествами, ни манерой поведения, ни социальным статусом. Эти герои не способны ответить на вызов реальности, «не оправдывают возлагаемых на них надежд». [Кизима, с. 152] Проанализированные мужские образы ломают стереотипное представление о мужчине как герое, а понятие героизма в большей степени соотносится с женскими персонажами. Концепты героизма в отношении Льюиса, образ которого конструируется как антигерой, используются Брукнер иронически. Ирония Брукнер, усиленная многочисленными интертекстуальными отсылками, фокусируется на изменении моральных ценностей в современном для нее мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кизима М. П.* Женщина на пороге XX века: жизнь и творчество Эдит Уортон. М.: МГИМО-Университет, 2007. 238 с.
2. *Уортон Э.* Итан Фром: Повесть, рассказы. Пер. с англ. И. Комаровой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2012. 256 с.
3. *Bjorkblom I.* The Plane of Uncreatedness. A Phenomenological study of Anita Brookner`s Late Fiction // Stockholm studies in English. 93. Stockholm: Almqvist and Wiksell intern., 2001. 167 p.
4. *Brookner A.* Lewis Percy. London: Penguin Books, 1990. 260 p. [перевод наш — А. К.]
5. *Williams-Wanquet E.* Art and Life in the Novels of A. Brookner. Bern: Peter Lang, 2004. 292 p.

RECEPTION OF E. WHARTON`S "ETHAN FROME" IN A. BROOKNER`S NOVEL "LEWIS PERCY"

Klimovskaja Alisa

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article analyses the intertextual connections between «Ethan Frome» and «Lewis Percy». The application of intertextual, comparative and gender analyses gives opportunity to conclude that the intertextual connections are actualized on the level of characters (similarity of protagonists` personal qualities different from the canon of masculinity), plot, symbolism and problems tackled. The findings contain the idea about creative rewriting of Wharton`s story which becomes the precedent text for Brookner`s novel. The main differences between the texts are connected with the outcome of the two conflicts. Brookner`s irony accentuated by numerous allusions is focused on changes of moral values in contemporary world.

Keywords: Anita Brookner; *Lewis Percy*; Edith Wharton; *Ethan Frome*; intertextual connections

Контактная информация:

Климовская Алиса Яковлевна — klimama@yandex.ru

Воссоздание языка: автоперевод и переводы на французский язык поэм М. И. Цветаевой

Кондратьева Екатерина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Российская Федерация, 190031, Санкт-Петербург, Московский пр., 9

Данное исследование призвано сравнить автоперевод и переводы на французский язык поэм М. И. Цветаевой с целью выявить общие переводческие стратегии, трудности и удаchi воссоздания авторского текста на иностранном языке.

Ключевые слова: кросс-культурная коммуникация России и Франции, М. И. Цветаева, перевод, автоперевод, поэзия

Направление: История литературы

Секция: Французские чтения

АВТОПЕРЕВОД ЦВЕТАЕВСКОЙ ПОЭМЫ «МОЛОДЕЦ»

Французский автоперевод поэмы «Молодец» (*Le Gars*) М.И.Цветаевой, осуществленный ею в 1929–30-х годах, представляет собой пример виртуозной адаптации на иностранный язык индивидуального стиля поэта. При этом усугубляются элементы непереводаемости языка, не отвечающего стандартам современной грамматики и синтаксиса. Для перевода на французский язык самим поэтом было избрано сложнейшее стилистически и композиционно произведение, укорененное в русской фольклорной традиции, а также демонстрирующее суть парадоксальной поэтики Цветаевой. При жизни поэта перевод опубликован не был — лишь в 1992 году он был издан во Франции издательством *Des femmes* и в 2005 году — в России, двуязычным текстом, в издательстве «Эллис Лак». Французское издание сопровождалось вступительной статьей Е. Г. Эткинды, продублированной и в русском издании. В статье литературовед произвел подробный сравнительный анализ исходного и переводного текста, отметив основные сложности, которые стояли перед Цветаевой, и стратегии их преодоления, а также выявив, при всей возможной точности перевода, коренные различия русского и французского текста, причиной которых можно назвать углубление и уточнение философской мысли Цветаевой за семь истекших с момента написания русского варианта лет.

Выявляя особенности перевода, вслед за Эткиндром проанализируем потери и приобретения французского варианта, пристально вглядываясь в ткань текста:

(1) Сохранение типичного для русского языка синтаксиса в решении двух задач: архаизации языка (стилистика народной сказки) и эмоциональной компрессии текста с целью передачи эффекта движения, спонтанности, обнажения чувств. Происходит сокращение как служебных, так и значимых слов; производится инверсия подлежащего и сказуемого.

(2) Трансформация элементов текста для наилучшей передачи сюжетной основы поэмы (малоизвестной французскому читателю). Так, зачин поэмы переведен почти дословно, при этом изменен ритмический строй текста. Рифма, характерная для русского варианта, уступает место синтаксическому параллелизму назывных предложений: *Fin de terre / Fin de ciel / Fin de village* — «Край земли / Край неба / Край села» [Цветаева, 2005, с.28–29]. В иных случаях для пояснения происходящего в поэме добавляются новые строки и даже строфы.

(3) Усовершенствование приёма во французском языке относительно русского оригинала. Так, в колыбельной Маруси синтаксический параллелизм, усугублённый односложными прилагательными цвета и одинаковыми по длине глагольными формами, четче прослеживается в переводе, нежели в оригинале, и точнее отвечает задаче текста: «Твои очи голубые, / Закрываю: чёрные» — *Les ouvre : bleus, / Les ferme : noirs* [Цветаева, 2005, с. 140–141]

(4) Углубление философской мысли Цветаевой за счёт усовершенствования формального компонента текста — слова и звука. Наиболее характерен для анализа финал поэмы: его французский вариант отвечает русской фольклорной традиции, но и выражает «философию романтического мистицизма» [Эткинд, с.263]. Также финальная фраза текста звучит более веско и дает более сложную трактовку всей поэмы: «Та — ввысь, / Тот — вблизи: / Свились, / Взвились: / Зной — в зной, / Хлынь — в хлынь! / До-мой / В огонь синь» — *Un cœur / Un corps / Accord / Essor / Unis / Êtreints / Au ciel / Sans fin* — «Одно сердце / Одно тело / Согласие / Порыв / Соединенные / В объятии / В небо / Без предела» [Цветаева, 2005, с.176–177]. Во французском тексте сила слияния намного выше, чем в русском. Совершенный параллелизм 1 и 2 строк,

2 и 4, 5 и 6, 7 и 8. В русском параллелизма лишены строки 7 и 8. Всё первое четверостишие объединено одной рифмой. Если русский текст описывает скорее процесс слияния, то во французском представлен его результат: «Одно сердце, одно тело». Поэтому во втором четверостишии в русском варианте слова еще разбиты на пары (зной — в зной, хлынь — в хлынь), а в 7 строке разбитым ритмически оказывается даже одно слово (до-мой), причем каждый из этих «осколков» имеет свое отдельное значение, — во французском варианте причастия прошедшего времени показывают уже достигнутый результат: «Единые, обнявшись». И летят герои не в синий огонь, в котором соединяются противоположные начала — неба и ада, — а в единое, ровное небо, которое характеризует непрерывность бесконечности.

ПЕРЕВОДЫ ЦВЕТАЕВОЙ НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ Е. МАЛЬРЕ

В своей статье Эткинд замечает, что предпринятые в 1980-е французской переводчицей Е. Мальре переводы поэм Цветаевой были осуществлены по той же стратегии, которую выработала и сама Цветаева, причем совершена эта попытка была без предварительного знакомства переводчицы с французским текстом «Молодца». Изданы переводы Мальре были парижским издательством *La Découverte* в 1986 году (уже после смерти переводчицы) — книга была частично переиздана в России в 2008 году издательством «Вагриус» под названием «Если душа родилась крылатой» — переводы шести поэм Цветаевой были опубликованы рядом с переводами ее стихотворений, сделанными поэтом А. Делюи. Переводы Делюи точны буквальным, словарным смыслом, в то время как переводы Мальре можно назвать стилистически точными, передающими музыку стиха. К тому же, как и сама Цветаева, Мальре берет для перевода большие лирические вещи, чаще всего с определенной фабулой или ее ситуационным подобием (сон, встреча, расставание). В данной работе мы возьмем для анализа два наиболее характерных в данных обстоятельствах текста: «На красном коне» — самую «русскую» из всех поэм, переведенных Мальре, и «Поэму Горы» — написанную уже в эмиграции, в иной стилистике, и при этом отличающуюся разнообразием ритмических основ, единством темы и звуковых построений, что отражается в переводе. В них заметны следующие особенности:

(1) Сохранение синтаксиса русского языка с целью передачи эффекта движения, напряженности фразы. Французский язык позволяет подобные сокращения лишь в эллипсисах, которыми изобилует текст. В некоторых случаях происходит усугубление приёма: на смену глаголу во французском варианте приходит причастие прошедшего времени: «Метет большие дороги / Ветров артель» [Цветаева, 1994, с.20]. — *Balayés, tordus — les grands chemins / Par l'artel des vents* [Цветаева, 2008, с.25].

(2) Сохранение буквальной передачи смысла текста, в случае Мальре выдающееся в ней переводчика (лишенного права вольного обращения с текстом), а не автора. Так, в поэме «На красном коне» «два крыла светлорусых» [Цветаева, 1994, с.16] переведены как «*deux ailes châtain clair*» [Цветаева, 2008, с.25] — что утяжеляет звучание и придает выражению некую необязательность, незначительность. Вспомним, как в автопереводе Цветаевой «Что из русских — руса» переводилось вначале как *blonde parmi les blondes* — «светлая из светлых», а потом и *fraîche parmi les fraîches* — «свежая из свежих» [Цветаева, 2005, с.32–35], то есть светлые локоны в «Молодце» передают ощущение юности, свежести, света — и переводятся с учетом прежде всего производимого впечатления.

(3) Обретение более точного смысла высказывания во французском языке. К примеру, в прологе «На красном коне» даны рифмы «Конный/ Не смертной женой — рожденной!» [Цветаева, 1994, с. 16] — а по-французски: *Équestre/ Créature de femme non terrestre!* [Цветаева, 2008, с.25]. В рифме сближены более значимые понятия, ключевые слова, к тому же имеющие одинаковую форму: «конный» — «неземная, нездешняя».

(4) Создание не менее глубоких образов, нежели в оригинальном тексте, иными, но столь же действенными фонетическими и смысловыми средствами. Так, на уровне звука и образа сближаются в тексте «Поэмы Горы» слово «губы» и глагол «губить» [Цветаева, 1994, с. 25]- Персефона обрекла себя на Аид, отведав гранатовое зернышко. Во французском языке фонетически сближаются иные слова — *grain* — «зерно», *grenade* — «гранат», *dégradée* — «загубленная» [Цветаева, 2008, с.26], но образ сохраняется: зерно граната становится косвенной причиной гибели. Магия звука настолько сильна, что читатель ощущает эту причину не только иносказательной (звук), но и прямой (смысл). Звуковой и смысловый ряд ключевых слов поэмы — «гора — горевать — горé» [Цветаева, 1994, с. 24–26] передан на французском языке разнообразно, но чаще всего одинаково удачно: *la montagne — lamentait — entaille — monter* [Цветаева, 2008, с.26], а выражение «Та гора была — миры» [Цветаева, 1994, с. 25] передано более точно: *Des mondes — que cette montagne!* [Цветаева, 2008, с.26].

Итак, данные замечания помогают увидеть большую точность и значительность как автоперевода Цветаевой, так и переводов Мальре. Соответствия проходят на всех уровнях — фонетическом, грамма-

тическом, смысловом, с полнотой передачи сложных образов. Этот перевод выстраивает путь к читателю, способному обрести совершенное понимание текста путем максимального преодоления себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цветаева М. И.*. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Поэмы. Драматические произведения/ Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. 816 с.
2. *Цветаева М. И.*. Мблodeц. Поэма. Иллюстрации Натальи Гончаровой. Le Gars. Poème. Illustrations de Nathalie Gontcharova./Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. А. А. Ивановой. М.: Эллис Лак, 2000. 328 с.
3. *Цветаева М. И.* Если душа родилась крылатой. М.: Вагриус, 2008// Электронная библиотека ProfiLib. <https://profilib.net/chtenie/112539/marina-tsvetaeva-esli-dusha-rodilas-krylatoy>. (Дата обращения: 13.06.2018)
4. *Эткинд Е. Г.*. «Мблodeц»: оригинал и автоперевод // Цветаева М. И. . Мблodeц. Поэма. Иллюстрации Натальи Гончаровой. Le Gars. Poème. Illustrations de Nathalie Gontcharova / Сост., подгот. текста, вступ. статья, коммент. А. А. Ивановой. М.: Эллис Лак, 2000. 328 с.- С. 243–268.

RE-CREATING THE LANGUAGE:

LONG POEMS BY MARINA TSVETAeva TRANSLATED AND SELF-TRANSLATED INTO FRENCH

Kondratyeva Ekaterina

Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University,
9, Moskovsky pr., St. Petersburg, 190031, Russian Federation

The present paper is set to compare the translations and self-translations of Marina Tsvetaeva's long poems from Russian into French with the purpose of revealing common strategies of translation, its endeavors, difficulties and marks of success, as well as the principle of recreating personal style by means of a foreign language.

Keywords: cross-cultural communication between France and Russia, M. Tsvetaeva, translation, self-translation, poetry

Контактная информация:

Кондратьева Екатерина Александровна — elli_verano@yahoo.fr

Question-answer pairs with negative lexemes in child-adult conversations

Krasnoshchekova Sofia

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation

Russian-speaking children use negative pronouns in 3 basic constructions: with a negative verb, without a negative verb and in rhymed question-answer pairs. We suppose that interrogative rhymed counterparts serve as an acquisition base for negative pronouns and that the form of a pronoun in a child's answer is caused by an adult's question. The data however doesn't give enough evidence to prove either of the assumptions. Firstly, children use negative pronouns in a conscious, not automatic or formal manner. Secondly, the effect of rhymed constructions is only seen in the speech production of one child.

Keywords: dialogue, negation, negative pronouns, first language acquisition, rhyme

Area: General Linguistics

Section: Psycholinguistics

1. INTRODUCTION

1.1. RUSSIAN NEGATIVE PRONOUNS

Pronouns are usually divided into two groups according to their relation to the reference point, deictic pronouns, and quantifier pronouns [Krylov]. Deictics like personal or demonstrative pronouns cannot be correctly understood without the notion of the reference point (time, place and participants of the speech situation), while the semantics of quantifiers like interrogative, indefinite and negative pronouns doesn't keep any relation to it. The object of our study is Russian negative pronouns in the children's speech. There are two series of Russian negative pronouns: *ne*-pronouns and *ni*-pronouns [Paducheva], the latter being unmarked and frequent in the speech of adults and the only series of negatives present in the speech of children at least till the age of 4. The analyzed lexemes are *nikto* 'nobody', *ničto* 'nothing', *nikakoj* 'no.ADJ', *nigde* 'nowhere', *nikuda* 'to-nowhere', *niotkuda* 'from-nowhere', *nikogda* 'never', and *nikak* 'no-how, in-no-way'. We analyze pronouns and pronominal adverbs together and call both classes "pronouns", because pronominal adverbs of most classes (demonstrative *tam* 'there', interrogative *kogda* 'when', negative *nigde* 'nowhere' etc) demonstrate the same functional behaviour in speech as their strictly pronominal counterparts.

1.2. ACQUISITION OF NEGATION

Russian-speaking children gradually acquire different means of negation, starting from individual negative one-word utterances (*a-a*, *u-u*, *ni-ni* etc.) and finishing with peripheral language means that express the negative meaning in a descriptive way (for example, *Mum, calm down* has the negative meaning of 'Mum, don't do [smth]'). All means of negation can be ranged according to the age of their emergence in speech: gestures and other non-verbal means (0–1 year) — protowords, holophrases (1,0–1,5) — *net*, *netu* 'haven't got' — postpositional *ne* 'not' — prepositional *ne* — negative pronouns — descriptive means [Murashova, Semushina]. Negative pronouns are set in the end of the line, so they appear when basic means of negation are already acquired. Negative pronouns are both late and infrequent means of negation in the children's speech.

2. DATA

The goal of this study was to observe the way of acquisition and usage of negative pronouns in the speech of 4 Russian-speaking children (V, L, X and F). The data includes recordings of the children's speech enveloping the age from 1,5 to 4 years. The transcripts of the recordings in CHILDES format were provided by the Children's Speech Data Foundation of Herzen State Pedagogical University and Institute for Linguistic Studies RAS. We have used the continuous sampling method to extract all utterances with negative pronouns from the children's corpora which resulted in 250 utterances of about 40000. To compare, the number of utterances with personal pronouns extracted from the same corpora is about 5000.

3. CONSTRUCTIONS WITH NEGATIVE PRONOUNS IN CHILDREN'S SPEECH

Children use negative pronouns in three main types of constructions: (1) separately / without a verb; (2) with a negative verb and (3) in an answer to a question with a rhymed interrogative pronominal counterpart (*Kto?* — *Nikto* 'Who? — Nobody'; *Čto?* — *Ničego* 'What? — Nothing'). Type (1) is the first to appear and the

most frequent in the speech of children of all ages. The isolated pronoun is used in incomplete utterances self-repetitions and in a non-pronominal meaning, for example, a child says: *Nikak* lit. 'No-how', meaning "I cannot [do smth.]" (F, 1,6). Type (3) is the least frequent and the last to appear (after the age of 2). Nevertheless, our study is dedicated to the constructions of this type. Not all children use all four types. For example, X. 's speech lacks rhymed answers at all and L. doesn't use rhymed answers together with negative verbs. The following analysis bases upon the speech of V., F. and L.

4. RHYME IN CHILDREN'S SPEECH AND CHILD-ADULT CONVERSATIONS

V. Kazakovskaya [Kazakovskaya, p. 184] states that at the age of 2 most children are able both to start a conversation and to produce answers to adult's utterances. Children usually understand what type of answer is waited for, but sometimes their answers aren't based on the meaning but on the form of the adult's question. Thus, the form of the child's utterance is specified by that of the adult's utterance, or the child's utterance is forced by the adult's one. We presume that dialogue pairs like *Kto?* — *Nikto* have features of such early conversations, i.e. the choice of a negative pronoun is determined by the interrogative pronoun in the adult's utterance.

It's well-known that children show liking for the rhymed phrases. Most children try to rhyme words and construct rhythmic verses even at an early age. Rhymed endings of nouns help children to acquire nominal conjugation, and some children even insert inexistent rhymed words in their utterances [Voeikova, p. 19, 186].

Russian pronouns form so-called rhymed lines uniting interrogative, relative, negative, indefinite and demonstrative pronouns of one basic meaning, such as *kogda* 'when' — *togda* 'then' — *nikogda* 'never' — *kogda-to* 'some time'... Children may confuse pronouns of one line, for example, use an interrogative/relative pronoun instead of a demonstrative one (*kogda... kogda* 'when... when' instead of *kogda... togda* 'when... then'), or use a wrong relative pronoun because it rhymes with a demonstrative antecedent (*takoj... kakoj* 'such... which' instead of *takoj... kotoryj* 'such... that').

5. RHYMED INTERROGATIVE-NEGATIVE PAIRS IN CHILD-ADULT DIALOGUES

There are several types of interrogative-negative dialogue structures. The first opposition is if the pair is formed by rhymed or unrhymed forms. The unchangeable pronominal adverbs always build a rhymed pair (*Gde?* — *Nigde* 'Where? — Nowhere'), while pronominal nouns and adjectives may composite and unrhymed Acc.-Gen. pair, where a question contains an Acc. form, and a negative answer demands a Gen. form (*Čto?* — *Ničego* 'What.NOM/ACC — Nothing.ACC'). The second opposition features positions of interrogative and negative pronouns: they may be set in a direct contact (adult's question ends with an interrogative pronoun and child's answer starts with a negative one) or be separated by other words.

We assume that negative pronouns are acquired on the base of rhymed interrogative pronouns and/or together with other pronouns of the same rhymed line. Our second hypothesis is that acquisition of negative pronouns is stimulated by question-answer pairs where an interrogative and a negative pronoun are in direct contact.

The most frequent lexemes used by children in rhymed answers in our data are *nikak* 'no-how' (45%) and *nikto* 'nobody' (34%); while *nikakoj* 'no.Adj', *ničto* 'nothing' and pronominal adverbs are less frequent (from 9 to 5%). We have found only 3 examples with direct contact between an interrogative and a negative pronoun. All of them include rhymed changeable pronouns: *Ved' ona kakaya?* — *Nikakaya* 'Adult: Because she [a girl on the picture] is [like] what? — Child: "No-what" [like nothing]' (L., 3,6,2). All pronominal adverbs as well as all unrhymed pronominal pairs are located distantly: *A kuda ty ubegal?* — *Nikuda* 'Adult: And where have you run? — Child: Nowhere' (V., 2,10,2); *A čto ona delaet?* — *Ničego* 'Adult: And what is she doing? — Child: Nothing. GEN' (F, 2,4). This falsifies our hypothesis that close contact between interrogative and negative pronouns may have some effect on the acquisition of negatives.

Furthermore, no evidence is found proving that a form of a negative pronoun in the child's answer is somehow caused by the adult's answer, as all children in our data use negative pronouns and their forms according to their meaning and do not produce a sequence of sounds that may be formally suitable (rhymed) but is semantically incorrect: *Kakuju ešše pakost' pridumaem?* — *Bolše ničego* 'Adult: What else mischief shall we invent? — Child: Nothing' (V., 3,5,27) — the pronouns do not form a rhymed pair, but the usage of 'nothing' is semantically and pragmatically correct.

6. CONCLUSION

Acquisition of negative pronouns in the rhymed question-answer pairs is individual and depends on the combination of a child's and an adult's speech strategies. There are children who ignore such constructions at all (X. in our data); children who use them infrequently (L. and F.) and children who use them regularly (V.). There

is no exact evidence that rhymed question-answer pairs help children acquire negative pronouns better than other types of constructions. Moreover, close contact between an interrogative and a negative pronoun has no effect on the acquisition of negatives. Finally, there is not enough data to check our hypothesis that negatives are acquired on the base or together with their interrogative rhymed counterparts, and we are going to collect more data to make the mechanisms of acquisition of rhymed lines of pronouns clearer.

REFERENCES

1. *Kazakovskaja V. V.* Ot protodialoga k dialogu: kommunikativnaja kompetencija rebenka rannego vozrasta [From a protodialogue to a dialogue: communicative competence of a child of early age] // *Rech' rebenka. Problemy i reshenija* [Child's speech. Problems and solutions]. Moscow: Institut psihologii RAN, 2008. P. 169–199. (In Russian)
2. *Krylov S. A.* O semantike mestoimennykh slov i vyzazhenij [On the semantics of pronominal words and expressions] // *Russkie mestoimeniya. Semantika i pragmatika*. Vladimir: VGPI, 1989. P. 5–12. (In Russian)
3. *Murashova O. V., Semushina V. A.* Otricanie v detskoj rechi [Negation in the children's speech] // *Semanticheskie kategorii v detskoj rechi* [Semantic categories in children's speech]. St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2007. P. 138–160. (In Russian)
4. *Paducheva E. V.* Otricatel'noe mestoimenie [Negative pronoun]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). Manuscript. Moscow, 2017. (In Russian)
5. *Voejkova M. D.* Rannie jetapy usvoenija det'mi imennoj morfologii russkogo jazyka [Early stages of children's acquisition of Russian nominal morphology]. Moscow: Znak, 2011. 328 p. (In Russian)

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ ПАРЫ С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМИ ЛЕКСЕМАМИ В ДИАЛОГЕ ВЗРОСЛОГО И РЕБЕНКА

Краснощекова Софья Викторовна

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

Русскоязычные дети используют 3 основные конструкции с отрицательными местоимениями: при глаголе с двойным отрицанием, изолированно и в составе рифмованной вопросно-ответной пары. Мы предположили, что вопросительные местоимения служат базой для освоения парных им соответствующих рифмованных отрицательных, а также что форма отрицательного местоимения в ответе ребенка задается репликой взрослого. Тем не менее, материал не позволил убедительно доказать ни одну из гипотез. Во-первых, дети используют отрицательные местоимения осознанно, а не порождают автоматически формально подходящую последовательность звуков. Во-вторых, эффект от использования рифмованных конструкций обнаружен в речи только одного из детей.

Ключевые слова: диалог, отрицание, отрицательные местоимения, детская речь, рифма

Контактная информация:

Краснощекова Софья Викторовна — ndhito@mail.ru

Teaching Russian as a foreign language to bilingual children

Voiku Olga

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Krivoborskaya Daria

University of Granada, Spain

The article is dedicated to key moments of teaching/learning during lessons of Russian as a foreign language for children. The present report highlights the main points that a teacher should pay attention to during preparation and teaching a lesson: a textbook choice, motivation problems, and the importance of a socio-cultural aspect. The materials of this article can be especially interesting for teachers of Russian as a foreign language, working with 'artificial' bilinguals.

Keywords: bilingual children, Russian as a foreign language, artificially bilingual children

Area: Teaching Russian as a foreign language: methods

Section: Teaching Russian as a foreign language: theory and practice

1. One of the most recent sensitive issue in the field of teaching Russian as a foreign language is the development of programs and teaching and training materials for children who study Russian as a foreign language. However, the vast majority of studies and didactic materials are oriented towards natural bilinguals, for whom Russian is the second native or heritage language. There are also researches that analyze the study of Russian language by migrant students, foreign children, who are usually migrants from CIS countries or Russian republics (Dagestan, Chechnya, Buryatia, etc.). Therefore, a group of students for whom Russian language is foreign and who, in addition to language lessons, do not have any connection with the Russian-speaking environment, usually is beyond the research.

2. We shall also note that the problem of the typology of bilingualism has not been resolved yet. When we talk about artificial bilingualism, we understand under this name the "educational" bilingualism: "when artificial bilingualism, the second language is being studied in the learning environment" [Belyanin]. Artificial bilingual does not use the second language spontaneously, what happens in case of natural bilingualism, and the source of language is an educational institution.

3. Lack of interest towards artificial bilinguals, who study Russian language, might be primarily due to lack of demand. Nevertheless, it is important to expand knowledge of Russian language teaching methodology for children who live outside Russian-speaking environment, for the following reasons:

- 1) the number of children adopted from Russian-speaking countries increases in Europe and the United States, and adoptive parents want their children to learn the language of the country where the children were born;
- 2) for the moment at schools English prevails as a first foreign language, but there is interest in other languages such as Russian or Chinese.

4. Russian language teacher can face many difficulties when teaching Russian to the above-mentioned group of children. First of all, let us note the fact that in many countries Russian is not a popular language, and this can have a negative impact on the student's motivation, thus complicating the learning process. In our opinion, an important circumstance is the system of cultural and linguistic profile of the country of residence. Children living in bilingual or multilingual countries adapt easily than those children who live in monolingual countries. Another important aspect is the way of presenting the new material. A student under 14 years will learn much more information if it is explained inductively.

5. Undoubtedly, when studying Russian with children, the sociocultural aspect is very important. When learning a foreign language, it is necessary to have a positive identification with the language and with culture of countries of this language. The most appropriate way to explain the sociocultural elements of a country is to present it as a natural part of a lesson or teaching materials, by mentioning it even in grammar exercises. This will be much more effective than just mentioning it during a lesson, apart from the tasks that are being performed. In chapter 5.1.1.2. of the document "Common European Competences in Knowledge of a Foreign Language: Learning, Teaching, Assessment", sociocultural competence is defined as "knowledge of the social characteristics and culture of a particular language community" [Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR)].

6. We propose to consider existing Russian language textbooks and teaching materials recommended for children of different ages, who study Russian as a second / third / fourth, etc. Language:

- a. Children from 0 to 3 years: in our opinion, for both artificial and natural bilinguals, it is appropriate to use the same books.
- b. For children from 4 to 6 years, as a main material teachers usually use the album “Veselye Shagui” [Sergeeva] and the educational and methodical set “Uroki Russkoi Rechi” [Kalenkova].

However, it is obvious that both books have a practical focus on the cultural and linguistic adaptation of migrant children for their subsequent admission to the first grade of the general Russian school. This manifests both in the scope of the vocabulary and in its choice. Sociocultural elements can be found in almost every chapter, but their clear focus on migrant children is visible. We should also note that the album “Veselye Shagui” considers training of speaking skills only. In our opinion, even at this early age, students can start to develop writing skills because at school or kindergarten they are already training similar skills in their native and/or first foreign language. If a child is already ready to practice writing skills in his/her native language, it is recommended to do it simultaneously in his/her second (third) language. The sensitive age to study a language is a period from four to seven years. If a child starts to learn Russian after 7 years, it should be even more carefully monitored so that the program does not look like a program for natural bilinguals. In 2016, the textbook “Soroka” [Avery] was published, based on a communicative method. Russian language course “Soroka. Russian for Kids” takes into account the principles of visibility and activity. 25% of the textbook is occupied by games that can be used not only in the context of a particular lesson, but also serve as a material for games for subsequent textbook topics. Another advantage of this textbook is the rate of material submission; we can say that it is quite relaxed. Therefore, when presenting Russian language case system, a textbook, calculated for approximately 50 hours, allows a child to only get acquainted with accusative and prepositional cases. The pages of the textbook and workbook are reminiscent of worksheets, which have recently gained great popularity and are increasingly replacing textbooks. Returning to the textbook Soroka 1, we note that it practically does not contain sociocultural elements, except for the typical Russian names of the main characters. In the textbooks intended for pupils aged 12–14 years, the “Russkiy klass” [Vokhminal] and “Davayte poznamomimsya” [Khamraeva] sociocultural elements are reflected in a rather large volume. However, it seems that both textbooks are considered for natural bilinguals (or children with heritage Russian language), both in terms of lexical and grammatical content and in the scope of socio-cultural aspects. A student for whom Russian is a second or third foreign language and who does not come across this language other than in a classroom is unlikely to be able to absorb such a volume and pace within 1–2 lessons per week. For example, in the textbook “Davayte poznamomimsya” [Khamraeva] in the same section, we can find the tables with the explanation of both prepositional and dative cases. The selection of texts intended for the development of intercultural competence seems expedient (texts on Russian cities, holidays, sights), although not always correct: “Santa Claus is a European Santa Claus” [Khamraeva, p. 83].

7. In conclusion, we should note that practically all the textbooks include materials for the formation of intercultural competence among students. However, in the majority of cases, it is oriented toward a child who with frequency comes across with the sociocultural elements of the country (countries) of the language. It seems important to continue improving the quality of teaching materials for children studying Russian as a foreign language. Nevertheless, we should consider that this is a complex and not a straightforward task.

ЛИТЕРАТУРА

1. Belyanin V.P. Psycholinguistics. M.: MPSI, 2003. 232 p. (In Russian)
2. Vokhminal L.L., Osipova I.A. Russian Class: Textbook. M.: RUSSIAN LANGUAGE. COURSES, 2015. 280 p. (In Russian)
3. Kalenkova O.N., Shatilova I.E. Lessons of Russian speech. Educational and methodical kit for younger children of school age, almost not speaking Russian. Part 2. A book for the teacher. M.: Ethnosfera, 2007. 208 p. (In Russian)
4. Sergeeva O.E. Russian as a foreign language. Fun steps: Step one. Children's module: picture album. M.: Drofa, 2014. 32 p. (In Russian)
5. Khamraeva E.A., Ivanova E.I. Let's get acquainted: Russian as a foreign language: a textbook for beginners. M.: Drofa, 2009. 127 p. (In Russian)
6. Avery M. Soroka. Russian for Kids. Student's Book 1. New Orleans: Createspace Independent Publishing Platform, 2016. 60 p.
7. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR) // Council of Europe official page. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/cadre1_en.asp (Accessed at: 23.02.2017).

ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА У ДЕТЕЙ

Войку Ольга Константиновна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

Кривоборская Дарья Михайловна

Университет Гранады, Испания

Статья посвящена ключевым моментам организации учебного процесса на уроках РКИ для детей. В докладе приведены основные моменты, на которые должен обратить внимание учитель при подготовке и проведении урока: выбор учебника (или УМК), мотивация, важность социокультурного аспекта. Материалы данной статьи могут быть особенно интересны преподавателям русского языка как иностранного, работающим с искусственными билингвами.

Ключевые слова: детский билингвизм, русский как иностранный, учебные билингвы

Контактная информация:

Войку Ольга Константиновна — voicou@mail.ru

Кривоборская Дарья Михайловна — dariaKM@hotmail.com

Традиция Вальтера Скотта в русской повествовательной прозе XIX в.

Кулишкина Ольга Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Опубликованный в 1824 г., роман В. Скотта (1771–1832, Scott) «Сент-Ронанские воды» («Saint Ronan's Well») во французском переводе практически сразу же становится известным в России, в 1828 г. появляется русский перевод. Продолжающий европейскую традицию «водной литературы», единственный «неисторический» роман шотландского автора оказал очевидное влияние на русскую прозу, отразившись в незавершенном замысле А. С. Пушкина (так называемый «Роман на Кавказских водах», 1831) и в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В обоих случаях это связано с особым местом действия «Сент-Ронанских вод» (курорт, специфика и возможности которого для построения сюжета на материале из современной жизни подробно анализируются в специальном авторском предисловии к роману. Русские авторы используют художественную находку Скотта, в свою очередь решая — каждый по-своему — задачу создания большой повествовательной формы на материале современности. Формирующаяся в итоге «курортная парадигма» (курорт как пространство конвенциональной девиации) — отражается в дальнейшем в творчестве И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова.

Ключевые слова: русская повествовательная проза XIX в., курортный роман, гетеротопия, В. Скотт, А. С. Пушкин

Направление: История литературы

Секция: Сравнительное изучение национальных литератур

1. Еще в 1828 г. Н. Измайлов отметил наличие соответствий между рядом знаковых пушкинских текстов конца 1820–30-х гг. и романом В. Скотта «Сент-Ронанские воды» (1823). По справедливому утверждению исследователя, если в «Метели» и «Барышне-крестянке» параллели ограничиваются отдельными соответствиями в системе персонажей и сюжете, то неоконченный «Роман на Кавказских водах» позволяет предполагать, что «в «Сент-Ронанских водах» Пушкин увидел плодотворный образец многопланового реалистического романа, с авантурным сюжетом, из жизни современного общества» [Измайлов, с. 97] — не в последнюю очередь, добавим, в связи с необычным для Скотта, однако, как следует из авторского Предисловия к «Сент-Ронанским водам», совершенно осознанно и преднамеренно выбранным местом действия — Минеральные воды.

Парадигматичность ситуации недвусмысленно подчеркивается переключкой заглавий («Сент-Ронанские воды» — «Роман на Кавказских водах») и в дальнейшем свидетельствуется целым рядом текстов отечественной прозы (как в ее «вершинных», так и беллетристических образцах), позволившим некоторым исследователям на рубеже XX–XXI вв. [Альтшуллер] говорить о наличии особой жанровой разновидности — «курортного романа», сформировавшейся во многом под влиянием рецепции «Сент-Ронанских вод».

2. На наш взгляд, однако, говорить о влиянии скоттовского «курортного» романа на русскую словесность целесообразнее не в жанровом аспекте (формирование новой разновидности романа), но — в дискурсивном. Как представляется возможным утверждать, не без влияния «Сент-Ронанских вод», в отечественной художественно-повествовательной практике формируется специфическая «курортная парадигма», в основе которой — представление о курортном топосе как «пространстве девиантного поведения», позволяющее вспомнить о позднейшей фукольдьянской интуиции гетеротопии (лекция М. Фуко (Foucault, 1926–1984) «О других пространствах» («Des espaces autres») — 1967, оп. 1984).

3. Принципиально важным в этой связи оказывается отмеченное влияние на пушкинский замысел романа В. Скотта. В авторском предисловии, специально посвященном обоснованию места действия этого единственного романа Скотта на материале современности, находим описание специфики курортного топоса, весьма определенно соотносимое с фукольдьянской характеристикой кризисно-девиантной гетеротопии: «Местом действия своей маленькой драмы из современной жизни автор избрал целебный источник; их немало в обеих частях Британии, и в каждом таком месте имеется полная возможность поправить свое здоровье или вести беззаботную жизнь. Ведь облегчение от недугов больному часто приносит не столько полезные свойства самой минеральной воды, сколько полная перемена уклада его каждодневной жизни <...> На воды тянется всякий, кто переезжает с места на место в тщетных попытках избавиться от надоевшего ему спутника — самого себя; туда же являются дамы и джентльмены, движимые противоположным стремлением — поскорее зажить вдвоем. На таких водах — что вполне естественно — общество придерживается гораздо более снисходительных правил,

чем те, которыми руководится модный свет или замкнутые аристократические круги столицы <...> на курортах, куда съезжаются богатые бездельники <...> каждый разрешает себе поступать так, как ему заблагорассудится <...>» [Скотт, с. 8–10].

4. Не реализованные у Пушкина (как помним, «Роман на Кавказских водах» так и не был написан), эти сюжетно-смысловые возможности курортного топоса в полной мере обнаруживаются в позднейших текстах. Так место действия «Княжны Мери» (курорт как пространство легитимной девиации) не в последнюю очередь обуславливает исключительную роль этого фрагмента «Героя нашего времени» в раскрытии так называемой «движущейся тайны» протагониста лермонтовского романа. Многонаселенная курортная «история», сюжетные линии которой реализуют различные конвенциональные варианты необыденного (в том числе — литературно кодифицированного) жизнеосуществления, оказывается тем фоном, что позволяет дистанцировать от такового ситуационно легитимированного, временного смещения жизненной нормы поведенческую девиацию героя времени, соотносимую в ее универсальности с печоринским «стремлением к совершенству» [Маркович, с. 47].

Так на вполне «реальной почве» римских терм курортного Баден-Бадена вырастает фантазмагорическая иллюзия Рулетенбурга («Игрок» Достоевского). Так инерция «изобличающей» силы «реализованной утопии» «нескучной жизни» в полной мере обнаруживает себя в чеховской «Даме с собачкой»: курортная иллюзия с очевидностью «изобличает, как еще более иллюзорное, всё реальное пространство, все местоположения, по которым разгораживается человеческая жизнь» [Фуко, с. 203] героев, которые в итоге практически теряют ощущение реальности собственного обыденно-биографического бытия.

5. Так — если подводить некоторые итоги — в отечественной художественно-повествовательной практике дискурсивируется курорт как топос «иной» жизни (организованной по иным, нежели в традиционном социуме, канонам — для данного индивида, получающего возможность обретения иного жизненного места, каковое не могло быть им найдено-обретено в традиционном социуме).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтшуллер М.* «Княжна Мери» Лермонтова и «Сент-Ронанские воды» Вальтера Скотта // Михаил Лермонтов: 1814–1989. Норвичский симпозиум. Норфилд, Вермонт, 1992. С. 147–154.
2. *Измайлов Н. В.* «Роман на Кавказских водах»: Невыполненный замысел Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Л.: АН СССР, 1928. Вып. 37. С. 68–99.
3. *Маркович В. М.* «Герой нашего времени» и становление реализма в русском романе // Русская литература. 1967. № 4. С. 46–66.
4. *Скотт В.* Собр. соч.: в 20 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 16. 570 с.
5. *Фуко М.* Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: в 3 ч. / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

THE TRADITION OF WALTER SCOTT IN RUSSIAN NARRATIVE PROSE OF THE 19TH CENTURY

Kulishkina Olga

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Published in 1824, the novel by W. Scott, “Saint Ronan’s Well” in French translation almost immediately becomes known in Russia, a Russian translation appears in 1828. Continuing the European tradition of “water literature”, the only “unhistorical” novel by the Scottish author had an obvious influence on Russian prose, reflected in the unfinished design of Alexander Pushkin (the so-called “Novel in the Caucasian Waters”, 1831) and in M. Yu. Lermontov “Hero of Our Time”. In both cases, this is due to the special place of action of the “Saint-Ronan’s Well” (resort), the specifics and possibilities of which are analyzed in detail in a special author’s foreword to the novel for plotting a story based on contemporary life. Russian authors use the artistic find of Scott, in turn solving — each in its own way — the task of creating a large narrative form on the material of modernity. The resulting “resort paradigm” (a resort as a space of conventional deviation) is reflected in the future in the works of I. S. Turgenev, F. M. Dostoyevsky and A. P. Chekhov.

Keywords: Russian narrative prose of the 19th century, a resort novel, heterotopy, W. Scott, A. S. Pushkin

Контактная информация:

Кулишкина Ольга Николаевна — olgakulishkina@mail.ru

Коммуникативная стратегия самопрезентации в дискурсе немецкого младшего школьника (на материале ситуаций с обращениями)

Лебеденко Галина Александровна

Пятигорский государственный университет, Российская Федерация, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

В статье раскрывается суть языковой реализации коммуникативной стратегии самопрезентации в дискурсе немецкого младшего школьника, детально характеризуются основные тактики, реализующие данную стратегию. В качестве особого средства вербализации самопрезентации рассматриваются обращения, которые выступают конституирующими компонентами в стратегемно-тактической системе речевого поведения немецкого младшего школьника. Стратегия самопрезентации является ведущей коммуникативной стратегией данного возраста, что обусловлено интеграцией ребенка в общество и связанной с этим социализацией. В основе коммуникативной стратегии самопрезентации лежат четыре коммуникативные тактики: тактика принадлежности к группе «своих», тактика самовозвышения в разговоре с взрослым, тактика выражения симпатии, тактика уничижения адресата.

Ключевые слова: самопрезентация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, обращение, дискурс младшего школьника

Направление: Романо-германская филология

Секция: Лексикология и фразеология (романо-германистика)

ВВЕДЕНИЕ

Большой интерес современных лингвистов вызывает воздействующая функция речи, которая реализуется в дискурсе при помощи коммуникативных стратегий и тактик. Обращение при этом, является специфичным средством реализации коммуникативных целей адресанта, выступает индикатором статуса адресата, характеризует взаимоотношения коммуникантов в конкретной ситуации общения.

Настоящая статья посвящена анализу обращения как средства вербализации коммуникативной стратегии самопрезентации в дискурсе немецкого младшего школьника.

Материалом исследования послужили результаты наблюдения за речевым поведением немецких младших школьников, зафиксированные в интервью (общая длительность записей 7 часов) и анкетах (опрошено 85 респондентов), а также эпизоды с ситуациями обращения, извлечённые методом сплошной выборки из текстов детской художественной литературы о детях и для детей младшего школьного возраста. Всего проанализировано 890 речевых ситуаций с обращениями.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОГО МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Первое наиболее полное и систематическое исследование феномена самопрезентации представлено И. Гофманом. Он утверждает, что самопрезентация является важным элементом конструирования ситуации, в которой человек предстает перед людьми в социуме [Гофман].

Сегодня изучение самопрезентации в том или ином типе дискурса является одним из направлений развития дискурсологии и презентационной теории дискурса. При этом О. С. Иссерс рассматривает стратегию самопрезентации в качестве вспомогательной, присутствующей в той или иной степени при любых условиях коммуникации [Иссерс, с. 74].

В то же время А. В. Олянич отмечает, что презентационная функция выступает особой функцией языка и речи, и именно от успешной реализации коммуникативной стратегии «самопрезентации» зависит реализация всех остальных интенций личности [Олянич].

В младшем школьном возрасте самопрезентация является своеобразной психологической «инновацией» и отражает постепенный переход от эгоцентрического к социальному типу личности [Амзаракова].

Проведенное исследование показало, что коммуникативная стратегия самопрезентации в речи немецкоговорящего ребенка младшего школьного возраста реализуется через следующие тактики: тактика выражения принадлежности к группе «своих», тактика выражения симпатии взрослому, тактика самовозвышения в разговоре со взрослым, тактика уничижения адресата.

ТАКТИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ГРУППЕ «СВОИХ»

Тактика выражения принадлежности к группе «своих» направлена на презентацию детьми общности их интересов, коммуникативной близости в рамках группы. Вербализаторами данной тактики выступают принятые в группе обращения. При этом наблюдается гендерная дифференциация их употребления.

Для мальчиков свойственны обращения по имени, фамилии, а также такие формы обращения, как *Mensch, Mann, Menschenskind, Amigo, Alter*. Данные лексемы имеют положительную коннотацию и употребляются в значении 'друг', 'дружиче', 'приятель'.

Обращения мальчиков девяти-десяти лет друг к другу могут характеризоваться внешней ярко-выраженной вербальной грубостью, посредством которой коммуниканты «атакуют» друг друга:

- *Du, Blödmann! Wie geht es?*
- *Geht doch, du Arsch!*

В данной ситуации подобные грубые обращения свидетельствуют о доверительных отношениях собеседников. Коммуниканты действуют по своеобразному обоюдному «соглашению», не нанося ущерба «имиджу» друг друга.

В речи девочек чаще звучат обращения к собеседнику по имени в полной и краткой формах. При этом преобладают обращения с положительной коннотацией, в том числе единицы, образованные путем метафорического переноса: *Maus, Mausenzahn* 'мышка', *Schatz* 'сокровище', *Süße, Honey* 'сладенькая'.

Тактика выражения принадлежности к группе «своих» также реализуется с помощью использования в речи специфичных для данной социальной группы обращений-прозвищ. Употребление в речи прозвищ подчеркивает общность, связь между детьми, демонстрирует «избранность» адресата. Прозвища входят в группу ситуативно-групповых обращений. В них отражаются современные тенденции в среде детей и молодежи. Так по аналогии с известным электронным устройством iPad образовано прозвище девочки 8 лет по имени *Jessika* — обладательницы данного гаджета: *Jess-Pad*. Здесь находит отражение современное увлечение молодежи и детей всевозможными гаджетами.

ТАКТИКА ВЫРАЖЕНИЯ СИМПАТИИ ВЗРОСЛОМУ

Тактика «выражения симпатии взрослому» заключается в вербализации одобрения действий адресата, утешения, упрощения. Однако цель говорящего заключается при этом не столько в выражении симпатии, сколько в подаче себя с положительной стороны и снискании благосклонности с помощью лести.

Как показал анализ результатов анкетирования и интервью, для данной тактики характерно использование в качестве обращений обозначений родства в ласкательной форме (*Mami* 'мамочка', *Papi* 'папочка', *Omi* 'бабуля', *Opi* 'дедуля'). В речи девочек часто используются определения *любимый, лучший*, в том числе в превосходной степени (*liebe, beste, beste in der ganzen Welt*), а также метафорические номинации (*Hase, Hasilein* 'зайчик', *Mausi* 'мышка').

В следующем примере мальчик обращается к матери, выбирая форму *liebe Mama* 'дорогая мамочка': *Und nimm es mir nicht übel, liebe Mama, es war nicht böse gemeint ... Oder ist es wegen des Geldes?* [Kästner, S. 23]

Ребенок не может понять, почему мама с ним не разговаривает, пытается это выяснить и, как бы заранее предвдвая мамину реакцию, оправдывается, старается добиться снисхождения.

ТАКТИКА САМОВОЗВЫШЕНИЯ В РАЗГОВОРЕ СО ВЗРОСЛЫМ

Тактика самовозвышения в серьезном разговоре со взрослым направлена на подчеркивание ребенком своего «взрослого» статуса. Младший школьный возраст характеризуется повышенным интересом детей к миру взрослых, со стремлением быть похожими на них, в том числе в речевом поведении.

В данной тактике ярко выражается имеющая место в немецких семьях тенденция обращения к родителям по имени. В следующем диалоге девочка Svenja использует в качестве обращения к маме имя собственное *Karin*:

- «... Aber woher kommt der? Was machen die Eltern?»
- Svenja stöhnt: «Karin!», sagt sie. «Echt jetzt, das nervt so! Warum willst du immer wissen, was die Eltern machen?»* [Boie, S. 21]

Анализ результатов анкетирования показал, что обращения по имени к родителям чаще используют в речи мальчики, чем девочки. При этом наблюдаются различия в целях употребления данных

единиц. В речи мальчиков основной коммуникативной целью высказывания является выражение упрека и недовольства, в речи девочек имя собственное чаще употребляется для выражения ласковой просьбы, утешения.

ТАКТИКА УНИЧИЖЕНИЯ АДРЕСАТА

Тактика уничижения направлена на самовозвышение путем принижения и высмеивания каких-либо качеств адресата.

Наиболее распространенным средством уничижения является использование в речи дразнилки в качестве обращения. Многие детские рифмованные дразнилки привлекают своей абсурдностью, соединением случайностей — именно этим она доставляет удовольствие обидчику и сердит обижаемого: *Claudia-Clodianne, Basti-Spasti, Kai-Osterei, Malte-Popospalte* и т.д. В подобных дразнилках ярко проявляются элементы языковой игры в речи младшего школьника, происходит осознание смысловых и эстетических возможностей языка.

Кроме индивидуальных в речевой деятельности ребенка используются дразнилки, адресованные определенной группе ребят. Школьниками старшего возраста используются дразнилки для уничижения первоклассников: *Erstklässler — Tintenfassler, Erste Klecka — Tafellecka* или второгодников: *Sitzenbleiber — Kartoffelreiber!*

Ласкательные именованья дети школьного возраста используют как дразнилки по отношению к детям младшего возраста. Такое детское имя используется старшими детьми для принижения социального статуса другого ребенка. Обращение, выраженное лексемой с уменьшительным суффиксом, подчеркивает «взрослый» статус адресанта.

Такие метафорические именованья как *Zwerg* 'гном', *Liliputaner* 'лилипут', *Winzigkeit* 'мелочь' используются в качестве средства уничижения младших по возрасту детей: *Er hat dem Franz das Pausenbrot vor die Nase gehalten und gerufen: «Na, hol dir's, du Liliputaner!»* [Nöstlinger, S. 14]

ВЫВОДЫ

Цель использования эмотивно-ориентированной стратегии самопрезентации заключается в создании положительного образа говорящего. В дискурсе младшего школьника к ним относятся образ «своего» в группе друзей, образ «хорошего/ей сына/дочери» в коммуникации с родителями и другими старшими родственниками, а также образ «взрослого, серьезного человека». Обращения при этом выступают в качестве конституирующих элементов вербализации представленных стратегий. В основе коммуникативной стратегии самопрезентации лежат четыре тактики: тактика принадлежности к группе «своих», тактика самовозвышения в разговоре с взрослым, тактика выражения симпатии, тактика уничижения адресата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амзаракова И. П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2005. 495 с.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. — 407 с.
5. Boie K. Nicht Chicago. Nicht hier. Hamburg: Oetinger Taschenbuch Verlag, 2002. 220 S.
6. Kästner E. Pünktchen und Anton. Hamburg: Dresseler, 2010. 60 S.
7. Nöstlinger Ch. Das Beste vom Franz. Hamburg: Oetinger Taschenbuch Verlag, 2016. 475 S.

THE STRATEGY OF SELF-PRESENTATION IN THE GERMAN JUNIOR SCHOOLCHILD'S DISCOURSE (BASED ON THE COMMUNICATIVE ADDRESS SITUATIONS)

Lebedenko Galina

Pyatigorsk State University, 9, pr. Kalinina, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

The article reveals the essence of the language implementation of the self-presentation strategy in the German junior schoolchild's discourse, drawing on the material of address situations, characterizes in detail the main tactics implemented within the framework of the self-presentation strategy. The strategy of the self-presentation is the

leading communicative strategy of this age that is caused by integration of the child into society and the socialization. Four communicative tactics are the cornerstone of the communicative strategy of the self-presentation: tactics of belonging to group, tactics of abasement of the addressee, self-eminence tactics in a conversation with the adult, tactics of expression of sympathy.

Keywords: self-presentation, communicative strategy, communicative tactics, address, junior schoolchild's discourse.

Контактная информация:

Лебеде́нко Галина Александровна — g-lebedenko@mail.ru

Фоносемантический аспект речевого сопровождения жестов в норвежском языке

Ливанова Александра Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье на материале норвежского языка делается попытка найти пути решения следующих вопросов: как именно взаимодействуют жест и речь, насколько тесно они сопряжены, какие уровни языка участвуют в этом взаимодействии. Предлагается выделить четыре типа взаимодействия невербальных и вербальных средств коммуникации: жесты, обычно исполняемые без звукового сопровождения; жесты, имеющие факультативное звуковое сопровождение; жесты, обязательно имеющие звуковое сопровождение; жесты, факультативно сопровождающие речевые средства, в том числе фономаргинальные.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, жесты, речевое сопровождение, фономаргиналии

Направление: Общее языкознание

Секция: Психолингвистика

(1) Средства невербальной коммуникации описаны недостаточно [Кристева, 34]. Еще более отстаёт изучение взаимодействия сопряженности конвенциональных жестов с вербальным языком. Сбор материалов в значительной мере затруднен тем, что большинство жестов выполняются автоматически, индуктор не замечает за собой своего жеста, а информанты не в состоянии вспомнить таковых.

(2) Для целей преподавания языка наибольший интерес представляют жесты, которые всегда или почти всегда имеют речевое сопровождение (или наоборот, можно сформулировать и так: определенные звуки всегда или почти всегда сопровождаются жестами). Ср. русское *А!* и встряхивание рукой — в значении ‘толку не будет’, русское *Во!* и поднятый вверх большой палец сложенной в кулак руки. Этот вопрос обычно выпадает из поля зрения исследователей, поскольку сфера эта междисциплинарная.

(3) Описания норвежского материала практически отсутствуют. Данная статья базируется на описаниях жестов в художественной литературе и наблюдении за носителями (анкетирование, проводившееся с 2007 г.). Делается попытка найти ответ на следующие вопросы: какие аспекты необходимо учесть во взаимодействии жестов и речи, как выявить, насколько тесно они сопряжены, какие уровни языка участвуют в этом взаимодействии. Предлагается распределить жесты на шкале от невербального кода к вербальному в соответствии с четырьмя типами их взаимодействия.

(4) Жесты, обычно лишённые звукового сопровождения. Традиционные: *heve et øyebryn* ‘выгнуть бровь’ (недоумение); *slå ut med armene* ‘развести руками’ (ничего не поделаешь); *slå floke / slå flikkflakk* ‘похлопать себя по плечам крест накрест, чтобы согреться’; жест вроде нашей козы, но только покачивание из стороны в сторону (или всей ладонью вниз), выражает сомнение, названия не имеет. Новые / заимствованные жесты: *vise finger* ‘показать палец’ (оскорбление); указательный и средний пальцы обеих рук слегка сгибаются и разгибаются в суставах, остальные пальцы неплотно собраны в кулак, руки на уровне груди или выше ладонями от себя (‘кавычки’); *trampeklapp* ‘аплодисменты с одновременным топотом’; жест используется в Норвегии не ранее 19 века.

(5) Жесты, могущие иметь факультативное звуковое сопровождение, или наоборот, жесты, факультативно сопровождающие вербальные проявления («явление, напоминающее синонимии» [Крейдлин, Кронгауз, 178]). Обе руки на уровне груди ладонями вниз движутся вверх-вниз от запястий, может быть сказано *slapp av* ‘успокойтесь’ (аудитории). Движение рукой, будто выбрасываешь что-то, может сопровождаться подобием стоны, гортанным гласным типа *кнаклаута* (досада). Постучать по дереву, сложив в кольцо большой и указательный пальцы правой руки, остальные не туго собраны в кулак *bank i bordet* ‘тффу-тффу, не слезить’, дословно ‘постучи по дереву’. Оттопырить мизинец, сказать *han er sånn* ‘он такой’, характеризуя мужчину нетрадиционной ориентации. Рукой ладонью внутрь или указательным пальцем несколько раз махнуть в сторону груди, сказать *kom hit (litt)* ‘иди(-ка) сюда’. Помахать рукой, причем в вертикальной плоскости правой ладонью вовне *ha det* ‘пока’. Это первый жест с речью, которому обучают норвежских детей. Покачать головой и произнести чаще однократное, иногда двукратное *ts* или билабиальный глухой щелевой (отчаяние). Покрутить пальцем у виска и сказать *ko-ko* (‘чокнутый’).

(6) Жесты, имеющие обязательно звуковое сопровождение. Движение вниз большим пальцем от груди согнутой в локте и сложенной в кулак руки, произнести *bånn i bøtta* дословно ‘дно в ведре’, т. е. ‘хуже некуда’. Ладонью вниз правой рукой сначала сверху вниз, затем слева направо возле кадыка,

произнести *kors på halsen* 'вот те крест', дословно 'крест на горле'. Руки поднять ладонями вовне и от себя на уровне груди и произнести *ø / spar meg* 'помилуйте'. Жест означает несогласие. Поднести указательный палец к губам, произнеся *sj/hysj* 'тсс'.

(6) Высказывания/звуки, которые могут сопровождаться жестами факультативно. Смеясь, хлопать себя по ляжкам. Насмешка может сопровождаться показыванием носа (*peke nese*).

(7) Важно учитывать и характер звукового сопровождения жеста. Оно может представлять собой фонемаргиналии разных типов. Звуки, не входящие в систему языка, т.е. не являющиеся фонемами, как смех или крикание. Звуки, входящие в систему языка, как продвинутое вперед *gggggg*, обращенное к ближнему человеку (часто к ребенку), когда его, умиляясь, гладят и обнимают при встрече. Звуки, отсутствующие в системе норвежского языка, но тем не менее языковые, как обозначение храпа *zzz* в мультимодальных текстах, которое при необходимости произносится как звонкий, отсутствующий в наборе фонем норвежского языка.

(8) Звуковое сопровождение жеста может представлять собой междометия, то есть звуковые комплексы, принадлежащих языку, но маргинальные в его системе если не фонетически, то с точки зрения грамматики и синтаксиса. В утешение похлопать по плечу и сказать *så, så* или *nå, nå* 'ну, ну'. Междометия в межвидовой коммуникации: кошек подзывают, потирая один о другой большой и указательный пальцы собранной кисти, повернутой вверх тыльной стороной и обращенной к кошке (в России кошки тоже подходят). Сказать *pss* или *kss*.

(9) Звуковое сопровождение жеста может представлять собой также слова или единицы, возводимые к высказыванию. Многие из них не включены в словари. *Skål!* (приглашение выпить) требует, чтобы сосуд был поднят до уровня подбородка, и над кромкой сосуда нужно посмотреть в глаза собеседникам, не чокаясь. Неожиданное известие или воспоминание может выразиться шлепком ладонью себе по лбу и восклицанием *å nei!* 'о нет!' Отреагировать на попытку собеседника заболтать ответ можно, делая движения руками как при гребле и при этом произнеся что-либо вроде *og viror!* 'гребём!', или *ro, ro, ro din båt* 'греби, греби на своей лодочке'.

(10) Жест может сопровождать развернутое высказывание, нередко содержащее перформативный глагол. Произнести *Det forsikrer jeg på ære og samvittighet* 'Клянусь честью и совестью, и вытянуть вперед выпрямленную правую руку'.

(11) Особую группу составляют игровые жесты при коммуникация взрослых с детьми. Щекотание младенцев сопровождается звукокомплексом *dikkedikkekikk / killekillekillekill*. Взять ребенка за нос согнутыми указательным и средним пальцами правой руки, потом руку отдернуть, сложить в фигу и сказать: *Oi, det er nesa di!* 'Ой, а вот и твой нос!' Двигая все быстрее указательным и средним пальцами руки как ножками, поднести руку к ребенку, в последний момент сунув пальцы под мышку, приговаривая *Det kommer en mus, den finner ikke hus... ikke der... ikke der... men der!* 'Вот идет мышка, не может найти домик, там нет, там нет, там нет ... а там есть!'

(12) Для некоторых жестов в языке имеются конвенционально принятые описания (*slå ut med armene* 'развести руками'), для других их нет (обнимать, произнося *gggg*). Этот аспект мало привлекал внимание исследователей, при том, что в этой области немало расхождений между языками даже при совпадении невербального поведения. Русскому *скорчить рожу* соответствует норвежское *skjære en grimase* 'отрезать гримасу'. Соответствующее проявление эмоций можно описать иначе, но это будет воспринято как нарочитое привлечение внимания к способности автора придумать нетривиальную формулировку.

С другой стороны, описание жеста может выступать синонимом обозначения эмоции или иного смысла: *Jeg krysser fingrene for at han ikke roter seg borti noe* 'Я надеюсь (дословно 'скрещиваю пальцы'), что он не влипнет в какую-нибудь историю'; *Forfatterforeningen vender tommelen ned* 'Союз писателей отказывает' (дословно 'поворачивает большой палец книзу').

Ритуальная формула, сопровождающая и/или заменяющая жест, может быть устойчивой по форме (*bank i bordet* 'постучать по дереву'), описание актуального исполнения быть свободным по форме (*kakker to ganger i bordplata* 'постукивает два раза по столешнице'), а может иметь конвенциональное описание (*Tirsdag kveld banket en skuffet Rasmussen i bordet* 'Вечером во вторник разочарованный Расмуссен постучал по дереву').

(13) Варьирование как жеста, так и его речевого сопровождения определяется не только принадлежностью к различным культурам, но и принадлежностью к субкультурам в рамках данной культуры, а в конечном итоге социальными (пол, возраст, уровень доходов и образования) и личностными (психотип) факторами (пол, возраст, уровень доходов и образования и др.). Жест 'смеясь, ударить себя по ляжкам' характерен для мужчин старшего возраста, однако распространяется и среди женщин.

Этикетные жесты, часто различающиеся именно в половом аспекте (женский жест *neie* 'сделать книксен', мужской *bukke* 'поклониться') в равноправной Норвегии практически вышли из употребления. Жест *håndhilsen* 'здороваться за руку' широко распространен во всех слоях.

(14) Считается, что норвежская культура низкокинетична [Крейдлин, 197], а репертуар ее жестов небогат. Изучение этого репертуара свидетельствует, напротив, о его богатстве, но сами жесты менее широки и агрессивны, и потому менее заметны на взгляд не знакомого с ними человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крейдлин Г.Е. Кинесика // Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. 256 с. С. 166–248.
2. Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или азбука общения: учеб. пособие. М. Флинта: Наука, 2009. 240 с.
3. Кристева Ю. Название главы // Семиотика: Исследования по семанализу. М.: Академический проект, 2015. 285 с. С. 26–45.

PHONOSEMANTIC ASPECT OF VERBAL ACCOMPANIMENT OF GESTURES IN NORWEGIAN

Livanova Aleksandra

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is an attempt to find ways to solve following problems: how exactly interact speech and gestures, how tight are they intervened, what levels of language take part in the interaction. Four types of interaction between verbal and nonverbal means of communication are proposed: gestures performed normally without sound accompaniment; gestures that may have facultative sound accompaniment; gestures that require necessary sound accompaniment; facultative gestures that may accompany verbal means, including nonphonemic sounds.

Keywords: nonverbal communication, gestures, speech accompaniment, nonphonemic sounds

Контактная информация:

Ливанова Александра Николаевна — alex_livanova@yahoo.com

Crossing the genres: A. Conan Doyle's Ghost stories

Lipinskaya Anastasia

Saint Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov,
5, Institutsky per., St. Petersburg, 194021, Russian Federation

Conan Doyle's legacy includes some texts that can be classified as ghost stories, a genre very popular those days. But the writer's interest in different genres and the complex evolution of his ideas and beliefs was the reason why some of those texts can actually be regarded as various genre hybrids.

Keywords: ghost story, science fiction, genre hybrid, narrative frame

Area: The History of Literature

Section: The History of Foreign Literatures

ARTHUR CONAN DOYLE AND THE TRADITION OF GHOST STORIES

British ghost story of the late 19th and early 20th century is a very flexible genre, notwithstanding its multiple conventions. It easily incorporates folkloric elements, historical and pseudohistorical documents, scientific discourse. It also combines with a variety of genres, such as detective stories, science fiction and adventure stories. Thus it is important to understand where lies the distinction between a 'pure' ghost story and a text containing elements of a ghost story.

Arthur Conan Doyle's legacy provides good material on the topic. Some of the writer's earlier stories, such as *The American's Tale* (1880) and *Selecting a Ghost* (1883), are clearly parodic, as they make use of commonplace situations (a skillful liar and his audience, a gullible rich man deceived by con men), and there are no real ghosts in them — all the apparitions mentioned are only present in someone's imagination. Doyle puts some outdated gothic conventions to the test, which is especially evident in *Selecting a Ghost*: its protagonist has bought a castle which lacks one important 'commodity'; that is, a ghost. A criminal in disguise shows him various spectres, presenting stereotypical 'gothic' characters, while robbing the castle. This is not a ghost story because there is nothing supernatural in it and the atmosphere is not intended to be suspenseful or terrifying.

Later on Doyle took genuine interest not only in the genre but also in the supernatural as such — he became an adherent of Spiritism, quite typical for the era equally characterized by scientific progress and various spiritual movements [Stableford, p. 383]. The writer was an active member of the Society of Psychical Research which combined both tendencies in its activities.

Ghost story as a genre is itself based on the oscillations between rational understanding and supernatural terror, which contributed to its popularity in late Victorian and Edwardian era. So Doyle's 'gothic' tales are a product both of the époque and of one particular man's interests.

Among Doyle's short stories one can find hybrids combining features typical for ghost stories, detective and science fiction stories [Armitt, p. 86; Wenckers].

THE TERROR OF BLUE JOHN GAP

The Terror of Blue John Gap [Doyle, 1911, p. 273–298] is an example of such a hybrid both in the subject of the story and the narrative strategies used by the author. Blue John is a rare and beautiful mineral; Dr. James Hardcastle, intending to improve his health, came to the vicinity of a long-forgotten mine where the priceless stone had been extracted by ancient Romans. The story itself imitates the scientist's diary found after his death.

Local peasants mention a horrible creature living in the gap, and their sheep occasionally disappear, so the protagonist suspects there must be a rational explanation of their superstitions. At last he finds a monstrous animal, kills it and, dying of exhaustion, decides to write about his experience. He thinks the animal belongs to a relic species from the isolated cave and has presumably evolved according to its unusual habitat. For example, the animal is blind as it does not need to see in complete darkness.

So the story shows incredible things as seen from the point of view a rationalist well informed in contemporary scientific discourse. The assumption is modelled as a scientific hypothesis; it is intended to be entertaining but does not contradict natural laws as they were understood in those days. This is typical for the nascent science fiction, but the narrative construction itself is different.

The tale of the mysterious predator is shown from two points of view — of rural superstitions and of scientific enquiry, seemingly incompatible. Doyle himself was keen on looking for scientific explanations of various occult phenomena. The later ghost story, often featuring an academic protagonist, typically features a strange phenomenon possibly of supernatural origin, but something more mundane is never excluded; the tension

between different possibilities, the uncertainty itself makes for the suspense. The reader feels that the search for simpler solutions only leads the protagonists towards something much darker. Doyle takes the opposite direction — he also combines both discourses but goes from the mysterious to the scientific (and no less frightening).

Other features of *The Terror of Blue John Gap* are more conventionally gothic, such as the system of narrative frames and omissions contributing to the reader's feeling of uncertainty. Hardcastle, the only witness, is dead by the moment his diary is read by anyone else; what is more, he fell ill after killing the beast (fever, fainting or deep sleep following the supernatural experience is a cliché), then went to find the carcass but saw only his own footprints. There is no beast — first, because it does not exist in the reader's world, second, because Dr. Hardcastle possibly hallucinated as a result of fever. His vivid tale and persuasive explanations can be based on nothing.

So we have a complex tale structured like a classical ghost story but incorporating some elements of science fiction.

THE HORROR OF THE HEIGHTS

The Horror of the Heights (1913) [Doyle, 1919, p. 131–162] is even more multilayered. It looks like a SF story about a pilot exploring higher levels of atmosphere and imitates an unfinished manuscript (again a classic 'gothic' device). Here the narrative frame is much more developed than in *The Terror of Blue John Gap* where it just gave some basic facts and provided an illusion of a real document. The narrator dismisses the idea that the pilot's extraordinary account is someone's practical joke: no one could associate such fantasies with the fact of Mr. Joyce-Armstrong's lurid death, it is more reasonable to regard them as something real. The whole argument is permeated with the ideas of mystery, fact and fiction and words like 'sinister', 'monstrous' and 'morbid' suggesting the terror and uncertainty characteristic for the gothic discourse. 'Scientific' reasoning easily combines with them reflecting not only the text's hybrid nature but also Doyle's interest in both scientific and occult matters.

Another interesting problem is connected with how the protagonist describes strange creatures that he met in the sky (and presumably was eaten by one of them). The narrator states the pilot was a poet and a dreamer; indeed, Joyce-Armstrong admires the celestial dwellers for their beauty, like Coleridge's Ancient Mariner admired the sea creatures. Moreover, he is inclined to enjoy nature, to find sun and clouds beautiful etc. He is an explorer but his worldview is definitely poetic. This poses a sharp contrast to how the flight ends — and to how the pilot's death is described in clinical and forensic terms.

There is one more paradox — Joyce-Armstrong, according to the narrator, was an introvert prone to depressions, and the clinical analysis shows that at the moment of his death the pilot suffered from intermittent fever. Therefore there is a good chance that his diary describes not facts of physical reality but hallucinations — the same situation as in *The Terror of Blue John Gap*, typical for ghost stories with their ambivalent epistemology. One more device reminds of 'gothic' discourse: there is a scene in which the character sees his friend's mutilated body and jokes gloomily about it. This situation can be regarded as a kind of prophecy, a precursor of what happens to the pilot himself.

The Horror of the Heights is a text combining at different levels, and sometimes in a rather contradictory way, elements of a ghost story, science fiction and a neoromantic poetical narrative.

CONCLUSION

A. K. Doyle's works provide numerous examples of similarly organized hybrid narratives. The analysis of the ways they combine heterogeneous elements can be useful for interpretation of the writer's legacy and — in broader perspective — for showing the evolution of British ghost stories, defining their essential features and combinatory possibilities.

REFERENCES

1. Armit, L. *History of the Gothic: Twentieth-Century Gothic*. Cardiff: University of Wales Press, 2011. XX, 192 p.
2. Doyle, A. C. *Danger! And Other Stories*. N. Y.: George H. Doran Company, 1919. VII, 309 p.
3. Doyle, A. C. *The Last Galley. Impressions and Tales*. Lnd.: Smith, Elder & Co., 1911. 298 p.
4. Stableford, B. *Historical Dictionary of Fantasy Literature*. — Lanham, Toronto, Oxford: The Scarecrow Press, Inc., 2005. — LXV, 499 p.
5. Wenekers, M. E. *Genre, Non-correspondency, and the Fantastic Real in The Hound of the Baskervilles // 'Curious, If True': The Fantastic in Literature*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2012. P. 42–65.

НА СТЫКЕ ЖАНРОВ: ГОТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ АРТУРА КОНАН ДОЙЛА

Липинская Анастасия Андреевна

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова,
Российская Федерация, 194021, Санкт-Петербург, Институтский пер., 5

Часть наследия Конан Дойла составляют новеллы, связанные с готической традицией, расцвет которой в малых повествовательных формах пришелся как раз на то время. Но интерес писателя к различным жанрам и непростая история его идейной эволюции привели к тому, что его «готические» новеллы представляют собой весьма разнообразные жанровые гибриды.

Ключевые слова: готическая новелла, научная фантастика, жанровый гибрид, повествовательная рамка

Контактная информация:

Липинская Анастасия Андреевна — nastyia.lipinska@gmail.com

«Смех сквозь слезы»: от лингвистического анализа к атрибуции текста

Лукьянова Людмила Владимировна

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова,
Российская Федерация, 194021, Санкт-Петербург, Институтский пер., 5

В статье рассматривается неисследованный художественный феномен — креолизованный текст «Смех сквозь слезы». Предпринята попытка атрибутировать анонимный словесный текст произведения. На основе комбинированного лингвистического анализа сделан вывод об авторстве М. Зощенко.

Ключевые слова: креолизованный текст, сказ, лингвистический анализ, атрибуция, Зощенко

Направление: Русский язык

Секция: Стилистика

(1) В 1926 г. на обороте последней страницы седьмого номера журнала «Бегемот» был опубликован креолизованный текст «Смех сквозь слезы», состоящий из четырех сюжетных рисунков А. Юнгера и связанного с ними анонимного вербального текста. До настоящего времени это произведение в целом, насколько нам известно, не привлекало внимание исследователей, словесный текст **не был атрибутирован и не введен в научный оборот**. Опубликованный в «Бегемоте» поликодовый текст, на наш взгляд, является знаковым художественным явлением своего времени, а его вербальная часть определенно свидетельствует об авторстве самого известного писателя «Бегемота» — М. М. Зощенко.

(2) «Смех сквозь слезы» — художественная рефлексия на одну из наиболее актуальных тем после революционного культурного строительства: разрушение (демонтаж) памятников. В течение многих лет различные аспекты этой темы получают устойчивое отражение в периодической печати («Бич», «Красный ворон», «Пушка», «Смехач» и др.), находят яркое воплощение и в творчестве Зощенко (в цикле креолизованных текстов «Веселые проекты» и в фантастической комедии «Культурное наследство»). Хорошо известная современникам тема в произведении 1926 г. доведена до абсурда и реализована в гротескном сюжете (краже памятника), а на вербальном уровне — представлена в характерологическом повествовании, в форме комического сказа. **Жанрово-тематическое своеобразие словесного текста, установка на чужое слово, комический алогизм представляются уже в самом общем виде близкими «второй поэтике»** [Сухих, с. 17] Зощенко.

(3) Визуальный ряд (рисунки Юнгера) почти с фотографической точностью воспроизводит один из прецедентных феноменов Петербурга — Ленинграда — памятник императору Николаю I на Исаакиевской площади. Монументальная скульптура со сложной идейно-композиционной задачей, неоднократно до и после революции вызывавшая негативную реакцию, была сохранена благодаря художественной ценности памятника, уникальности его технического исполнения. В соотношении с визуальным образом и стоящим за ним контекстом предстает вербальный текст, отраженное в нем сознание рассказчика. Памятник как сложный знак когнитивного характера в речи говорящего обретает **специфическую вербализацию**: «*На одной площади стоял памятник. Очень такой оригинальный, веселенький памятник. Весь из чистой бронзы. Лошаденка, на ей всадник, и кругом ограда*» [Смех сквозь слезы, с. 16]. Безымянный рассказчик последовательно излагает происходящие события: от кражи *шишечек, решеточки*, похищения *кобылки со всадником* некой *шатией* до охраны пустой *огромной площади*.

В вербальном тексте образ монументальной скульптуры обретает сниженный и в физическом, и в аксиологическом смыслах масштаб, подчеркнутый уменьшительными формами: *лошаденка* — *кобылка* — *шишечки* — *решеточка* — *веселенький*. В словоупотреблении (особенно в словах-маркерах, субъективно-авторской модальности) на метасемантическом уровне актуализируются и другие, периферийные значения. Нарушение сочетаемости, совместности эпитетов (*оригинальный* — *веселенький*) задает, как думается, в соединении с парцелированной конструкцией («*Весь из чистой бронзы*» [Смех сквозь слезы, с. 16]) посыл не художественной, а материальной ценности, угол зрения на культурный объект как на прикладную, практически полезную вещь. Неоднократно повторяющиеся детали (*шишечки, решеточка*) заслоняют и оттесняют целое как систему, создают возможность функционирования элемента вне связи с ней в новых деформированных отношениях («*Решеточка* *завсегда в хозяйстве пригодится*» [Смех сквозь слезы, с. 16]).

Удачно найденное автором обозначение (*шишечки*) как характерологическая деталь нового видения элементов старой культуры будет использоваться позже Зощенко в «Охране памятников

старинны («Веселые проекты»): «Кражи участились. Крадут разные вещицы и белье. В последнее время стали красть не очень громоздкие части памятников. Отбивают медные шишечки у решеток и разные, довольно нужные, художественные штучки» [Зоценко и Радлов, с. 25].

Язык рассказчика отражает его примитивное видение культуры, утрату целостности, системности, иерархичности связей. В индивидуальном когнитивном пространстве рассказчика даже ядерные, основные элементы когнитивной базы пребывают в полуразрушенном состоянии. Возникают специфические, опирающиеся на логику абсурда связи между предметом и производителем: «А на ограде этикие шишечки пущены. И нет цены этим шишечкам. Может, их Растрелли собственноручно делал.»; «А промежду прочим, решеточке этой и цены не было. Может, ее сам Айвазовский делал»; «А этому памятнику и цены не было. Может, черт знает кто делал этот памятник» [Смех сквозь слезы, с. 16].

(4) В ономастическом художественном пространстве креолизованного текста прецедентные имена образуют ряд по принципу антиградации, являясь в то же время и имплицитным способом выражения авторской позиции: **Растрелли — Айвазовский — черт знает кто.** Прием антиградации, используемый автором и охватывающий большое текстовое пространство (а с учетом еще и конкретных персоналий), также является одним из распространенных в художественном мире Зоценко. Вместе с тем важно обратить внимание и на некоторые прецедентные имена (напр., Гоголь и Айвазовский), обращение к которым в тексте «Смех сквозь слезы» носит **не случайный характер.**

Эмоционально-экспрессивное видение мира, его амбивалентная субъективно-авторская модальность, изначально подчеркнутые **прецедентным заглавием**, отсылают к художественному мировоззрению Гоголя, его поэтике и образу. Элементы гоголевской поэтики, творчески усвоенные Зоценко, параллели в сфере мировосприятия и собственно сам образ Гоголя в творческой рефлексии писателя неоднократно становились предметом изучения в критической и исследовательской литературе о Зоценко [Кадаш]. «Смех сквозь слезы» предшествует написанным в этом же году рассказу Зоценко «Товарищ Гоголь» и проекту «Перпетуум гоголе», произведению, ставшему впоследствии одним из главных в выражении художественно-философского видения послереволюционной действительности («Веселые проекты»). **Произведение анонимного автора также ориентировано гоголевской поэтикой гротескного реализма и народной смеховой культурой, близкими Зоценко.**

Размышления о художественных принципах изображения мира в контексте полярных традиций Гоголя и Айвазовского будет продолжено и в других креолизованных текстах, созданных Зоценко совместно с художником Радловым («Посильная помощь», «Быстры как волны все дни нашей жизни»). В духе специфической гоголевской игры на несоответствии грамматического и смыслового движения речи подчеркнута прозаическое описание разрушений Исаакиевского собора («Уже во многих местах фундамент дал трещины, ступеньки покривились, колонны не выдерживают тяжести, уборные не действуют» [Зоценко и Радлов, с. 12]) завершается в «Посильной помощи» итоговим выводом: «Одним словом, гибнет великое творение Айвазовского!» [Зоценко и Радлов, с. 12]. **Для анонимного автора анализируемого произведения так же, как и для Зоценко, имя Айвазовского становится знаком отторгаемой художественной традиции, отношением к которой также выражено имплицитно.**

(5) Идеология креолизованного текста «Смех сквозь слезы» проявляется в постановке и определенном видении важнейших вопросов, ведущих к художественно-философским воззрениям авторов. **Язык рассказчика, представляющий «наглядное воплощение разрухи, постигшей высокоорганизованную культуру»** [Щеглов, с. 403], — это язык типичных персонажей Зоценко; но и авторская модальность текста, имплицитно выраженное отношение к прошлому и настоящему, к бытию и бытию, к творчеству (в выборе прецедентов и художественных средств в реализации трагикомического восприятия жизни), определенно указывают на художественный стиль Зоценко. В контексте творческой эволюции Зоценко конца 1920-х гг., его размышлений о старой и новой культуре анализируемое произведение представляется программным, нуждающимся в актуализации и дальнейшем исследовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зоценко М. и Радлов Н. Веселые проекты (Тридцать счастливых идей). Л.: Красная газета, 1928. 30 с.
2. Кадаш Т. Гоголь в творческой рефлексии Зоценко// Лицо и маска Михаила Зоценко: [Сборник/ Сост. и публ. Ю. В. Томашевского]. М.: Олимп, 1994. 366 с. — С. 279–291.
3. Смех сквозь слезы// Бегемот. № 7. 1926. С. 16.
4. Сухих И. Н. Три судьбы Михаила Зоценко// Зоценко М. Малое собрание сочинений/ Сост., ст., ком. И. Н. Сухих. СПб.: Азбука Азбука-Аттикус, 2013. 896 с. — С. 5–42.
5. Щеглов Ю. К. Люди и вещи. Антиробинзонада Михаила Зоценко// Зоценко М. М. Родные люди: Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2009. 462 с. — С. 387–419.

“LAUGHTER THROUGH TEARS”: FROM LINGUISTIC ANALYSIS TO TEXT ATTRIBUTION

Lukyanova Lyudmila

Saint Petersburg State Forest Technical University named after S. M. Kirov,
5, Institutsky per., St. Petersburg, 194021, Russian Federation

The unexamined art phenomenon, namely, the creolized text «Laughter through tears» is considered in paper. An attempt to attribute the anonymous verbal text of the work is undertaken. Based on the combined linguistic analysis, the conclusion about M. Zoshchenko's authorship is drawn.

Keywords: creolized text, skaz, linguistic analysis, attribution, Zoshchenko

Контактная информация:

Лукьянова Людмила Владимировна — lukianovaludmila@mail.ru

Коммуникативная практика *Verehrung* как источник немецкой фразеологии с религиозным компонентом

Манерова Кристина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Коммуникативная практика христианского религиозного дискурса «*Verehrung*» 'почитание' рассматривается как своеобразный и определенно древний источник фразеологии в немецком языке. Немецкие фразеологизмы содержат концептуально детерминированную лексику, соотносимую с немецкими текстами Никейского символа веры «*Nicäno-Konstantinopolitanum*». Основное внимание уделяется рецепции компонентов религиозного дискурса *Gott, Himmel, Herr, Geist* в немецких фразеологизмах, рассмотренных с применением многоуровневой модели лингводискурсивного анализа «DIMEAN» Ю. Шпитцмюллера и И. Варнке.

Ключевые слова: фразеологизмы, коммуникативная практика, языковая рецепция религиозного дискурса, многоуровневая модель лингводискурсивного анализа «DIMEAN»

Направление: Романо-германская филология

Секция: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл)

1. В последние десятилетия в лингвистике одним из новейших направлений в исследовании фразеологизации является культурно-исторический анализ дискурсивных аспектов формирования устойчивых словосочетаний, проводимый в рамках парадигмы, введенной в научный обиход Ю. Хабермасом как теория социального взаимодействия [Habermas; Нефёдов, с.15]. Религиозная коммуникация, протекающая институционально или метаинституционально, считается одним из массовых социальных действий; почитание высшего божества (нем. *Verehrung*) является одной из древних, принятых в монотеистических религиях дискурсивных коммуникативных практик [Lasch, с.540]. Немецкая коммуникативная практика христианского религиозного дискурса «*Verehrung*» 'почитание, прославление' предусматривает наличие как устных, так и письменных форм коммуникации, отмечает И. Пауль [Paul, с.2260]. Так, религиозный текст «*Nicäno-Konstantinopolitanum*» или «*Credo*», краткая догматическая формула основных постулатов христианства, представляет собой древний, неизменяемый текст, общеизвестный носителям немецкого языка в письменной и устной форме [Grünwaldt, с.26–27]. Текст «*Credo*» на немецком языке является источником фразеологизмов из коммуникативной практики «*Verehrung*», при условии его прецедентности и широкой известности на протяжении веков.

2. В практике «*Verehrung*» утверждается догмат христианской веры, ее языковой компонент рассматривается нами как возможный, определенно древний источник фразеологизмов в немецком языке. Фразеологизмы — единицы языка, детерминированные культурными явлениями, сохраняют в себе знаковые компоненты традиций, многовекового культурно-исторического наследия религии в виде ключевого компонента или же целостного фразеологического значения, возникающего на основе семантического сдвига. В. Н. Телия отмечала, что у семантически производного значения фразеологизма есть «предшественник» с четкой денотацией. У идиомы в качестве «предшественника» выступает сочетание слов, компоненты которого утрачивают самостоятельную денотацию и референтную автономность при идиоматизации [Телия, с.85]. Общеизвестная формула вероисповедания «*Credo*» в коммуникативной практике используется как в римско-католической церкви, так и в основной части евангелической литургии, проводимой на немецком языке. Тексты «*Nicäno-Konstantinopolitanum*» содержат дискурсивно детерминированную лексику, определяемую нами как вербальный компонент коммуникативной практики, напр.: *Allmächtiger Gott, Herr Jesus Christus, Himmel und Erde, zu unserem Heil, Heiliger Geist, Vergebung der Sünden*. Рецепция дискурсивно детерминированной лексики во фразеологизмах рассматривается с применением многоуровневой модели лингводискурсивного анализа «DIMEAN».

3. Модель «DIMEAN» Шпитцмюллера и Варнке [Spitzmüller, Warnke] позволяет установить прецедентный текст «*Credo*» в качестве источника немецких фразеологизмов с религиозным компонентом в следующей последовательности: религиозная коммуникация как совокупность коммуникативных практик → языковой коррелят религиозной коммуникативной практики «*Verehrung*», т.е. религиозный дискурс как отражение текстов → рецепция лексики религиозного дискурса в процессе фразеологизации → фразеологизм. Анализ в рамках лингводискурсивной модели проводится в направлении от дискурса через коммуникацию к фразеологизмам, опорные компоненты которых представляют собой дискурсивно детерминированную лексику из немецкого текста «*Credo*», напр.: *jemandem den Himmel auf Erden versprechen* 'обещать кому-л. райское блаженство', *das ewige Heil* 'вечное блаженство', *alle Tage, die Gott werden lässt* 'каждый божий день', *jeden Tag/ jede Stunde, den/die der liebe Gott*

kommen lässt 'каждый божий день, каждый божий час', *jm den heiligen Geist einjagen* (разг., редко) 'задать встряску кому-л.', *jm die Sünden vergeben* 'простить чьи-л. грехи'. Отдельные фразеологизмы в качестве фразеорефлексов содержат элементы обращения и экскламации, употребляются в качестве вербальной реакции на происходящее: *großer Gott!* / *allmächtiger Gott!* 'господь всемогущий!'; *gerechter Gott!* / *gerechter Himmel!* (усл.) 'боже правый!'; *Gott noch einmal!* / *Gott im Himmel!* (усл.) / *heiliger Himmel!* (усл.) / *Herr, du meine Güte!* / *Himmel nochmal!* 'боже мой!'; *um Gottes willen!* 'ради бога!'. Общей характеристикой названных фразеологизмов можно назвать свойство, отмеченное нами как языковая секуляризация (обмирщение). Возвращаясь к тезису Телия о «предшественнике» фразеологизмов, отметим, что речупотребление и семантическая деривация прототипических высказываний, возможным источником которых послужила коммуникативная практика «Verehrung», привели к стиранию их религиозного кода. Устойчивость отвечает функциональной направленности этих маркеров социального взаимодействия: это, как правило, клишированные ассертивные высказывания, восклицания, декларативные высказывания. В избранных примерах заметна экспликация внутренней формы фразеологизма, тем не менее, остаточные элементы религиозной тематики, а именно опорные компоненты фразеологизма, в результате рецепции не соотносятся с религиозным дискурсом.

ACKNOWLEDGEMENTS

Исследование выполнено в рамках исполнения НИР по мероприятию «Совместная программа СПбГУ и DAAD «Дмитрий Менделеев»» 2016/2017 в СПбГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нефёдов С. Т. Дискурс: направления, школы, методология дискурсивного анализа. В сб.: Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VII: Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 11–34.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Habermas, J. Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch, 1991. 229 S.
4. Grünwaldt, K. Die altkirchlichen Bekenntnisse. In: Hund, J., Schneider H.-O. (Hrsg.) Unser Glaube. Die Bekenntnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. 6. Aufl. Gütersloh, Gütersloher Verlagshaus, 2016. S. 19–30
5. Lasch, A. Texte im Handlungsbereich der Religion. In: Textsorten, Handlungsmuster, Oberflächen. Linguistische Typologien der Kommunikation. Berlin, New York. De Gruyter. 2011. S. 536–558
6. Paul, I. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache von Religion und Kirche. In: HSK Rhetorik und Stilistik: ein internationales Handbuch historischer und systematischer Forschung = Rhetoric and stylistics [...] = Handbooks of linguistics and communication science XII. Rhetorik und Stilistik in der Anwendung. U. Fix und co. (Hrsg.). Berlin, De Gruyter, 2008. Bd 1. S. 2257–2274
7. Spitzmüller, J., Warnke, I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. De Gruyter: Berlin, Boston. 2011. 236 S.

COMMUNICATIVE PRACTICE VEREHRUNG AS A SOURCE OF GERMAN PHRASES WITH A RELIGIOUS COMPONENT

Manerova Kristina

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The communicative practice *Verehrung* 'worship' of the Christian religious discourse is regarded as a peculiar and definitely ancient source of phrases in the German language. German phraseological units with components of religious discourse, such as *Gott*, *Himmel*, *Herr*, *Geist* contain conceptually determined vocabulary from the German texts of the Nicene Creed. The main attention in the paper is given to the reception of the religious vocabulary in German phraseological units, which were studied using the multi-level DIMEAN model of linguo-discursive analysis by J. Spitzmüller, I. Warnke.

Keywords: phraseological units, communicative practice, verbal reception of religious discourse, multi-level DIMEAN model of linguo-discursive analysis

Контактная информация:

Манерова Кристина Валерьевна — k.manerova@spbu.ru

И. С. Тургенев в контексте споров о русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

Мовнина Наталья Савельевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Восприятие личности и творчества И. С. Тургенева в начале XX в. рассматривается в контексте критики русской интеллигенции авторами «Вех», представлявших русскую литературу как «духовную силу», противостоящую интеллигентскому сознанию. Основное внимание уделяется взгляду на Тургенева П. Б. Струве как в тот же период, так и позднее в статье «И. С. Тургеневе как политический мыслитель. Напоминание и воспоминание».

Ключевые слова: И. С. Тургенев, П. Б. Струве, рецепция, интеллигенция

Направление: История литературы

Секция: Русский литературный процесс XIX века

(1) В «веховской» статье П. Б. Струве «Интеллигенция и революция» проводится демаркация между русским образованным классом и его радикальным «элементом» — русской интеллигенцией. Русская литература объявляется Струве «областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов не носят интеллигентского лика». (Струве, 1991, с.156) Тургенев здесь попадает в перечень авторов, которым не только чужда суть интеллигента, но которые даже не пытаются «носить интеллигентский мундир», притом что весь «русский либерализм» как раз считает это своим долгом (Струве, 1991, с.157).

(2) В «веховской» статье формула интеллигенции выглядит так: «безрелигиозное отщепенство» (Струве, 1991, с.157), где последнее понимается как «отчуждение» интеллигенции «от государства и даже враждебность к нему» (Струве, 1991, с.153). Однако сам Струве в позднейшей статье «Тургенев как политический мыслитель. Напоминание и воспоминание» («Россия и славянство», 1933 г., №225) заявляет вполне определенно: Тургеневу недоставало «чувства государственности», и он испытывал «странное недоверие к началу национальному»: «Тургенев не понимал, что в началах государственности и народности присутствует некая имманентная, неустраняемая мистика, пред которой индивидуальный дух не может не склоняться» (Струве, 1994, с.68–69). Почему же тогда в «веховской» статье Тургенев оказывается безоговорочно включен в антиинтеллигентский перечень?

(3) Определяя Тургенева как политического мыслителя спустя два десятилетия после выхода «Вех», Струве говорит о нем так: «Представьте себе поэтический дух Платона во власти или, вернее, под властью скептицизма — и вы получите Тургенева» (Струве, 1994, с.66). «Двойственность» Тургенева — очень старая и самая устойчивая фигура критико-биографического дискурса о нем, задающая широкий спектр возможных интерпретаций. Характерное для самого Струве разведение высшей метафизики и рационально осмысляемой эмпирики отчасти корреспондирует с тургеньевской «двойственностью», которую он описывает как «странное сочетание стремления ввысь, в мир вечных “идей”, с трезвым, а подчас и разьедающим анализом низменной действительности», соединение «непреклонного идеализма и беспощадного реализма» (Струве, 1994, с.66). Последний характеризует политическую позицию Тургенева, оказавшую на Струве исключительное воздействие: «В мое духовное и политическое развитие те историко-политические мысли И. С. Тургенева, которые были направлены против русского социально-политического мессианизма как в его консервативной, так и в его революционной редакции, вошли определяющим образом, как одно из самых важных «влияний»...» (Струве, 1994, с. 69).

(4) Сближаемая с позицией Тургенева, критика социализма и народничества у Струве связана с еще двумя ключевыми категориями, на которых основана его философия и политическая программа, — понятиями «личность» и «культура». «Личность» — «программная» категория публицистики «Вех», присутствующая в той формулировке общей позиции авторов, которой предварил сборник его составитель и редактор М. О. Гершензон: «Общей платформой является признание теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития, в том смысле, что внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» (Гершензон, с.18–19). В действительности, это «первенство духовной жизни над внешними формами общежития» мыслилось каждым из авторов совершенно различно. Более того, оно, очевидно, вступало в противоречие с критикой «отщепенства» у Струве, так как противоречило неза-

висимой от внутренней жизни метафизической природе государства. Тем не менее, понятие «личности» играет у Струве важнейшую роль в его программе религиозного обновления «внешних форм общезжития». Речь идет о воспитании «личной годности», без которой невозможно никакое социальное изменение. Суть дела именно в отношении интеллигенции к народу, которое столь далеко от тургеневской «трезвости»: «интеллигентская доктрина служения народу не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему самому никаких воспитательных задач». (Струве, 1991, с.161) «Личная годность» представляет собой «вечный реалистический момент либерального мирозерцания», пишет Струве, но есть и «вечный идеалистический момент либерализма», и это «идея свободы и своеобразия личности» (Струве, 1999, с.81). И вот эта замечательная двойственность либерального понимания личности как раз и обнаруживается Струве у Тургенева, с его «проповедью культурного и политического воспитания сложными индивидуальными и государственными способами» (Струве, 1994, с.68). По словам Струве, «из больших русских писателей, быть может, ни один, кроме Герцена, не был таким верным и страстным любовником свободы, как Тургенев» (Струве, 1994, с.66). При этом Тургенев с «режущей ясностью» понимал, как «далека была от идеи свободы историческая действительность вообще и русская в частности» (Струве, 1994, с.66). Отсюда и возникает связь идеала свободы с необходимостью воспитания: «Подлинную революцию Тургенев видел в воспитании людей свободой» (Струве, 1994, с.68).

(5) Связь типа личности с воспитанием, «культурное определение» ее внутреннего склада — это центральная тургеневская тема, в том числе автобиографическая. Однако упомянутая Струве «проповедь воспитания», скорее, напоминает о тургеневских взглядах, высказанных в его письме к Философовой (от 11(23) сентября 1874 г.) и отразившихся в романе Тургенева «Новь»: «народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего, хорového развития, разложения и сложения», «ей нужны помощники — не вожаки», «мы вступаем в эпоху *только полезных* людей... и это будут лучшие люди» (Тургенев, X, с.296). Все это отчасти кажется похожим на концепцию воспитания «годных личностей», однако здесь есть довольно важное отличие.

(6) Для Струве идея перевоспитания общества культурой является ключевой. В его понимании культуры как бы соединяются консервативное и либеральное, она мыслится им как преодоление контраста «почвы» и творческой свободы. В «Очерках философии культуры» (написаны совместно с С.Л.Франком) культура восходит к «абсолютным ценностям» (Струве, 1999, с.132), и именно связь с культурой делает человека причастным высшим целям и идеалам, именно отсюда возникает требование ответственности и «личной годности». В «личности» происходит встреча идеального и действительного, и отсюда берется как безусловная ценность личности, так и этическое основание общественной деятельности. Культура вместе с национальным и государственным опосредует связь личности с высшими божественными тайнами и она же задает требования «личного подвига», служения нации и т. д. Ближайшим единомышленником в таком понимании культуры Струве считал Тургенева: «Чаадаев пророчествовал о культуре в пустыне николаевской эпохи <...> После Чаадаева другой, еще более великий писатель, один из гениальнейших людей, которых имела Россия — Тургенев защищал идею самоценности культуры и цивилизации...» (Струве, 1999, с.130)

(7) Однако в словаре самого Тургенева еще нет русского слова «культура» (он пользуется словами «цивилизация», «образованность», «просвещение»). По происхождению «культура» связана с немецким «Kultur», использовавшимся для выражения истинно национального, народного духа, противопоставляемого французскому влиянию, которое ассоциировалось со словом «Zivilisation». В русском языке понятие «культура» выдвигается на первый план лишь в 70-е и даже в 80-е годы, с укоренением противопоставления между «цивилизацией» и «культурой». Возможно, что Тургенев, с его чрезвычайной восприимчивостью к языковым новациям, сохраняет приверженность понятию «цивилизация» именно потому, что слово «культура» для него еще слишком романтически-славянофильское, почвенное, слишком пропитано ассоциациями с народностью (ср. идеологически значимое противопоставление «цивилизации» и «народности» в романе «Дым»). Очевидное различие взглядов Тургенева и Струве состоит в том, что для Тургенева отсутствует «метафизическое» основание для понятий, которые к рубежу веков вобрало в себя русское слово «культура», и потому он иначе мыслит просветительские цивилизующие задачи: «Роль образованного класса в России быть передателем цивилизации народу» (Тургенев, V, 51) вплоть до самой скромной просветительской деятельности — «учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т. д.» (Тургенев, X, 295).

(8) Конструирование «метафизического» Тургенева характерно для его восприятия в начале XX в. Заслуживает внимания та роль, которую здесь играет экспансия понятия «культура» с его консервативными потенциями и которая заново актуализируется в постсталинском и постшестидесятическом советском литературоведении. Достаточно часто апроприированная таким образом «культура» всту-

пает в охранительном дискурсе в противостояние с революционностью, безрелигиозностью, антинациональностью соответственно определяемой интеллигенции.

ИСТОЧНИКИ

1. *Гершензон М. О.* Предисловие к 1-му изданию // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции / Сост. и подг. текста А. А. Яковлева. М.: Изд-во «Правда», 1991. С. 18–19.
2. *Струве П. Б.* Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П. Б. Избранные сочинения / Сост и ред. М. А. Колерова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 1999. С. 80–85.
3. *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции / Сост. и подг. текста А. А. Яковлева. М.: Изд-во «Правда», 1991. С. 150–166.
4. *Струве П. Б.* Тургенев как политический мыслитель // Родина. 1994. №6. С. 66–69.
5. *Струве П. Б. Франк С. Л.* Очерки философии культуры // Струве П. Б. Избранные сочинения / Сост и ред. М. А. Колерова. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 1999. С. 127–150.
6. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 1– 13 / И. С. Тургенев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.

I. S. TURGENEV IN THE CONTEXT OF DISPUTES ABOUT THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA AT THE TURN OF THE 19TH–20TH CENTURIES

Movnina Natalia

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The reception of I. S. Turgenev in the early 20th century is considered in the context of the critique of Russian intelligentsia, initiated by the authors of “Vekhi”, who presented Russian literature as a “spiritual power” opposed to intelligentsia consciousness. The focus is on P. B. Struve’s view on Turgenev during that period and later, in his essay “I. S. Turgenev as political thinker. Reminder and recollection”.

Keywords: I. S. Turgenev, P. B. Struve, reception, intelligentsia

Контактная информация:

Мовнина Наталья Савельевна — nasha.mova@gmail.com

Реализация оппозиции «свой — чужой» в диалектном дискурсе

Мызникова Янина Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В данной статье рассматриваются возможные проявления базовой для человеческого сознания категории «свой — чужой» в процессе диалектной коммуникации. Для диалектоносителя круг «своих» очерчивается рамками социума сельского населённого пункта. Коммуникация с представителями других социумов, то есть с «чужими», часто сопряжена с негативной или настороженной реакцией. Выделение «чужих» чаще всего происходит на конфессиональной (или религиозной) почве, на основе различия в языке или говоре. Противопоставление «чужих» может происходить и на этнической основе, но при этом, как правило, к этнической «чуждости» добавляется «чуждость» культурная или религиозная. Указанные закономерности хорошо прослеживаются в полиэтнической и полиязыковой среде Поволжья.

Ключевые слова: диалектный дискурс, оппозиция «свой — чужой», коммуникативная неудача, межсоциальная коммуникация, речевой этикет

Направление: Русский язык
Секция: Русская диалектология

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В УСЛОВИЯХ МЕЖСОЦИУМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Оппозиция «свой — чужой» является одним из базовых противопоставлений, бытующих в наивном или донаучном сознании и, соответственно, в наивной картине мира. Она членит окружающую действительность на два мира: «свой», близкий, безопасный, оцениваемый положительно, и «чужой», плохой, опасный. Будучи социально-культурным феноменом, данная оппозиция влияет и на организацию диалектной коммуникации.

Материалом для данного исследования послужили записи русских говоров Среднего Поволжья, сделанные с 2012 по 2015 гг. в ходе диалектологических экспедиций в населённые пункты Старомайнского и Чердаклинского районов Ульяновской области. Говоры Среднего Поволжья представляют особый интерес в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая исторически сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения. Татары, чувашы, мордва, марийцы жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населённых пунктов возникла в середине XVII в.

На протяжении своей жизни люди входят в состав тех или иных социокультурных групп, каждая из групп обладает своей микрокультурой в составе материнской культуры и имеет с ней как сходства, так и различия. Различия могут быть обусловлены образом жизни, уровнем образования, обычаями. Каждая социальная группа имеет свой набор традиций и правил, которые предписывают её членам формы общения друг с другом и с представителями других групп [Вежицкая, с. 130]. Общение между собирателем-диалектологом и информантом-диалектоносителем представляет собой, как правило, процесс межсоциумной коммуникации, в котором оппозиция «свой — чужой социум» может препятствовать достижению коммуникативной цели адресантом и приводить к коммуникативной неудаче. Отказ информантов признать в принципе наличие предмета разговора приводит к заключению о существовании проблем не объективного, а культурно-психологического порядка:

Собиратель: Тётъ Марушь / расскажите пожалуйста / у вас наверно огород есть?

Информант: Нет у меня никаво ничево / адна я // ни агарода ничево // адна я / и палка вот мая // больше нет у меня ничево // (Кременские Выселки).

Участники диалектологических экспедиций сталкивались с проявлением оппозиции «свой — чужой» на разных уровнях: языковом (свой — чужой язык или говор), конфессиональном (своя — чужая вера), социальном (свой — чужой социум, коллектив, сообщество). Исследования в области социальной психологии выявляют следующую закономерность: явное противопоставление «мы — свои» / «они — чужие» характерно для сообществ коллективистского типа с низкой терпимостью к неопределённости. В таких коллективах неожиданные ситуации и незнакомые люди вызывают эмоциональное беспокойство, дискомфорт, чужое считается опасным [Hofstede, p. 175, 231]. Ценности традиционной русской

культуры и ее духовной основы — православия — располагаются ближе к полюсу коллективистски ориентированных культур [Лебедева, с. 200].

ПРАВИЛА КОММУНИКАЦИИ СО «СВОИМИ»

При «столкновении» с «чужими» принадлежность к «своему» коллективу становится для информанта-диалектоносителя регулятором поведения. Гармония и сохранение мира — важные ценности коллективизма, один из принципов которого — «не выносить сор из избы». В сообществах коллективистского типа на речевое поведение могут быть наложены такие ограничения, как настороженное отношение к «чужим», нежелание говорить о том, что потенциально может «навредить» членам социума: *У нас молодёш фсе хорошые // у нас ничо такова ни делаецца / плохо // фсе хорошые // чужых у нас никово нет / и плохо у нас ничо не делаца* (Базарно-Мордовские Юрткули).

С проявлением оппозиции «свой — чужой» может быть связано этическое табуирование некоторых тем разговора, отказ информантов «признать» наличие в их говоре искомой лексики, особенно, если это касается экспрессивной лексики. Внутри социума действуют другие, «внутренние» правила, которые, например, предусматривают обращение друг к другу по «улишным именам», т. е. прозвищам, либо данным конкретному человеку, либо распространяющимся на всю семью или род: *У нас например шло по роду / мы были Пе'киши // это «липа» по-мордовски // то есть видимо мяхкие по характеру / такие вот / мяхкотелье //* (Базарно-Мордовские Юрткули). «Улишные» имена известны только своим и являются своеобразным «пропуском» в сельскую коммуникативную среду: *Вот первый зять у меня / зовут ево Носом / потому што нос большой // а фторово зятя у меня зовут Брат // вот зачем брат зовут? // вот Вовку / Абрам / тоже не знаю зачем Абрам зовут //* (Базарно-Мордовские Юрткули). Слишком настойчивые попытки собирателей преодолеть этот коммуникативный «барьер» при помощи расспросов о прозвищах могут столкнуться с сопротивлением членов сельского социума, стремлением уйти от разговора:

Собиратель: Как ещё мужиков-то называют?

Информант: Да пошли они к чорту! (Базарно-Мордовские Юрткули).

Ещё одним фактором внутрисоциумной коммуникации является использование в «своей» среде этикетных формул, которые также служат «паролем», идентифицирующим «своих»:

Собиратель: Если человек в дом заходит, что он должен сказать, как поприветствовать?

Информант: Мир вам! Хлеп да соль! Кто скажет «Спасибо!» // а кто скажет «Едим да свой!» (Большая Кандаля).

ПРАВИЛА КОММУНИКАЦИИ С «ЧУЖИМИ»

Проявление оппозиции «свой — чужой» можно отметить в отношении к соседним сельским социумам. Так, в рассказах диалектоносителей можно встретить пояснения, в какие окрестные населённые пункты ходили гулять, а куда не ходили, куда обычно выходили замуж. Вот бабушка вспоминает о том, как выходила замуж в «чужое» село Базарно-Мордовские Юрткули:

Вышла моя золофка сюда / замуш // дярвеня у нас стала распадацца // Михайлофка там Грибофка // пять километроф отсюда // свёкрофь сюды приехала / с сынъм с однем // мать моя родная / у меня как пять голосьёф ток реву // в этом углу этим голосом / в этом углу этим / неохота было сюда / неохота // в Грибофку мне былъ охота // оне касаюца больше-то в Юрткули / а мы в Грибофку // (Базарно-Мордовские Юрткули).

В приведённом примере барьер между соседними сельскими социумами может иметь в своей основе этнический фактор, т. к. население села Базарно-Мордовские Юрткули является смешанным, в основном, русско-мордовским. В Старомайнском районе Ульяновской области, помимо совершенно обычных для этих мест локативов в *мордвах* (в селе Базарно-Мордовские Юрткули), в *русе* (в селе Русские Юрткули), используется микроэтноним в *поляках* (в селе Жедяевка), в основе которого — польские корни части местного населения, а также легенды о появлении здесь польских шляхтичей:

Собиратель: Вы русский по национальности?

Информант: Нет поляк // щас я растолкую // вот здесь улицы / вишь каки названия были? // у нас паны' были // Малькофские Сахофские Долганофские Миранские Богданофские Быкофские // эт Екътерина што ль // так шо здесь поляки // кто ш ево знат / кто помнит как поляков прислали

// вот по фамилии только // дет и отец были поляки // или ж она в плен забрала этих поляков // и сюда вот в Жидяефку... (Жедяевка).

Однако в социальной самоидентификации конфессиональный фактор всё же преобладает над этногенетическим, информанты подчёркивают идентичность русского и мордовского населения:

У нас одёжы всё по-русски // у татар вить то оборки то платки / носят по-другому повязано / а у нас всё русская // у нас нету безлички / убезлички нет никакой / русская ли я мордофка ли // ничо не было личново такова штобы вот // и никто нами не брезговали / берём русских и никогда вот / вот шас / как родные // (Базарно-Мордовские Юрткули).

Иной тип отношений складывается с населением окрестных татарских деревень, с которым они разделены барьером «чужой веры»:

Вот татары у нас / три деревни / но мы туда не касаемся // Средний Юрткуль / но мы туда нет // касаемся вот / дружим и всё и // законно / не ссоримся / а замуш туда / которы уш больно уш такие есь / бойкие // ретка очень ретка // (Базарно-Мордовские Юрткули).

Существенная роль конфессионального фактора в формирование оппозиции «свой — чужой» видна во взаимоотношениях с соседними староверческими сёлами, которые не всегда складываются гладко:

Даже ф сёлах разных и то по-разному // у нас вить вот в Городищах вроде одинаково / а вот Красный Яр / там вить / ну / другой нарот // он рускый / православный же / но оне знаешь / староверы называюца / кулугуры // оне хресьянской веры / а исповедают по-другому / у них законы софсем другие // он вот каждый свою посуду имет / он её никому не даст // вот ф Красный Яр раньше идём / пить охота / зайдёшь / «Тётя / дай попить!» — «Есть посуда?» — / «Нет!» — «Ну иди!» / понятно? / оне не дадут своей посуды // (Крестово-Городище).

Отметим, что конфессиональная чуждость пришлых людей, «наехавших» в село, может повлиять на восприятие «чужих» как потенциально опасных, а их слов — как не заслуживающих доверия, заведомо ложных:

Шас веть / слушай / ну разных секций [сект] шас / этъ вот наехали тут // а у нас зесь вот только были / вот эт староверы / и хресьяне простые... // а шас их много / оне чаво / для чаво собираюца / шобы содрать // тут веть сколько одурачили людей / оголят // што есть / всё им // оне давай там вместе вместе // а потом вон в газетах / по телевизору показывают / как эт вместе (Крестово-Городище).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что для диалектоносителя круг «своих», как правило, очерчивается рамками социума сельского населённого пункта. При этом в диалектном дискурсе можно отметить следующие коммуникативные проявления оппозиции «свой — чужой»:

- 1) коммуникативные неудачи как результат коммуникации представителей городского и сельского социума — собирателей и информантов;
- 2) использование определённых «паролей» доступа в круг «своих»: обращения «по-улишному», элементы речевого этикета, принятые в данном социуме;
- 3) использование микроэтнонимов для выделения соседних микросоциумов;
- 4) наконец, полный отказ от коммуникации в случае потенциальной опасности общения с представителем «чужого» социума.

Рассмотренные коммуникативные особенности диалектной не исчерпывают проблемы всестороннего описания общекультурной оппозиции «свой — чужой», но лишь заостряют внимание на её наиболее выразительных проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вежбицкая А.* Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации / Перевод О. Н. Дубровской // Жанры речи. Вып. 2. Саратов: «Колледж», 1999. С. 112–132.
2. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Москва: «Ключ-С», 1999.
3. *Hofstede G.* Culture's consequences: comparing values, behaviours, institutions and organizations across nations. SAGE Publications, Thousand Oaks, CA, USA, 2001.

REALIZATION OF THE "FRIEND OR FOE" OPPOSITION IN DIALECT DISCOURSE

Myznikova Yanina

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article discusses the possible manifestation of the basic for human consciousness category of «friend or foe» in the process of dialect communication. The circle of «friends» for the dialect speaker is outlined with the framework of the rural settlement's society. Communication with representatives of other social groups, «outsiders», is often associated with negative or cautious reaction. This separation can be based on the cultural and confessional (or religious) distinctions, on language differences. The opposition «friend or foe» can also have the ethnic basis, but the ethnic «aliennes» is usually supplemented with the cultural and religious «aliennes». These tendencies are well traced in the multi-ethnic and multilingual Volga region environment.

Keywords: dialect communication, category of «friend or foe», cross-social communication, communicative failure, speech etiquette

Контактная информация:

Мызникова Янина Валерьевна — janinam@mail.ru

Лексическая контекстуализация научного дискурса

Нефёдов Сергей Трофимович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается контекстуализирующий потенциал лексического наполнения научных текстов. Выделяются основные типы лексических индикаторов научно-исследовательских коммуникативных практик и соотнесенных с ними тематических научных дискурсов: специальная терминология, имена ученых и названия их работ, типичные коллокации. Фокусируются три измерения лексической контекстуализации: языковое, когнитивное и интеракциональное.

Ключевые слова: научный дискурс, научный текст, контекстуализация, коллокация

Направление: Романо-германская филология

Секция: Грамматика (романо-германистика)

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОД АНАЛИЗА

Языковые ресурсы лексики и грамматики отбираются в текстовой деятельности с учетом функционального потенциала и общих задач коммуникативной практики. Поэтому любое использование языка носит ярко выраженный селективный характер, а между классами лексических / грамматических единиц и коммуникативными практиками устанавливается устойчивая корреляция. В отношении языковых средств, обладающих высокой частотностью употребления в определенном типе текстов / дискурсов, применимо понятие коммуникативной конвенциональности, т. е. уместности в одних ситуациях общения и некорректности / недопустимости — в других. С точки зрения создания / понимания текстов коммуникативно предпочтительные средства выступают, соответственно, как вербализаторы / контекстуализаторы коммуникативной практики.

В статье анализируется дискурсивно специализированная лексика на основе комплексной многоуровневой методики. При этом учитываются три основные стороны контекстуализации: (1) лингвистическая, поскольку речь идет о контекстуализации с помощью языковых средств и их предпочтительном выборе для языкового формулирования; (2) когнитивная, поскольку для объяснения привлекаются когнитивные категории языкового знания и коммуникативной компетенции; (3) интеракциональная, поскольку вариативность языка и дискурса трактуется с точки зрения коммуникативной практики и её дискурсивных норм.

2. КЛАССЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНТЕКСТУАЛИЗАТОРОВ

В специальной литературе по языку профессиональной коммуникации лексическое своеобразие научных текстов почти исключительно сводится к терминологии; см. [Löffler; Weinrich]. С позиций теории контекстуализации терминологические обозначения можно трактовать как основное средство лексической контекстуализации научно-исследовательской деятельности. Кроме терминов такой же контекстуализирующей функцией в научных текстах обладают обозначения научного объекта, имена личные собственные ученых, названия научных работ, стереотипные обозначения типичных научно-познавательных действий (коллокации) и др. Все эти лексические средства не только выполняют денотативную функцию обозначения определенного предметного содержания, но и контекстуализируют научное общение.

3. КОЛЛОКАЦИИ КАК ИНДИКАТОРЫ НАУЧНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В текстах научного дискурса устойчивые выражения, или коллокации, типа *анализировать собранные данные / die erhobenen Daten auswerten / to evaluate the collected data* выступают как обозначения типичных научно-познавательных действий. К таким специфически научным действиям относят также постановку цели исследования, формулирование научной гипотезы, дефиниционные определения, подведение итогов и др. Для каждого из них имеется общепринятое в том или ином научном профессиональном сообществе стандартное обозначение, например: *приводить к выводу / zur Schlussfolgerung führen / to lead to conclusion*. Употребление и понимание таких выражений автоматически актуализирует типичную схему их функционирования или соответствующий «контекстуальный фрейм»

в терминологии Дж. Гамперца [Gumperz, Cook-Gumperz]. Так, коллокация *рассмотреть вопрос / der Frage nachgehen, to consider / pursue the question* используется для обозначения научно-познавательной операции «постановка цели / задач исследования» и по принципу *pars pro toto* индицирует соответствующую коммуникативную практику и тип дискурса. Сходным образом ту же схему типичного для научной коммуникации коммуникативно-речевого действия «постановка научной задачи» актуализируют другие синонимичные коллокации: *die Frage anschneiden, die Frage stellen, die Frage aufwerfen, die Frage diskutieren* и др. Употребление таких стереотипных выражений сигнализирует, в какой коммуникативной ситуации общения мы находимся. Причем, одно и то же стереотипное выражение, как правило, активирует в сознании несколько контекстуальных схем («фреймов») употребления разного уровня обобщения. Так, та же самая коллокация *анализировать собранные данные / die erhobenen Daten auswerten / to evaluate the collected data* указывает на тип дискурса (научный), коммуникативно-речевое действие (верификация научных данных) и ролевую схему актеров дискурса, отсылая к участникам научного дискурса (в данном случае — к автору-исследователю).

Благодаря высокой частотности устойчивые стереотипные выражения в своей совокупности формируют «речевую системность научного стиля» [Кожина] или «общепринятый язык науки» / «alltägliche Wissenschaftssprache» в терминологии немецкого лингвиста К. Элиха [Ehlich].

Корректное употребление в научной коммуникации таких лексически устойчивых выражений напрямую зависит от приобретенных навыков научно-исследовательской деятельности и опыта работы с научными текстами. Всем известно, с какими трудностями при написании научных работ сталкиваются начинающие ученые. В исследованиях по формированию научной профессиональной компетенции приводятся многочисленные примеры некорректной контекстуализации коммуникативно-речевых действий. Так, в статье Г. Граефен [Graefen] анализируется не соответствующее нормам научного дискурса выражение **einen Überblick über etwas schaffen* (делать обзор), нередко употребляемое в студенческих работах. В научной коммуникации, по крайней мере в западногерманском языковом ареале, с понятием «обзора» какой-то проблемы (*der Überblick, an overview / a review*) связана не идея создания («делания») обзора (*schaffen / to make*) и «контекстуальный фрейм» создания (*das «Schaffen-Schema»*), а идея предложения (*bieten, geben / to give*) и, соответственно, контекстуализирующая схема презентирования (*das «Angebot-Schema»*). Поэтому в немецко- и англоязычной научной речи корректными коллокациями являются выражения *einen Überblick geben / bieten / liefern; to give an overview / a review*.

4. ВЫВОДЫ

Специализированная по отраслям науки терминология, имена представителей научного сообщества, названия научных работ, а также устойчивые частотные именованные типичных научно-познавательных действий являются лексическими контекстуализаторами соответствующей научной коммуникативной практики. Нарушения в лексической сочетаемости составляющих научного текста особенно наглядно демонстрируют, что в дискурсах определенного типа складываются свои закономерности в комбинаторике лексического материала. Поэтому устойчивые стереотипные коллокации выступают сигналами научно-познавательных практик и предметно специализированных дискурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими: Учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та, 1972. 395 с.
2. Graefen G. Wie formuliert man wissenschaftlich? // Barkowski H. (Hg.). Alternative Vermittlungsformen und Lernformen auf dem Prüfstand. Regensburg: Fachverband Deutsch als Fremdsprache, 1999. 581 S. — S. 222–239.
3. Ehlich K. Deutsch als fremde Wissenschaftssprache // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache. Bd. 19. 1993. S. 13–42.
4. Gumperz J., Cook-Gumperz J. Context in Children's Speech // Papers on Language and Context (Working Paper 46). Berkeley: University of California, 1976. 149 p. — P. 3–23.
5. Löffler H. Germanistische Soziolinguistik. 4., neu bearbeitete Aufl. Berlin: Erich Schmidt, 2010. 222 S.
6. Weinrich H. Sprache, das heißt Sprachen. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 2006. 413 S.

LEXICAL CONTEXTUALIZATION OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Nefedov Sergei

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This article deals with the contextualization potential of the lexical inventory of scientific texts. A distinction is made between the basic types of lexical indicators, which refer to the scientific communicative practices and their corresponding thematic scientific discourses: subject-specific terminology, proper names of the specialist colleagues and titles of the referenced papers, discourse-specific collocations. It focuses on three dimensions of contextualization: linguistic, cognitive and interactional.

Keywords: academic discourse, scientific text, contextualization, collocation

Контактная информация:

Нефёдов Сергей Трофимович — s.nefedov@spbu.ru

«Греческая свадьба»: традиции и ревитализация семейной обрядности в российском Приазовье

Новик Александр Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье анализируется материал, собранный в ходе экспедиций в Ростовскую область, в места бывшего поселения выходцев с Балкан и островов Средиземноморья. Многие жители позиционируют свою «арнаутскую» идентичность. Свадебные традиции подвергаются значительным инновациям в последние десятилетия. В 2000-е гг. мы отмечаем ревитализацию многих обрядов свадебного цикла с целью возродить «греческие» обычаи и законы.

Ключевые слова: греки, албанцы, Приазовье, свадьба, ревитализация

Направление: Балканистика

Секция: Балканистика, неозллинистика и византистика

В 2015–2017 гг. автором проводились этнолингвистические исследования в Ростовской области, в местах бывшего поселения арнаутов (греков и албанцев). До настоящего времени часть жителей региона позиционирует свою греческую идентичность, ведя родословную от колонистов, получивших земли на южном берегу Таганрогского залива за службу русскому царю в войнах против Турции в XVIII в. Полевая работа позволила собрать значительные этнолингвистические материалы по традиционной свадьбе и ревитализации архаичных обрядов.

АКЦИОНАЛЬНЫЙ КОД

Сватовство. Традиционно временем заключения брака и проведения свадеб в Приазовье была осень — время после сбора урожая и завершения основных сельскохозяйственных работ. Такой же подход мы фиксируем на Балканах — у греков, албанцев, болгар и др. народов. В ходе опросов информантов было выявлено, что до 1980-х гг. непременным этапом свадьбы было сватовство. «На спрос» ходили исключительно по субботам — опрошенные объясняют выбор данного дня тем, что «в субботу не работали в колхозе или на производстве». Подобные рациональные подходы к оценке традиции не всегда отражают действительные условия и мотивации выбора дня для сватовства. К примеру, на Балканах среди болгар суббота считалась не самым благоприятным днем для подобных мероприятий [Узенева]. Более того, долгое время единственным выходным днем у крестьян оставалось воскресенье.

Выбор времени суток похода сватов в дом невесты был также определен традицией — отправлялись сватать ближе к вечеру. Информанты это объясняют так: «Так поступали специально! А вдруг невеста откажет — тогда все село узнает и люди смеяться будут». Подобные же объяснения фиксируются и на Балканах.

О том, что придут сватать, семья невесты, как правило, была осведомлена заранее — соответственно, в доме готовились к приходу гостей. Дом, как правило, убирала девушка, ожидавшая сватов, а вот блюда готовила традиционно мать будущей невесты — в деле приготовления требовались опыт и определенное поварское искусство.

Сваты в обязательном порядке готовились к предстоящему визиту — надевали лучшие наряды, готовили полагающиеся приветствия и речи. Прибывавшие в дом невесты сваты приносили в обязательном порядке хлеб и соль, а также спиртное — обычно водку.

Я в 1953 г. шла замуж (информантка 1933 г.р. — А. Н.). Жениху было 24 года. Вначале у нас сговор был. Пришли с хлебом-солью. Две бутылки. Водку носили и ставили уже только покупную (важный факт, маркирующий нормализацию жизни и стабилизацию экономического положения крестьян в послевоенные годы. — А. Н.) [Новик, с. 78].

Пришедших сватов при благополучном решении вопроса встречали нарочито торжественно. После обмена традиционными приветствиями обязательно следовали речевые формулы, маркирующие цель визита. Обычно это были иносказательные фразы: «У вас есть голубка, а у нас голубок», «У вас есть телочка, а у нас бычок» и т. п. На слова пришедших было принято давать таким же образом завуалированный по формулировке, однако вполне ясный по смыслу ответ — положительный или отрицательный.

Непременным было обращение родителей к девушке, согласна ли она выйти замуж за конкретного парня. На памяти наших информантов в с. Маргаритово с 1940-х гг. не было ни одного случая, чтобы

невесту отдавали замуж против ее воли. Во второй половине XX в. в спросе нередко стал принимать участие и сам жених, а в последние десятилетия это стало практически нормой.

В случае благоприятного решения вопроса сватовства назначали день свадьбы — обычно приблизительно через месяц. Так, чаще всего «на спрос» ходили в сентябре, а свадьбу организовывали в октябре. Важно, что на Балканах также сентябрь — октябрь были периодом проведения свадеб (очень часто их приурочивали ко дню св. Димитрия, которым в традиционном календаре завершался хозяйственный год).

В с. Маргаритово зафиксирован обычай выкатывать сватам тыкву в качестве знака отказа семьи невесты жениху. «Выкатили тыкву — значит, катись отсюда!» Подобные практики отмечены и на Балканах в разных локальных традициях.

Свадьба. Основные мероприятия свадебных торжеств распределялись на два дня — это были суббота и воскресенье. В субботу происходили венчание либо регистрация брака в сельском совете или, в случае если кто-то из молодых был горожанином — в городском ЗАГСе (а в последние годы нередко то и другое), а также главный свадебный пир. В воскресенье обычай предписывал проведение различных обрядов (главным образом шутовских), а также обязательное угощение гостей свадьбы.

До 1970-х гг. накануне свадьбы было принято устраивать девичники и мальчишники — когда у невесты и жениха собиралась молодежь. Многие жители с. Маргаритово среднего и старшего возраста (1950-х г.р. и моложе) уже не помнят, чтобы собирались девичники и мальчишники. «У девчонок вечер был. А про мальчишники я узнала, когда фильмы зарубежные посмотрела» (информант 1950 г.р., русская).

Возрождаться сборища молодежи в домах невесты и жениха накануне свадьбы стали в последние годы — ревитализация происходит за счет информационного поля (телевидение, кино и проч.). Возможно, в возрождении отдельных практик нужно усматривать не воссоздание того, что было в традиции предков, а простое копирование инокультурных практик и реалий, заимствованных под влиянием фактора престижа городской, столичной и зарубежной моды и образа жизни.

В XVIII — начале XX в. главным актом заключения брака было церковное венчание. Данная традиция была прервана в 1930-е гг., во время огульной в СССР антирелигиозной кампании. С 1930-х гг. браки стали регистрировать в сельских советах. Процедура регистрации брака в сельских органах власти постепенно переняла на себя функции прежнего узаконивания брака церковью.

Подобная практика сохранялась до начала 1990-х гг., когда в стране стала возрождаться традиция церковного венчания.

Согласно «греческой» традиции, молодых, прибывающих в дом жениха после церемонии венчания в храме либо регистрации в сельском совете, у калитки встречала мать жениха.

Далее мать жениха обвязывала молодых полотенцем — для этого прежде использовали большой и нарядный экземпляр из домотканины, в последующем стали брать отрез фабричной ткани. Инновация «вжилась» в местную культуру, и теперь традиция требует, чтобы в дальнейшем невеста сшила из этой ткани себе сарафан.

Вошедшие в дом жених и невеста, а также свадебные гости рассаживались за столом. Обычая стоять невесте во время свадебного пира (как это было принято, к примеру, у албанцев Приазовья, проживающих в Запорожской области Украины) здесь не фиксируется.

Шуточные обряды второго дня. До конца 1960-х гг. у потомков арнаутских переселенцев сохранялся ритуальный обход села со свадебным деревом. Обряд совершался на второй день свадьбы и имел непосредственную связь с удостоверением в «честности» невесты, публичной декларации ее невинности. Весьма символично также использование в ритуале жертвенного животного — петуха или курицы, имеющих в традиционной культуре практически сакральный статус «созданий», способных непосредственно повлиять на фертильность молодой, в данном случае — способность к деторождению жениха и невесты.

К шутовским обрядам свадебного цикла относилось также ритуальное ряжение. В изучаемых селах Приазовья данные практики считают «греческой» традицией. На второй день свадьбы ритуальное шествие по селу сопровождалось ряженьем части гостей свадьбы: мужчин переодевали в женщин, женщин, наоборот — в мужчин. Исключительно важным в таких свадебных обрядах было подчеркнуть половую «принадлежность» ряженных: женщины «подвешивали к штанам морковку и лук — имитировали половые органы», а мужчинам «громоздили грудь, так чтоб хорошо было видно». В данном обычае также прозрачны остатки верований в природные силы, способные благоприятствовать деторождению, увеличить приплод домашнего скота и поголовье домашней птицы, обеспечить обильный урожай и, как следствие, благополучную и богатую семейную жизнь. В 2000-е гг. мы отмечаем возрождение данной традиции с целью «вернуть греческие» обычаи и законы.

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ «ГРЕЧЕСКОЙ» СВАДЕБНОЙ ТРАДИЦИИ

Многие молодожены в последние годы пытаются сыграть свадьбу так, как было принято, по их представлениям, у предков. Так, автором фиксировались подобные практики в с. Маргаритово, на хуторе Юшкине: катание старших свата и свахи «на тачанке», обрядовое вываливание в грязи, ряжение, шествие со свадебным деревцем и пр.

Не менее любопытен зафиксированный факт, когда молодожены устроили свадебные торжества в Греции — на родине переселенцев на южном берегу Таганрогского залива. Мотивацией такого решения послужили повышенный интерес к этнической истории. В этом плане любопытно также желание молодых включить в брачную церемонию элементы свадьбы эллинов эпохи античности. Подобные факты ревитализации обрядовых практик требуют фиксации и научного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новик А. А. Приазовский отряд — 2016. Полевая тетрадь. Автограф. 05 — 20.07.2016 // Архив МАЭ РАН. К-1, оп. 2. б/н. 99 л.
2. Узенева Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М.: Индрик, 2010. 280 с.

“GREEK WEDDING”: TRADITIONS AND REVITALIZATION OF FAMILY RITES IN THE RUSSIAN AZOV SEA REGION

Novik Alexander

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Ethnolinguistic fieldwork in Rostov on Don region (villages Margaritovo, Chumbur Kosa, etc.) was organized in 2015–2017. The collected data of wedding traditions and revitalization of old rites are very important for multidisciplinary study of the migrants from the Balkans (Arnauts, or Greeks and Albanians, according to historical archives of the 18th century) on the territory of the Russian Empire.

Keywords: Greeks, Albanians, Azov sea region, wedding, revitalization

Контактная информация:

Новик Александр Александрович — njual@mail.ru

К истории сравнительного литературоведения в России: В. М. Жирмунский и О. Вальцель

Полубояринова Лариса Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье, посвященной научному диалогу известного российского компаративиста Виктора Жирмунского и немецкого литературоведа Оскара Вальцеля, выделяются моменты культурного трансфера по линии «Германия — Россия», обогатившие методологию сравнительного литературоведения в России и укрепившие позиции В. М. Жирмунского в его полемике с формалистами.

Ключевые слова: В. М. Жирмунский, Оскар Вальцель, компаративистика, культурный трансфер, интермедальность

Направление: История литературы

Секция: Сравнительное изучение национальных литератур

1. КОНТАКТЫ ЖИРМУНСКОГО И ВАЛЬЦЕЛЯ

В апреле-июле 1925 года ленинградский литературовед сотрудник Института истории искусств Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) совершает путешествие в Германию. В рамках данной поездки ученый встречается с профессором-германистом из контекста духовно-исторической школы Оскаром Вальцелем (1864–1944, Walzel), с которым был к тому моменту уже заочно знаком и состоял в активной переписке. Две работы Вальцеля («Импрессионизм и экспрессионизм в современной Германии» и «Проблема формы в поэзии») вышли незадолго перед тем — соответственно, в 1922 и 1923 гг. — в петроградском издательстве «Academia» на русском языке под редакцией и с предисловиями Жирмунского. Предположительно по инициативе последнего Вальцель в начале 1925 г. был заочно выбран почетным членом Института истории искусств, о чем Жирмунский ему сообщает еще до поездки, посылая немецкому коллеге по почте обе его вышедшие на русском языке работы.

Сохранившиеся письма Жирмунского к Вальцелю, написанные в контексте упомянутого путешествия и после него позволяют сделать предположение о достаточно интенсивных научных и личных (включая приветы, передаваемые женами и женам обоих) контактах двух ученых. В частности, ими обсуждаются первые тома самого важного проекта Вальцеля — уникальной на тот момент в плане сравнительного изучения литератур 25-томной энциклопедии мировой литературы «Handbuch für Literaturwissenschaft» (1923–1938). (Вальцель распорядился, чтобы берлинское издательство «Athenäum», издававшее данный труд, регулярно высылало Жирмунскому очередные выходящие тома.) Кроме того, Жирмунский подробно информирует Вальцеля в письмах о проектах института Истории искусств и о своих собственных научных изысканиях, пересказывает содержание марбургских семинаров Л. Шпитцера, в которых участвовал, просит посодействовать публикации в немецком германистском журнале статьи своего талантливого петроградского ученика Бориса Геймана о «Пра-Фаусте». [Mölk, Schafer, 175–176]

2. ЖИРМУНСКИЙ И ВАЛЬЦЕЛЬ КАК ГЕРМАНИСТЫ И КОМПАРАТИВИСТЫ

Анализируя литературоведческое наследие В. М. Жирмунского, А. В. Михайлов относит его к категории «не-только-германистов», отмечая, что даже в лучшем своем «чисто» германистском исследовании — ранней книге «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) — Жирмунский в методологическом плане остается на уровне общей средней планки европейской германистики. Однако он совершенно точно располагается выше этой планки, когда в определенный момент расширяет сферу своих интересов, переходя в область сравнительного литературоведения [Michailow, 195].

Оценка Михайлова, относящаяся к началу 1990-х гг., подкрепляется пассажем о Жирмунском из солидного немецкого «Лексикона компаративистики» 2013 г., в котором содержится отдельное рассуждение о значимости наследия ученого, связанного со сравнительным литературоведением, в частности, отмечается монография «Байрон и Пушкин» (1923) как труд, в котором гармонично сочетаются генетический и типологический принципы исследования, а также делается акцент на «общественно-исторической и идеологической контекстуализации феноменов сходства и контактных влияний» [Zymner, Hölter, 41].

Похожая ситуация складывается и с научным наследием Вальцеля. Автор обширных и многочисленных трудов по истории немецкой литературы, он также не вошел в число классиков европейской

германистики. Иначе выглядит его реноме как компаративиста. В том же компендиуме 2013 г. его имя упоминается неоднократно — в первую очередь как автора работы «Взаимное освещение искусств» («Wechselseitige Erhellung der Künste», 1917), этапной для становления того раздела компаративистики, который получил название «интермедиальность», «Comparative Arts Studies», «Interart Poetics», «Interart Studies» [Zymner, Hölter, 115, 127, 243, 244].

3. ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРМЕДИАЛЬНОГО ПОДХОДА У ЖИРМУНСКОГО

Примечательным образом сам Жирмунский, не оставив после себя специальных работ по интермедиальности, развивает в ряде пассажей книги «Байрон и Пушкин» интересные интуиции интермедиального плана, импульсом к которым, как представляется, стали работы Вальцеля. И это более яркие и далеко идущие интуиции, нежели несколько одномерные и нередко слишком эмпирические рассуждения самого Вальцеля.

Так, выбирая из «трех различных направлений», в которых может идти «изучение влияния Байрона на Пушкина» («I. Влияние личности и поэзии Байрона на личность Пушкина. II. Влияние идейного содержания байроновской поэзии на идейный мир поэзии Пушкина. III. Художественное воздействие поэзии Байрона на поэзию Пушкина» [Жирмунский, 21], Жирмунский останавливается на последнем, отмечая: «Пушкин вдохновлялся Байроном как поэт. Чему он научился у Байрона в этом смысле? Что «заимствовал» из поэтических произведений своего учителя и как приспособил заимствованное к индивидуальным особенностям своего вкуса и дарования?». Примечательным образом он не говорит о транслировании парадигм поэтического языка от поэта к поэту, как сделали бы формалисты, но, покидая пределы литературы, обращается к «области другого искусства» — живописи, в которой тоже есть ситуация влияния, заимствования, ученичества и т. д. [Жирмунский, 24].

Далее в книге о Байроне и Пушкине находим конкретный пример интермедиального анализа. В пассаже о влиянии гетевского «Фауста» (1773–1832) на «Манфреда» (1816) Байрона упоминается «образ чернокнижника, склоненного над пыльными фолиантами, каким являются перед нами и Фауст и Манфред в начале трагедии» [Жирмунский, 25].

В данном случае, фиксируя позу Фауста-чернокнижника, которая как целостный элемент перекочевала в текст Байрона, Жирмунский спонтанно приближается к иконологическому анализу. Иконология — чрезвычайно актуальная в настоящий момент парадигма интермедиальности, вызревавшая именно в 1920-е годы в научном поиске гамбургского искусствоведа Аби Варбурга (1866–1929, Warburg), однако вряд ли Жирмунскому знакомая.

Делая вывод, можно отметить, что в 1920-е гг., когда Жирмунский обращался к работам Вальцеля и его круга, он делал это, преимущественно с целью удостовериться сам и убедить других в не-абсолютности, ограниченной валидности формалистской парадигмы. В качестве «побочного эффекта» данного трансфера научной теории, однако, у российского ученого явственно возникают интуиции интермедиального плана, предвосхищающие некоторые актуальные положения современной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Ленинград: Наука, 1978. 423 с.
2. Michailow A. V. Zum heutigen Stand der Germanistik in Russland: ein vorläufiger Bericht // König Ch. (Ed.). Germanistik in Mittel- und Osteuropa 1945–1992. Berlin, New York: De Gruyter, 1995. 318 S. S. 183–201.
3. Mölck L., Schafer B. (Ed.). Teilnachlass Oskar Walzel. Findbuch. Bonn: Rheinische Friedrich Wilhelms Universität Bonn, 2007. 345 S.
4. Zymner R.; Hölter A. (Ed.), Handbuch Komparatistik. Theorien, Arbeitsfelder, Wissenspraxis. Stuttgart, Weimar: Metzler, 2013. 405 S.

ON THE HISTORY OF COMPARATIVE LITERATURE IN RUSSIA: VIKTOR ZHIRMUNSKY AND OSCAR WALZEL

Poluboyarinova Larisa

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In an article on the scientific dialogue of the well-known Russian comparatist Victor Zhirmunsky and German literary critic Oscar Walzel, the moments of the cultural transfer along the Germany-Russia line are distinguished, enriching the methodology of comparative literature in Russia and strengthening the positions of Zhirmunsky in his polemics with the formalists.

Keywords: Viktor Zhirmunsky, Oscar Walzel, comparative literature, cultural transfer, intermediality

Контактная информация:

Полубояринова Лариса Николаевна — l.poluboyarinova@spbu.ru

Philological, translational, ethnolinguistic and didactic analysis of the *Refranero Multilingüe* (*Multilingual Proverbs Collection*)

Julia Sevilla Muñoz,

María Teresa Barbadillo de La Fuente

Complutense University of Madrid, Spain

As the complex nature of proverbs poses problems that affect their study, teaching and translation, linguists try to provide solutions. One of them is the database *Refranero Multilingüe* (*Multilingual Proverbs Collection*), published by the Cervantes Institute, whose analysis we approach in this paper from several perspectives: philological, translational, ethnolinguistic and didactic.

Keywords: paremiology, proverb, philology, translation, language teaching

Section: Lexicology and Phraseology of the Romance and Germanic languages

INTRODUCTION

The mastery of a language implies the acquisition of a wide range of contents and skills. One of those that present greater difficulty are sententious expressions or statements of popular and colloquial use, known as phraseological units (locutions, placements, syntagmatic compounds, sayings...). To learn a language well, you have to know what its characteristic modes of expression are and know how to use the aforementioned linguistic units in the appropriate register. Of all of them, the group of proverbs raises quite a few problems, in particular because of its complex nature and by the loss of paremiological competence of the new generations of speakers.

The problems they pose affect their philological and ethnolinguistic study, their teaching in language class, translation, culture and literature, as well as their translation between two or more languages. For this reason, linguists have been trying to provide solutions for decades. In this paper we present one of the main contributions of the research group PAREFRAS (Paremiology and Phraseology) at the Complutense University of Madrid (Spain) in order to facilitate the study of sayings from a comparative and contrastive perspective. This is the *Refranero Multilingüe* (*Multilingual Proverbs Collection*), a database published by the Cervantes Institute (headquarter in Madrid, Spain) and accessible online. We carry out its analysis from several approaches (philological, translational, ethnolinguistic and didactic), to facilitate the localization and understanding of the sayings and then be able to develop didactic activities according to the profile of the students and find appropriate correspondences. In this way, we intend to respond to a real question of scientific scope.

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE REFRANERO MULTILINGÜE

The *Refranero* contains data of philological interest such as: the selection of paremias, the meaning of paremias, the type of paremia, the formal variants, lexical observations, the use marker and the observations to the use of the paremias compiled in the base; synonyms, antonyms and hyperonyms; the contexts in which they appear cited; the sources consulted (written and oral); and the correspondences with other languages, because the *Refranero* has several working languages: German, Catalan, Chinese, Croatian, French, Galician, Ancient Greek, Modern Greek, English, Italian, Polish, Portuguese, Romanian, Russian and Basque. All these philological data allow us to expand the knowledge of the Spanish language and the other working languages, to show how a language lives, to improve the comprehension and interpretative skills of those who consult the database, to compare the existing correspondence between the Spanish language and the other working languages, to make comparative studies between sayings of two or more languages, in particular Romance and Germanic languages.

TRANSLATION ANALYSIS OF THE REFRANERO MULTILINGÜE

For the search of appropriate correspondences between the paremias registered in the *Refranero* it has been necessary to create a solid theoretical base and propose traductological strategies. By “paremiological correspondence” we understand the sententious statement of the terminal language that most closely approximates the meaning, use and form of paremia in the original language [Muñoz Sevilla, 2004, p. 224]. We distinguish two main types of correspondences: *literal* (similar sense and form) and *conceptual* (similar sense). Thus, in the following examples it is observed that literal correspondence occurs in Spanish, French, Italian, German and

Polish. The Russian language has a synonymous paremia and the English paremia is not a literal but conceptual correspondence:

El hábito no hace al monje
L'habit ne fait pas le moine
L'abito non fa il monaco
Clothes don't make the man
Die Kutte macht noch keinen Mönch
Habit nie czyni mnicha
Не всяк монах на ком клобук

In the following examples [Muñoz Sevilla, 2004, p. 224], however, there are two literal correspondences (Spanish and Polish) and five conceptual correspondences:

A falta de pan, buenas son tortas
Faute de grives, on mange des merles
Chi non può avere la carne, beva il brodo
Those who have no meat, bread and butter are glad to eat
Man muss sich mit dem Brot behelfen, bis man Fleisch bekommt
Dobry chleb, gdy kołacza nie masz
На безрыбье и рак рыба

In addition to the literal and conceptual correspondences, there is the *usual* correspondence, when the most used form is chosen. Thus, the saying *El ojo del amo engorda el caballo*, whose Russian correspondence is *От хозяйского глаза и конь добрее*, would find his usual French correspondence in the form *L'œil du maître engraisse le cheval*, instead of the way *Il n'est pour voir que l'œil du maître*.

The application of a series of traductological techniques facilitates the search of paremiological correspondences, such as:

— the narrative technique (coincidence in the actant, the protagonist), an animal in the paremias:

Aunque la mona se vista de seda, mona se queda (the female monkey)
Le singe est toujours singe, fût-il déguisé en prince (the male monkey)
La scimmia è sempre scimmia, anche vestita di seta (the female monkey)
An ape is an ape, though clad in scarle (the male monkey)
Man schmücke den Esel, er behält seine Ohren (the donkey)
Małpa zawsze będzie małpą, choćby i w jedwabiu (the female monkey)
Свинья в золотом ошейнике все свинья (the pig)

— the thematic technique (coincidence in the key idea). Thus, misfortune is the key idea of these examples:

A perro flaco, todo son pulgas
A cão fraco acodem as moscas
Aux chevaux maigres vont les mouches
A cani magri, mosche ingorde
The weakest goes the wall
Je magerer der Hund, je fetter (größer) die Flöhe
Im tłusciejsza pchła, tym chudszy pies
На бедного Макара все шишки валяются

— the synonymic technique. Sometimes, the translation solution consists of resorting to a paremia synonymous, as in the following paremias:

Petit à petit, l'oiseau fait son nid
A penna a penna si pela l'oca
De raminho em raminho, o passarinho faz o seu ninho
By little and little the bird makes his nest

What would be the correspondences of two Spanish sayings:

Poco a poco hila la vieja el copo
Poco a poquillo hace el pájaro su nidillo

Given the low frequency of the second form, the synonymous form is generally used (*Poco a poco hila la vieja el copo*).

— the hyperonymic technique. Hyperonym or generic paremia in terms of the form Терпение и труд всё перетрут could be proposed as Russian correspondence of the specific paremias mentioned in the synonymic technique.

ETHNOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE REFRANERO MULTILINGÜE

Given that the proverbs are witnesses of an eminently rural society, the paremias registered in the *Refranero* constitute a way to know and understand the spatio-temporal, cultural, mentality and temperament characteristics of that society and compare them with other cultures.

DIDACTIC ANALYSIS OF THE REFRANERO MULTILINGÜE

The paremias of the *Refranero*, belonging in large part to the paremiological minimum, are very useful for the design of activities in the language class (maternal or foreign), translation, culture or literature.

CONCLUSION

The *Refranero Multilingüe*, the fruit of the joint effort of Spanish and foreign specialists, aims to be a useful tool for philologists, linguists, translators, interpreters, ethnolinguists, teachers and students.

BIBLIOGRAPHY

1. SEVILLA MUÑOZ Julia. El valor etnolingüístico de los refranes. *The ethnolinguistic Component of Paremiology*. Cortil-Wodon (Belgique). InterCommunications & E. M. E. 2007. 213–249.
2. SEVILLA MUÑOZ Julia. “El concepto ‘correspondencia’ en la traducción paremiológica”. *Cadernos de fraseología galega*, 6, 2004. 221–229.
3. SEVILLA MUÑOZ Julia & M.ª Teresa BARBADILLO DE LA FUENTE. “El valor didáctico del refrán” // *Paremia*. 13, 2004. 195–204.
4. SEVILLA MUÑOZ Julia & Manuel SEVILLA MUÑOZ. “Técnicas de la ‘traducción paremiológica’ (francés-español)”. *Proverbium*. 17. 2000. 369–386.
5. SEVILLA MUÑOZ Julia & M.ª I. Teresa ZURDO RUIZ-AYÚCAR [dir.]. *Refranero Multilingüe*. Madrid. Instituto Cervantes (Centro Virtual Cervantes). 2009. URL: <http://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/>

Contact information:

Julia Sevilla Muñoz — sevilla@ucm.es

María Teresa Barbadillo de La Fuente — barbadil@ucm.es

Когнитивная стратегия как фактор функционирования маркеров достоверности в высказываниях дошкольников

Сизова Ольга Борисовна

Психолого-педагогический центр по социальной адаптации детей с тяжелыми нарушениями речи, Российская Федерация, 191123, Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 35 А

В исследовании анализируется роль различных средств выражения эпистемической модальности в элицированной речи старших дошкольников с отклоняющимся развитием речи. Анализируются особенности функционирования средств выражения эпистемической модальности в речи детей, реализующих одну из стратегий развития в связи с наличием одного из двух вариантов первичной корковой дисфункции. Выявляются различия в преобладании средств маркирования достоверного или проблематичного суждения; склонность к самоисправлениям или реализации вариантов суждения как равновероятных версий; различия в стратегиях речевого поведения при отсутствии достоверных знаний. Выясняется наличие связи этих различий с реализуемой ребенком стратегией. На основе выводов о закономерностях функционирования языковых средств выражения эпистемической модальности обосновывается склонность детей, реализующих каждую из стратегий, к верификации достоверности информации на основе мнения референтной группы или эмпирического фундамента знания.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, эвиденциальность, детская речь, общее недоразвитие речи, когнитивные и языковые стратегии

Направление: Общее языкознание

Секция: Психолингвистика

ВВЕДЕНИЕ

Достоверность транслируемой информации и способы её маркирования в высказывании относятся к области функционирования категории эпистемической модальности (ЭМ). Исследования ЭМ обращаются к гносеологическим концепциям достоверности знания и к психологическим понятиям уверенности/неуверенности [Швец].

Понятие «достоверность» обозначает обоснованность, доказательность знания и рассматривается как категория со структурой в виде шкалы (безусловная достоверность — проблемная достоверность — безусловная недостоверность) Степень уверенности говорящего отражает психическое состояние, обусловленное наличием/отсутствием знания. Уверенность соотносится с крайними полюсами шкалы, неуверенность — с проблемной достоверностью. Трансляция степени уверенности, обусловленная оценкой информации как достоверной/проблемно достоверной, отражается в средствах языкового выражения ЭМ.

Эксплицитные средства выражения ЭМ охватывают лишь две группы значений: проблемную и категорическую достоверность. Простая достоверность не нуждается в эксплицитных маркерах и выражается любыми утвердительными высказываниями [Зеленщиков], наиболее частотными в речи. Если смоделировать соотношение значений ЭМ в терминах грамматики информирования [Томаселло], высказывания с простой достоверностью представляют говорящего как «хорошего сотрудника», транслирующего достоверную информацию. Пропуск маркера неуверенности в высказывании с проблемной достоверностью может стоить говорящему потери репутации, поэтому эксплицитный маркер необходим. Введение маркера категорической достоверности увеличивает ответственность говорящего. Соответственно, в детской речи маркеры неуверенности количественно преобладают [Казаковская, Николаева].

ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕРОВ ЭМ В РЕЧИ ДОШКОЛЬНИКОВ

Распределение значений ЭМ в речи детей с отклоняющимся развитием речи анализировалось на основе данных элицированной речи. Материал исследования — высказывания, полученные при выполнении трех заданий: актуализация названий данных в описании или изображенных объектов; порождение текстов-описаний и сюжетных рассказов; понимание скрытого смысла текста (ответы на вопросы).

Задания предъявлялись 11 детям (8 мальчикам и 3 девочкам) дважды с перерывом в 8 месяцев. На момент первой сессии возраст участников распределялся от 5.5 до 6.9.

Особенности речевых нарушений позволяют разделить информантов на 2 группы: 6 детей с первичной кинетической дисфункцией (ПКД) и 5 детей с первичной соматосенсорной дисфункцией

(ПСД). При ПКД имеется дисфункция кинетической коры, обеспечивающей развертывание речевой моторной программы путем переключения артикуляций. Выявляются артикуляционные персеверации, нарушения порядка элементов высказывания, грамматические сверхгенерализации и трудности текстообразования [Сизова]. У детей с ПКД, как и у нормально развивающихся референциальных детей [Bates, Bretherton, Snyder], не затруднен переход от денотативного к сигнификативному значению слова, легко формируются обобщения и категоризация.

У детей с ПСД дисфункция соматосенсорной коры приводит к неспособности точно воспринять, запомнить и воспроизвести артикуляционные движения, реализующие звуки речи. Отмечаются несистематические субституции звуков и нестабильность фонетического оформления слов [Сизова], как и у нормально развивающихся экспрессивных детей [Bates, Bretherton]. У них замедлено увеличение номинативного лексикона и формирование обобщений, есть парциальные трудности понимания речи; длительно сохраняется преобладание денотативных значений слов. При этом они успешно осваивают прагматические аспекты деятельности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В речи детей с ПКД и ПСД обнаружены различия в частоте и стратегиях использования средств выражения ЭМ.

Только дети с ПКД использовали модальные слова проблемной достоверности *наверное, а может, по-моему*; и один ребенок — маркеры категорической достоверности *конечно и о, кстати!*

Предикаты знания выявлены в речи детей обеих групп. У детей с ПКД доля употреблений маркеров достоверного знания составляет 40%, маркеров проблемной достоверности — 60%; в группе ПСД выявлено тотальное преобладание маркирования проблемной достоверности (95% употреблений).

Употребление предикатов мнения в значении категорической недостоверности чаще отмечается в группе с ПКД:

Ваня Х.5.9, Лера 6.2: *нет, потому что это **неправильно***

Единственное подобное высказывание ребенка с ПСД сопровождается подробным обоснованием:

Ваня Э.7.5: *нет, потому что так **неправильно**, надо чтоб мама пила, потому что доктор прописал.*

Детям свойственно выражение проблемной достоверности в виде вопроса: по их мнению, взрослый адресат вопроса обладает знаниями для оценки степени соответствия сообщаемого реальности [Швец]. Анализ речевого поведения детей в ситуациях недостаточности достоверных знаний для принятия решений выявил специфические тенденции для каждой из групп. Описанные ситуации возникали в группе детей с ПСД почти в 2 раза чаще, чем у детей с ПКД. Дети с ПКД задали вопрос взрослому в половине подобных случаев, дети с ПСД сделали это менее чем в трети ситуаций. Следовательно, дети с ПКД рассматривают взрослого как источник достоверной информации, дети с ПСД склонны самостоятельно принимать решения.

Анализ данных, полученных при актуализации названия объекта, выявил стратегии, отражающие склонность детей расценивать свои знания как более или менее достоверные. Стратегия «смены решения» выявлена в обеих группах. Назвав объект, ребенок затем самостоятельно меняет решение, предлагая другое название:

Лера 6.2, ПКД: *весна...осень; юг...море;*

Герман 6.6, ПСД: *доктор...врач; сад...природа*

Средняя частота применения этой стратегии, свидетельствующей о сомнении ребенка в достоверности своих знаний, в 2 раза больше в группе с ПСД.

Стратегия «равновероятности» выявлена только у детей с ПКД и состоит в предложении двух равновероятных вариантов названия:

Оля 6.3: *река или озеро*; Стас.7.3: *утро либо день*

Очевидно, эта стратегия отражает уверенность детей с ПКД в достоверности своего знания и допущение вариативности, потенциальной равнозначности различных решений.

Результаты исследования подтверждают: эксплицитное маркирование чаще отражает проблемную достоверность. В свете этого интересны причины тенденции детей с ПКД маркировать категорическую достоверность и демонстрировать уверенность в достоверности сообщаемой информации.

ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧИЙ В СТРАТЕГИЯХ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Для объяснения этого факта обратимся к категории эвиденциальности, классифицирующей характер и источник знания, лежащего в основе сообщения. Имеется три типа модальных значений: спекулятивная модальность суждений, выражающих неуверенность; дедуктивная модальность, отражающая инференцию из доступных наблюдению доказательств; гипотетическая модальность, оформляющая инференцию из общеизвестной информации [Palmer].

Представляется, что дети с ПСД, обладая сохранными прагматическими функциями, склонны извлекать знания из собственного опыта, опираясь на дедуктивную модальность. Эта стратегия отражена в высказывании Вадима.

Взрослый: *Почему Саша проснулся невеселым?*

Вадим 5.10: *Я не знаю, я Сашу не видел, я Сашиного дома не видел.*

Отсутствие опыта участия в подобной ситуации обуславливает невозможность принятия решения. Информация, полученная из текста, данного внеситуативно, не является источником достоверного знания для детей с ПСД. Их неуверенность обусловлена и превалированием денотативного значения слов, создающим жесткую связь между означающим и означаемым типа «один смысл — одно наименование». Трудности понимания речи закрепляют неуверенность в знании «правильного именования», что приводит к смене решения, поиску «единственно точного» слова. Активная стратегия поведения этих детей обуславливает самостоятельность (но не безошибочность) в принятии решений. Эпистемические суждения детей с ПСД основаны на эмпирическом знании, недостаточном для обобщения, но объективном.

Дети с ПКД, хорошо понимающие и систематизирующие данные инпута, склонны получать знания из транслируемой взрослыми общеизвестной информации. Авторитет взрослого гарантирует достоверность получаемой информации для детей с ПКД, склонных к соблюдению языковых и социальных правил. У них есть основания для маркирования категорической достоверности: ответственность за это лежит не на ребенке, а на авторитетном взрослом, чье мнение транслируется без сомнений. Дисбаланс в пользу достоверности мнения вопреки достоверности опыта приводит к большей уверенности детей с ПКД.

Стратегия «равновероятности» обусловлена быстрым формированием у детей с ПКД сигнификативного значения слова, предполагающего наличие ряда не совсем идентичных референтов у одного сигнификата. Способность к обобщению позволяет детям с ПКД понять, что достоверность сообщения может сохраняться и при вариативности его языкового оформления.

Следовательно, особенности общекогнитивных стратегий, каузально связанные с механизмами организации целенаправленных движений, обуславливают закономерности функционирования языковых средств выражения ЭМ в речи детей с отклоняющимся языковым развитием.

ACKNOWLEDGEMENTS

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, грант 14–18–03668 «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка»

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеленищikov А. В. Пропозиция и модальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 216 с.
2. Казаковская В. В., Николаева Е. И. Уверенность/неуверенность в контексте речевого и психологического развития ребенка // Проблемы онтолингвистики — 2016: Материалы ежегодной междунар. науч. конференции. Иваново : ЛИСТОС, 2016. С. 279–281.
3. Сизова О. Б. К вопросу об иерархии механизмов речи // Модальность в языке взрослых и детей; Механизмы усвоения языка и овладение речевой компетенцией. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН Т. XIII. Ч. 3. СПб. : Наука, 2017. С. 741–773.
4. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 323 с.
5. Швеиц В. М. Субъективная (эпистемическая) модальность и ее выражение в детской речи. // Семантические категории детской речи. СПб. : Нестор-история, 2007. С. 161–180.
6. Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar: Individual differences and dissociable mechanisms. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 326 p.
7. Palmer F. R. Mood and Modality. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 236 p.

COGNITIVE STRATEGY AS A FACTOR IN THE FUNCTIONING OF CERTAINTY MARKERS IN THE UTTERANCES OF PRESCHOOLERS

Sizova Olga

Psychological and Pedagogical Center for Adaptation of Children with Severe Speech Disorders,
35 A, Zakharyevskaya st., St. Petersburg, 191123, Russian Federation

The study analyzes the role of various means of expression of epistemic modality in the speech production of older preschoolers with specific language impairment. The aim of the study is reveal patterns of functioning of language expression of meanings of epistemic modality in speech of children in depend to the presence of one of two different cortical dysfunctions in children. Differences in prevalence of markers of certain or problematic assertions and tendency to change decision or to implement of judgments options as equal probably, as well as differences in strategies of speech behavior in case of absence of certain knowledge were analyzed. It turns out that there is a causal connection between these differences and the cognitive strategy implemented by the child. On the base of conclusions about patterns of functioning of different means of expression of epistemic modality the tendency of children, implementing each of strategies, to verification the certain of information on the base of opinion of referent group or to extract knowledge from their own experience has been substantiated

Keywords: epistemic modality, evidentiality, speech development, specific language impairment, cognitive and language strategies

Контактная информация:

Сизова Ольга Борисовна — osizova@yandex.ru

Метафора языка-как-организма в лингвистике (от Ф. Боппа до наших дней)

Скребцова Татьяна Георгиевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В основе различных взглядов на природу и сущность языка, представленных в лингвистических теориях двух последних столетий, лежат две фундаментальные метафорические модели — органистическая и механистическая. В статье прослеживается история уподобления языка живому организму начиная от работ ранних компаративистов вплоть до современных лингвистических направлений и анализируются факторы, влияющие на выбор данной метафорической модели.

Ключевые слова: история языкознания, лингвистический натурализм, метафора, биолингвистика, когнитивная лингвистика

Направление: Общее языкознание

Секция: История языкознания

МЕТАФОРА ЯЗЫКА-КАК-ОРГАНИЗМА У РАННИХ КОМПАРАТИВИСТОВ

Органистические метафоры обнаруживаются уже в самых ранних трудах по языкознанию. Так, в книге Ф. фон Шлегеля (1772–1829, Schlegel) «О языке и мудрости индийцев» (1809) санскрит рассматривается как идеальный язык, органический по своему строению. К этому идеалу приближаются, по мнению Шлегеля, некоторые другие языки, в первую очередь греческий и латинский, в меньшей степени немецкий и персидский, еще менее — славянские и кельтские. Им противопоставляются остальные, неорганистические, языки.

Биологические метафоры представлены в трудах основоположников сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа (1791–1867, Bopp) и особенно Я. Гримма (1785–1863, Grimm); в частности, у первого из них находим выражение «организм языка». Представляется, однако, что оно не несет в себе того естественно-научного смысла, как это позднее было свойственно А. Шлейхеру. Под организмом Бопп подразумевал систему языка в ее единстве и связанности между собой отдельных ее частей — в духе немецкой идеалистической философии и стиле эпохи романтизма.

ОРГАНИЗМ ЯЗЫКА У В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Гумбольдт (1767–1835, Humboldt) также уподоблял язык живому организму, но можно предположить, что это было обусловлено не только характерным для того времени лингвистическим узусом. Органистическая метафора была созвучна Гумбольдту тем, что подчеркивала динамическую сущность языка (язык-как-энергия); альтернативная механистическая метафора более удобна для рассмотрения языка в статике (неслучайно наиболее широко она представлена в структурной лингвистике).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ НАТУРАЛИЗМ А. ШЛЕЙХЕРА

Лингвистическая концепция Шлейхера (1821–1868, Schleicher) сформировалась у ее автора под влиянием эволюционной теории Ч. Дарвина. Шлейхер рассматривал языкознание как часть естественной истории человека. Под его пером аллегорические и метафорические выражения романтиков («организм языка», «юность, зрелость и упадок языка», «семья родственных языков» и пр.) приобретали прямое значение. История языка у Шлейхера прямо именуется «жизнью языка». Возникновение и развитие языков ученый объяснял, основываясь на закономерностях развития растительного и животного мира. Соответственно, Шлейхер создал генетическую классификацию родственных языков индоевропейской языковой семьи и первым в истории языкознания изобразил родословное древо языков.

ОРГАНИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ЛИНГВИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В целом, после Шлейхера лингвистический натурализм идет на спад. Тем не менее и во второй половине XIX в. можно встретить примеры сближения языкознания с естественными науками и употребления биологических метафор. Так, Н. В. Крушевский (1851–1887) стремился в лингвистике обнаружить столь же точные законы, что в естествознании, и в своем «Очерке науки о языке» (1883) ссылаясь

на Дарвина. Во Франции школа А. Овелака (1843–1896, Novelacque) продолжала развивать теорию Шлейхера. В диалектологических исследованиях Ж. Жильерона (1854–1926, Gilliéron) можно наблюдать не только естественное для данной тематики сближение лингвистики с географией, но и параллели с биологией и геологией. Примечательно, что даже видный представитель младограмматической школы Г. Пауль (1846–1921, Paul) в своем фундаментальном труде «Принципы истории языка» (1880) употребил выражение «языковой организм»; впрочем, это было продиктовано скорее привычным узусом, чем приверженностью идеям лингвистического натурализма.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОРГАНИСТИЧЕСКИХ МЕТАФОР В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В XX в., с наступлением эпохи структурализма, органистические метафоры оказались вытесненными механистическими (ср. «единицы», «структура», «составляющие», «конструкции», «уровни», «компоненты» и пр.), что стало следствием кардинальной смены приоритетов в языкознании. На передний план было выдвинуто синхроническое изучение языка, предполагающее анализ его строения, а не развития. С появлением и развитием электронно-вычислительной техники механистические метафоры оказались дополнены компьютерной метафорой. За десятилетия господства структурализма в языкознании метафора языка-как-организма оказалась практически забыта.

На рубеже XX и XXI вв., однако, эта метафора возрождается в связи с образованием таких новых областей знания, как биолингвистика, когнитивная лингвистика, эколлингвистика. Само название «биолингвистика» отражает идею союза языкознания и биологии. Первоначально это была биолингвистика генеративного толка, в рамках которой язык считается врожденной способностью/органом, растущим и развивающимся вместе с ростом и развитием человеческого организма. Наряду с этим возникла другая интерпретация содержания данной дисциплины, обычно ассоциируемая с именем Т. Гивона (Givón). Гивон проводит параллели между тремя видами развития в языке (диахронией, усвоением языка и его эволюцией) и соответственно тремя доменами развития в биологии (адаптивным поведением, онтогенезом и филогенезом) [Гивон, 2015]. Пафос его исследований заключен одновременно в ниспровержении центральных постулатов генеративизма и в отстаивании функционально-адаптивного подхода к языку как биологическому феномену.

В социолингвистике и особенно эколлингвистике, а также экологии языка активно используются метафоры языка-как-организма, ср.: «языковая смерть», «вырождение языка», «умирающие языки», «языки, находящиеся в опасности», «языковая жизнеспособность».

Наконец, когнитивная лингвистика обозначила новые приоритеты языкознания, предложив сближать язык не с логикой и математикой (как это практикуется в генеративной грамматике и других формальных теориях языка), а с биологией. Ср. следующие высказывания крупного теоретика когнитивной лингвистики Р. Лангакера (Langacker): «биология дает более адекватную метафору для лингвистических исследований, чем формальные дисциплины», и в целом «было бы более правильно уподоблять язык живому организму» [Langacker, 1988, p. 4].

Сравнение языка с живым организмом вновь возникает в одной из недавних работ автора, ср.: «Не существует единого подхода к описанию языка, как не существует единого подхода к описанию биологического организма» [Langacker, 2016, p. 465].

ВЫВОДЫ

Думается, что возрождение органистической метафоры в современной лингвистике обусловлено смещением внимания от строения языка к его функционированию, использованию в условиях реальной коммуникации. Акцентирование динамического аспекта языка в функциональных, узусно-ориентированных теориях в какой-то мере перекликается с концепцией Гумбольдта, также подчеркивавшего его деятельностный характер.

Подводя итог рассмотрению того, как использовалась метафора языка-как-организма в различных лингвистических течениях и концепциях, можно выделить два фактора, обуславливающие ее востребованность. Прежде всего, это предметная направленность того или иного направления: сосредоточение на статике (структуре) чаще всего вызывает к жизни механистические метафоры, а внимание к динамическим аспектам (будь то диахрония или функционирование) способствует употреблению органистических метафор. В качестве побочного фактора, сыгравшего важную роль на этапе становления сравнительно-исторического языкознания, следует отметить общий интеллектуальный климат эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гивон Т. Сложность и развитие // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. 848 с. С. 89–122.
2. Langacker R. W. An overview of cognitive grammar // B. Rudzka-Ostyn (ed.). Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. 704 p. P. 3–48.
3. Langacker R. W. Working toward a synthesis // Cognitive Linguistics. Vol. 27, № 4. 2016. P. 465–478.

ORGANISTIC METAPHORS IN LINGUISTICS (FROM F. BOPP TO THE PRESENT DAY)

Skrebtsova Tatiana

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Throughout the past two centuries linguists have tried to grasp the nature of language via two metaphorical frameworks, organistic and mechanistic ones. The paper traces the history of the language-as-organism metaphor from the early works in comparative philology up to the present-day linguistic theories and examines underlying reasons for its usage.

Keywords: history of linguistics, linguistic naturalism, metaphor, biolinguistics, cognitive linguistics

Контактная информация:

Скребцова Татьяна Георгиевна — t.skrebtsova@spbu.ru

О цели, задачах и предварительных итогах исследования языков симбиотических сообществ Балкан

Соболев Андрей Николаевич

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9

Рассмотрены цели, задачи и итоги изучения в рамках проекта РНФ 14-18-01405 языковых изменений в двуязычных сообществах на Балканах на фоне результатов многовековой общепалканской языковой конвергенции. Причина формирования балканской конвергентной группы языков — смена языка после длительного периода массового двуязычия. В зонах билингвизма исследованы контактные ситуации, проанализированы процессы и определены индуцированные контактом языковые изменения на всех уровнях.

Ключевые слова: языковая конвергенция, балканский языковой союз, полевые исследования, билингвизм, языковые изменения в контакте

Направление: Классическая филология, библеистика, неозллинистика, балканистика

Секция: Балканистика, неозллинистика и византистика

1. Балканская лингвокультурная антропогеография имеет в центре своего внимания языки и культуры этносов Балканского полуострова, представленные такими объектами, как многоязычный индивид и многоязычные сообщества в прошлом и настоящем, сложно устроенные и постоянно изменяющиеся языковые системы и культуры. Как и в мире в целом, на Балканах многоязычие – норма, а не исключение [Hammarström], инвентари языков и ситуации их функционирования всегда отличались разнообразием, а языковая эволюция убедительно объяснима как генетическим родством и унаследованными тенденциями развития, так и языковыми контактами.

2. Конвергентную группу балканских языков (языковой союз, нем. Sprachbund) характеризует целый ряд общих благоприобретенных в контакте признаков-балканизмов (фонема /ə/, редукция падежных систем, 'локативный' тип числительных 11–19, постпозитивный определенный артикль, аналитические степени сравнения, местоименное удвоение объектов, перифрастический футур со вспомогательным глаголом *volo*, замещение инфинитива и др.). Несмотря на то, что балканизмы не уникальны и не специфичны только для Балкан, не образуют собственной системы и неравномерно распределены в лингвогеографических континуумах и внутрисистемно в отдельных языках, они тем не менее имеют структурный характер, формируют пучки изоглосс, исторически развивались в балканских языках параллельно и, вероятнее всего, их появление – результат длительных донорско-реципиентных отношений в субстратных, суперстратных и адстратных ситуациях.

3. Среди направлений исследования балканского языкового союза всегда доминировали такие, как описательное и историческое языкознание в рамках идиоэтнических филологий; сравнительно-историческое, контрастивное и сопоставительное языкознание; традиционная диалектология, лингвистическая география и ареальная типология, тогда как контактная лингвистика и непосредственное наблюдение за диалектной речью двуязычного homo balkanicus, включая переключение и смешение кодов, вышли на первый план лишь в XXI в. При объяснении процессов, приводящих к возникновению конвергентных языковых групп и происходящих в симметричной ситуации двуязычия без доминирования одного из языков, проблемой является трудность доказательства контактной обусловленности конкретного структурного изменения в каждом контактирующем языке в противоположность структурному изменению, вызванному внутренними причинами.

4. Цель предпринятого научной группой петербургских балканистов в 2014–2018 гг. исследования — установление причин и выявление механизмов формирования балканского языкового союза. Гипотеза о смене языков после длительного периода массового двуязычия как искомой причине проверена обращением к непосредственно наблюдаемым условиям, процессам и результатам взаимодействия достаточно крупных групп людей в двуязычных сообществах. Континуум наблюдаемых на Балканах языковых ситуаций простирается от таких, где культурно-антропологические группы находятся в отношениях сепарации, до симбиотических, где члены групп сосуществуют, вступая в отношения инклюзии, лингвистической экзогамии, дополнительного распределения и др. Особое значение имеет двуязычие миноритарной группы, где социально доминирующий официальный язык обладает престижем власти, тогда как язык меньшинства доминирует в языковой компетенции говорящих.

5. С опорой на опыт продолжающегося «Малого диалектологического атласа балканских языков» и с применением методов и теоретических моделей современной контактной лингвистики было осуществ-

влено наблюдение за такими сформировавшимися в условиях этнического пограничья сообществами, как:

- цаконцы в Греции (с греч. как L1, сформировавшимся в контакте с неизвестными L2, предположительно романскими, албанским и славянскими);
- католики-хорваты на о-ве Крк (со слав. как L1, сформировавшимся в контакте с романскими L2);
- католические карашевцы в румынском Банате (в большинстве сел со слав. как L1 и рум. как L2; в с. Ябалча с рум. как L1 и слав. как известным пассивно L2) [Konior, Sobolev];
- славяне-мусульмане (мрковичи) в Черногории (в большинстве сел со слав. как единственным L, в ряде сел — Веля Горана и др. — со слав. как L1 мужчин и алб. как L1 женщин) [Mogozova];
- славяне-мусульмане в р-не Голо Бордо в Албании (в большинстве сел со слав. как L1 и алб. как L2, при возможном в прошлом балканороманском субстрате) [Sobolev 2018];
- православные македонцы и албанцы-мусульмане в р-не Преспа в Македонии (в с. Арвати с макед. как L1 и алб. как L2 или с алб. как L1 и макед. как L2 у мужчин; при арумынском субстрате) [Makarova];
- православные химариоты в Албании (в с. Паляса с греч. как L1 у большинства населения и с алб. как L1 у части населения, включая часть женщин) [Sobolev 2017];
- православные арумыны в г. Эльбасан (с арум. как L1 и алб. как L2) [Kharlamova].

6. Изучены вопросы, характеризуются ли эти сообщества особым видом билингвизма в симметричной ситуации без доминирования одного языка, а сами контактирующие языки — повышенной степенью взаимной аккомодации и большей степенью проявления аллоглоссии в ареале близкородственных диалектов. Хотя ни признаков креолизации, ни свидетельств полной метатипии не обнаружено, тем не менее установлено, что по сравнению со стандартными формами балканских языков диалекты, во-первых, характеризуются более высокой степенью изосемантизма, изоморфности и изофункциональности языковых единиц и категорий, а во-вторых, в некоторых из них имеют место грамматическая и лексическая гибридизация и немотивированное переключение кодов (при отсутствии гибридных фонетических форм слов). Напр., в славянском говоре Голо Бордо форма *na d'efi* 'баран-АСС.PL с лексикологической точки зрения — прямое материальное заимствование алб. *dash* [*daf*] 'баран', частично морфологически интегрированное (ср. *daf* SG.INDEF, *dafof* ~ *dafot* SG.DEF 'баран'); однако, с точки зрения морфонологии, вместо формы мн.ч. **dafovi* ~ **dafoi* говорящий использовал одновременно две модели с двумя субстанциями: общепалбанский механизм апофонии *a* ~ *e*, т.е. алб. *dash* ~ *desh*, полностью чуждый славянскому типу, и общеславянский маркер мн.ч. *-i*. Экстраординарно редундантная комбинация по балканороманской модели для обозначения прямого объекта дополнена предлогом *na*.

7. Поставлены вопросы о пределах структурной конвергенции балканских языков и диалектов, которые могут быть установлены эмпирически; о корреляции между параметрами конкретной контактной ситуации и конкретными наблюдаемыми языковыми изменениями; о возможности восстановить параметры контактной ситуации в прошлом, опираясь на доступные наблюдению результаты языковых изменений при отсутствии исторических, этнографических и языковых свидетельств; о причинах и механизмах переключения и смешения кодов; о возможности смены языковой доминанции в течение жизни информантов; о необходимости обращения к новым технологиям, позволяющим обрабатывать статистически релевантное количество данных. В итоге экспериментально доказано, что процесс балканизации совершается на микроуровне диалектного контакта, который состоит из бесчисленного количества микроситуаций.

8. В результате исследований установлено наличие не упрощенных, а усложненных фонетических и фонологических инвентарей, грамматических единиц и категорий, лексических систем, а также форм, следующих идиосинкратическим моделям. Отмечено сохранение синтетических грамматических архаизмов и архаичной лексики на фоне очевидных инноваций на всех языковых уровнях. При этом речь двуязычных информантов демонстрирует, что правила L1 и L2, обычно применяемые к лексике L1 и L2 соответственно, могут выходить за эти рамки и распространяться на субстанцию как L1, так и L2, которая, в свою очередь, в балканских языках постоянно и систематически усложняется благодаря заимствованиям. Результаты хорошо согласуются с данными инструментальных исследований фонетики спонтанной речи двуязычных информантов-носителей арумынского L1 и албанского L2, свидетельствующими — помимо интерференции — о различных инвентарях фонетических единиц и о различном поведении этих единиц под влиянием фонетического окружения в исконной и интегрированной заимствованной лексике в речи на L1 и L2. Единые инвентари фонетических единиц и правила их дистрибуции

реализуются в речи на L1 и L2 на фонетической субстанции неполностью интегрированной лексики, в частности, в общебалканских турцизмах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hammarström H.* Linguistic diversity and language evolution// *Journal of Language Evolution*. 2016. Pp. 19–29.
2. *Kharlamova A. V.* Affricates in Aromanian spontaneous speech// *Proceedings of the 45th International Philological Conference (IPC 2016)*. Eds. S. Monakhov et al. Atlantis Press, 2017. P. 298–300.
3. *Konior D. V., Sobolev A. N.* Osobennosti neravnovesnogo bilingvizma u rumynoiazychnykh karashevtsev v sele Iabalcha// *Indoevropaiskoe iazykoznanie i klassicheskaja filologija XXI*. 2017. Pp. 985–1001.
4. *Makarova A. L.* On the Macedonian Perfect(s) in the Balkan Context// *Zeitschrift für Slawistik*. 62/3. 2017. S. 387–403.
5. *Morozova M. S.* Albanskii govor ili govory Gorany? Genesis i funkcionirovanie// *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura* 14/2. 2017. Pp. 222–237.
6. *Sobolev A. N.* Iazyki simbioticheskikh soobshchestv Zapadnykh Balkan: grecheskii i albanskii v kraine Himara, Albania// *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura* 14/3. 2017. Pp. 420–442.
7. *Sobolev A. N.* Hybrid grammar in a Macedonian dialect in Albania// *Indoevropaiskoe iazykoznanie i klassicheskaja filologija XXII*. 2018. Pp. 776–893.

LINGUISTIC RESEARCH ON THE BALKAN SYMBIOTIC SOCIETIES: THE GOAL, TASKS AND PRELIMINARY RESULTS

Sobolev Andrey

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation

The paper presents the goal, tasks and results of research supported by RSCF grant 14–18–01405. Linguistic change in selected bilingual societies in the Balkans is investigated against the background of the outcomes of the pan-Balkan convergence. The contact situations in the zones of bilingualism, linguistic evolution and contact-induced change on all structural levels give support to the theory, according to which the Balkan Sprachbund is a result of a language shift after a long period of mass bilingualism.

Keywords: linguistic convergence, Balkan Sprachbund, field research, bilingualism, linguistic change in contact

Контактная информация:

Соболев Андрей Николаевич — sobolev@staff.uni-marburg.de

Болгарские фразеологизмы фольклорного происхождения

Стоянова Радостина

Институт болгарского языка им. Л. Андрейчина, Болгарская академия наук, Болгария, 1113, София, бул. Шипченский проход, 52

В статье рассматриваются фразеологизмы, возникшие на основе болгарского фольклора. Проанализированы некоторые из основных фольклорных формул и оборотов болгарской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологизм, фольклор, сказки, пословицы, поговорки

Направление: Славистика

Секция: Славянская фразеология и фольклор

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФОРМУЛЫ В БОЛГАРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Фольклор пронизан устойчивыми формулами, стереотипными оборотами и сочетаниями, отличающимися различной функцией в зависимости от их места в структуре произведения, частотности употребления и актуальности образа, заложенного в их основе. К таким формулам, играющим композиционно-организационную роль в сказках, можем отнести следующие фразеологические единицы: *През девет <земи и> морета 'очень далеко'*; *През девет царства (села) в десето*; *През девет земи в десета*; *Зад девет морета*; *През девет води студени* в значении 'очень далеко'. В русском фольклоре встречаются аналогичные формулы пространства: *За тридевять земель, в тридесетом царстве*; *В некотором царстве, в некотором государстве*.

Одним из излюбленных приемов для многих фольклорных жанров является характеристика временных отношений со значением 'никогда': *На конски<я> Великден* (ирон.) 'никогда (для подчеркивания того, что что-либо никогда не произойдет)'. Еще: *Кога<то> дойде конски Великден* (ирон.); *На Врѣбница в сряда<та>* (ирон.); *На Врѣбница в петък* (ирон.); *На червен Гергьовден* (ирон.); *На свети Макавей* (ирон.); *На свети Мук* (ирон.) и др. [Нанова, с. 464–465]. В данных примерах реализуется структурно-семантическая модель 'в день, который или никогда не может наступить, или представляет собой несвятым, несерьезным праздником'. П. Б. Богатырев определяет данный прием как «формула невозможного» или «оксюморон в действии» [Богатырев, с. 362]. Значение 'никогда' базируется на инверсии реальных отношений в более 50 болгарских оборотов, по подсчетам В. М. Мокиенко. По мнению исследователя, «формула невозможного является иронически-шутливой поговоркой, а тем самым — типичным видом народной фразеологии: ведь для нее характерна и раздельно-оформленность, и семантическая слитность (в данном случае — сводимость к значению 'никогда'), и экспрессивность, порожденная неправдоподобным образом» [Мокиенко, с. 313]. Мокиенко также отмечает, что «мотивировки, характерные для болгарских народных выражений со значением 'никогда', вполне соотносимы с русской фразеологией на эту же тему: *на турецкую пасху, на русский байрам [...]*» [Мокиенко, с. 314].

Другая структурно-семантическая модель фразеологизмов со значением 'никогда' строится на осознании чего-то невероятного — 'тогда, когда что-либо вырастет там, где оно никогда не растет': *Кога<то> върба<та> роди грозде* (ирон.); *Кога<то> върбата роди дренки* (ирон.); *Кога върба роди круши* (ирон.); *На грѣцките календи* (книжн., ирон.) и др. [Нанова, с. 464–465]; [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974, т. 1, 524]. По этой же модели реализуются и фразеологизмы с другими значениями, а именно: 'сомнение в наступлении счастливых дней или удачи' — *Роди ще и нашата върба грозде* (диал.); *Нашата върба ще роди круши* (диал.) [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975, т. 2, 257] и 'откровенное вранье' — *Върба<та> маслини родица* (диал., ирон.) [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974, т. 1, 193]. В данном случае, по замечанию Я. Сивиловой, «в рамках предложения фразеологизм выполняет функцию дополнения или используется как закрытое клише, т. е. уже не является фразеологизмом (т. е. поговоркой), а метафорическим комментарием к определенной ситуации (т. е. пословицей)» [Сивилова, с. 54].

«Формула невероятного» реализуется также в метафорическом значении 'похожесть детей и родителей в отрицательном плане': *Върба грозде ражда ли, че от него хубаво да излезе*; *Зер от върба чакаш да роди маслини* и др. [Сивилова, с. 54].

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА ОСНОВЕ ФОЛЬКЛОРА

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВОЗНИКШИЕ НА БАЗЕ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Как правило фразеологические единицы, возникшие на основе народных сказок, обладают неясной внутренней формой, ибо она раскрывается лишь после ознакомления с содержанием самой сказки, от которой они произошли. Такие фразеологизмы, согласно К. Ничевой [Ничева], могут вести свое начало от:

- (1) Переосмысления либо всего сюжета, либо отдельного момента или действия сказки: *Пращам/ пратя (изпращам/изпратя) за зелен хайвер някого; Провождам/проводя (продавам/продам) за зелен хайвер* (диал.) 'оболгать кого-либо, ввести в заблуждение, обмануть кого-либо'. Фразеологизм возник на основе сказки, в которой рассказывается как одна женщина захотела куда-нибудь надолго отправить своего мужа, чтобы иметь возможность свободно принимать любовника. Она притворилась тяжело больной, сказав мужу, что сможет выздороветь лишь в том случае, если он найдет и принесет ей в качестве лекарства зеленую икру [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975, т. 2, 184].
- (2) Образа, созданного из сказки: *Накокошинил съм се като цар Перушан* (диал.) 'о горделиво ведущем себя человеке' [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974, т. 1, 633].
- (3) Имен или прозвищ героев: *Лъжливото овчарче* 'о ком-либо, кому никто не хочет верить, когда он говорит правду, так как до этого несколько раз был пойман на лжи' [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974, т. 1, 565].
- (4) Типичных черт героев: *Малък като Пиперка* (диал., ирон.) 'о ком-либо невысокого роста, но хитром' [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974, т. 1, 571].
- (5) Слов героев: *Посмали, Манго, <посмали>*, еще: *Посвали, Манго, посвали (диал.) и Посмали, гърчо, посмали (диал.)* 'Не ври так сильно! Так говорят кому-либо, кто слишком (много) заврался'. Из сказки о цыгане, который ходил в лес за кизилом, испугался и убежал, а когда вернулся в деревню, соврал что увидел там триста медведей, на что ему ответили: «*Посмали, Манго!*» (рус. букв. Приуменьши, Манго!). Тогда он сказал, что медведей было сто, потом — около десяти, и наконец признался, что он испугался [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975, т. 2, 161]. Фразеологические единицы данной группы отличаются более слабой фразеологизацией. По этой причине Ничева относит их к фразеологизмам переходного типа, а не к собственно фразеологизмам [Ничева, с. 150–151].

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВОЗНИКШИЕ НА БАЗЕ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ ПОГОВОРК

Фразеологические единицы данного типа характеризуются изменением формы с сохранением значения пословицы или поговорки: *Пускам (пусна) вълка в кошарата* 'из-за необдуманных действиях стать причиной тому, чтобы враги захватили, нашли кого-либо'. От пословицы *Куче, което не знае да лае, само пуска вълка в кошарата* [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975, т. 2, 226]. Чаще всего отсекается конец пословицы или поговорки: *Сърдит Петко* (насмешл.) 'о человеке, который очень легко и часто сердится (обычно употребляется, когда кто-либо сердится и отказывается взять то, что ему дают, с чем его приглашают к столу)'. От поговорки *Сърдит Петко празна му торбата* [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975, т. 2, 378].

Обращение к устному народному творчеству, как к одному из важнейших культурно-смысловых слоев, определяющему образное содержание фразеологизма, является актуальным направлением описания болгарской фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырев П. Г.* Формула невозможного в славянском фольклоре // Л. Г. Бараг (отв. ред.). Славянский филологический сборник. Посвящается V Международному съезду славистов. Уфа: Башкирский государственный университет, 1962. С. 347–363.
2. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2009. 464 с. (монография)
3. *Нанова А.* Фразеологичен синонимен речник на българския език. А-Я. София: Хейзъл, 2005. 1389 с.
4. *Ничева К.* Възникване на фразеологизмите на базата на български народни приказки // Славистичен сборник (По случай VIII международен конгрес на славистите в Загреб — Люблина). София: Издателство на БАН, 1978. С. 145–162.

5. *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова С.* Фразеологичен речник на българския език. Том 1. А-Н. София: Издателство на БАН, 1974. 760 с.
6. *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова С.* Фразеологичен речник на българския език. Том 2. О-Я. София: Издателство на БАН, 1975. 780 с.
7. *Сивилова Я.* Противоречивите интерпретации в традиционната култура. Хипотеза за изходната семантика на един фразеологизъм // Съпоставително езикознание. №2. XLII, 2017. С. 51–65.

BULGARIAN PHRASEOLOGISMS WITH FOLKLORE ORIGINATION

Stoyanova Radostina

Institut for Bulgarian Language "Prof. Lyubomir Andreychin" Bulgarian Academy of Sciences,
52, Shipchenski prohod bul., Sofia, 1113, Bulgaria

In this article are researched phraseologisms, which came out from the Bulgarian folklore. Some of the main folklore formulas and expressions of the Bulgarian phraseology are analyzed.

Keywords: phraseologism, folklore, tales, proverbs, aphorism

Контактная информация:

Стоянова Радостина — radostina_stoyanova@mail.ru, radostina_st@mail.bg

Если было подумать головой: маргинальная связочная конструкция в русских инфинитивных придаточных

Тискин Даниил Борисович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Инфинитивные условные придаточные в русском языке за рамками нормы допускают употребление претеритной или футуральной связки, хотя носители трактуют такие употребления как малоприемлемые. Аналогичное явление наблюдается и при некоторых других союзах. В статье обсуждаются трактовка таких употреблений как независимой временной референции в придаточном и как согласования времён или наклонений.

Ключевые слова: русский язык, обстоятельственные придаточные, связка, временная отнесенность, согласование времён

Направление: Общее языкознание

Секция: Грамматика и лексикон

1. ТИПЫ НЕФИНИТНЫХ УСЛОВНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ

В русском языке условное придаточное может быть инфинитивным, и за тождеством формы скрывается сосуществование нескольких типов таких придаточных [Гладкий, 1982]. Так, (1) имеет соответствие в виде главного предложения *Ему не справиться* и временную «парадигму»: *Если ему было <будет> не справиться...*; придаточное в (2) в принципе способно функционировать как главное (ср. *Всё равно тебе водить*), но употребление ненулевой связки в нём проблематично, а значением придаточного является долженствование. Придаточное в (3) не трансформируется в главное предложение (**Собаку разозлить*) и в нормальном случае не имеет парадигмы предложения (*??Если собаку было <будет> разозлить...*); оно лишено семантики долженствования.

- (1) *Если ему не выбраться, пусть позовёт на помощь.*
- (2) *Но уж если мне скрываться, то почему только от горы?* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]
- (3) *Если собаку разозлить, она укусит.*

Поскольку придаточное в (3) не изменяется по временам (и в **той мере**, в какой это так), постулировать в нём нулевой вариант *быть* в качестве вершины для инфинитива представляется избыточным.

2. СВЯЗОЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

За рамками нормы в современном русском языке существует вариант инфинитивной условной конструкции в (3), включающий связку *было* (в единичных случаях — *будет*). Он может иметь как однократную контрфактическую интерпретацию (4), так и итеративную реальную (5) — ‘всякий раз, когда происходило А, происходило и В’ (примеры найдены с помощью Google).

- (1) *Да, суть не в том, что Флоренция мне не понравилась, а в том, что конечно же, если **было** подумать головой, то надо было остаться в Римини на новый год, а после и Флоренция не стала бы моим кошмаром.*
- (2) *Если **было** сделать громче и треск динамика только увеличивался.*

Необходимо отметить, что примеры типа (4–5) крайне редки даже в ненормативных текстах. Так, для случая «если было + инфинитив» сверхбольшой корпус ГИКРЯ (<http://webcorpora.ru>) даёт около дюжины надёжных примеров. Используя 100 наиболее частотных глаголов по словарю О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова и их видовые пары, мы нашли в Интернете более 60 примеров сочетаний «если было + глагол», в которых представлено не менее 30 различных глаголов. Что касается приемлемости таких примеров для носителей, пилотное анкетирование (интерфейс Google Forms, декабрь 2016 г., 300 респондентов) показало, что они оцениваются как малоприемлемые вне зависимости от того, располагается *было* непосредственно после *если* или отделено от него местоименным дополнением. Средняя оценка примеров с *было* по пятибалльной шкале Ликерта составила около 1,33 при средней оценке примеров без *было* около 2,71 (различие статистически значимо, U-тест Манна—Уитни, $p < 0,001$). При этом предложения с *было*, в которых в придаточном употреблён глагол НСВ, оценивались значимо лучше предло-

жений с глаголом СВ (U-тест, $p < 0,001$), хотя ввиду специфики анкеты здесь нельзя исключать влияния сторонних факторов.

3. ВАРИАНТЫ АНАЛИЗА

Ввиду редкости и малопримлемости конструкцию с *было/будет* можно было бы попросту считать контаминацией типа (3) с типом (1). Такое решение оставляет без ответа некоторые вопросы, в частности частотную асимметрию *было* и *будет*, из которых второй встречается гораздо реже.

С другой стороны, «Русская грамматика» (§3014) отмечает, что для примеров типа (3) «характерна неоднозначность временного плана сообщаемого». Действительно, (3) может быть понято как сообщение о настоящем или будущем моменте, а также генерически — ср. (6).

- (1) *Если в полнолуние выйти на болото, можно увидеть огоньки.*

При этом нефинитная стратегия практически не позволяет отсылать в придаточном к плану **прошедшего** или как минимум заставляет слушающего ждать главной клаузы, чтобы понять временную отнесённость высказывания. В силу этого появление *было* может получить функциональное объяснение: связка однозначно маркирует отнесённость к прошедшему уже в придаточном. При такой трактовке *было* получает собственную семантику.

Кроме того, нестандартное *было/будет* появляется не только в условных придаточных, но и при других союзах (см. также [Сай, 350]) об экспансии *было бы* на месте *бы* в **главных** предложениях типа *Иначе Ахматовой было бы не выжить*). Сюда относятся как минимум *прежде чем* (7), для которого мы по упомянутому выше частотному списку отыскали в Интернете не менее 36 примеров с *было*, и *чтобы* (8).

- (2) *Но! прежде чем было проводить референдум по Конституции РФ в 1993-м году, нужно было упразднить старую, чего сделано не было.* (Google)
(3) *Такой вариант подарка придется по вкусу многим, ведь его можно дарить даже просто приходя в гости, чтобы было идти не с пустыми руками.* (Google)

В случае *прежде чем* большинство найденных по частотному списку примеров имеет отнесённость к прошлому, что хорошо заметно в случаях, когда речь идёт о существовавшей в прошлом возможности избежать нежелательного результата, который теперь уже не отменить:

- (4) *Прежде чем было писать эту чушь, для начала сравнили бы средние зарплаты.*
(5) *Прежде чем было делать первый майдан сначала нужно было подумать, чем это может закончиться.*

Поэтому допустимо считать, что *было* имеет временную семантику. В то же время большинство примеров с *прежде чем* имеет отнесённость к прошлому не только в придаточном, но и в главном предложении, что часто также выражается с помощью *было* (10). Поэтому как минимум для *прежде чем* можно предположить, что *было* представляет собой нечто наподобие согласования времён — такого употребления претерита, которое обусловлено неактуальной временной отнесённостью некоторой **иной** клаузы, по отношению к которой ситуация в данной клаузе не рассматривается как предшествующая [Grønn]. Известно, впрочем, что обязательного согласования времён в русских изъяснительных придаточных нет [Schlenker; Khomitsevich], так что (11) обычно понимается в том смысле, что болезнь имела место **до** ситуации ‘сказал’. Похожие на согласование времён случаи типа (12) О.Г.Хомицевич трактует как референциальные употребления претерита — непосредственную отсылку в придаточном к моменту в прошлом.

- (6) *Маша сказала, что Иван болел.*
(7) *Дина видела, что/как вода лилась из ведра.* [Altshuler, 2004]

С другой стороны, в (4–5) и (7–10) мы имеем дело с обстоятельственными придаточными, которые могут вести себя иначе.

4. БЫЛО И БЫ

Наряду с согласованием времён, иногда говорят о согласовании наклонений [Grønn], в частности применительно к русским примерам типа *Если бы он был здесь, всё бы обошлось*, где ни одно из двух *бы* не маркирует ирреальности по отношению к другому (но только по отношению к речевой ситуации).

В тех нефинитных придаточных, которые не являются генерическими [Добрушина], согласование наклонений обязательно [Сай, 2015]:

- (1) *Если *(бы) начать нормальные реформы в 1988 году, а мы имели для этого все возможности, тогда не было бы 1991 года.*

Нам представляется, что в той мере, в какой *было* вообще приемлемо в инфинитивных условных придаточных, оно может заменять *бы* в (13). Таким образом, обязательным оказывается **либо** согласование времён, **либо** согласование наклонений. Альтернативное решение состоит в том, чтобы считать *было* способным выражать не только временное, но и модальное значение, оказываясь скорее маркером ирреальности в широком смысле.

ACKNOWLEDGEMENTS

Благодарим Ю. Гончарову, М. Ю. Князеву, Е. И. Риехакайнен и С. С. Сая за ценные замечания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гладкий А. В.* О значении союза «если» // Семиотика и информатика. Т. 18. 1982. С. 43–75.
2. *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.
3. *Сай С. С.* Нефинитные формы сослагательного наклонения в русском языке // Acta linguistica petropolitana. Т. XI, ч. 1. 2015. С. 341–367.
4. *Altshuler D.* A simultaneous perception of things: SOT in Russian // Snippets. Vol. 8. 2004. Pp. 5–6.
5. *Grønn A.* An amazing come-back: a counterfactual imperfective in Russian // Scando-Slavica. Vol. 54, no. 1. 2008. Pp. 5–31.
6. *Khomitsevich O.* Dependencies across phases: From sequence of tense to restrictions on movement. PhD thesis, University of Utrecht. 2008.
7. *Schlenker P.* A plea for monsters // Linguistics and Philosophy. Vol. 26, no. 1. 2003. Pp. 29–120.

ESLI BYLO PODUMAT' GOLOVOY:

A MARGINAL COPULAR CONSTRUCTION IN RUSSIAN INFINITIVE SUBORDINATE CLAUSES

Tiskin Daniel

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Russian regularly allows for conditionals with infinitival protases. Marginally, a past or future copula may accompany the infinitive. The same phenomenon is observed with infinitival 'before'-clauses. Several hypotheses are provided in the talk by way of explanation, including some speculations about sequence of tense and sequence of mood in Russian.

Keywords: Russian, adverbial clauses, copula, time reference, Sequence of Tense

Контактная информация:

Тискин Даниил Борисович — daniel.tiskin@gmail.com

Тема ада в творчестве П. А. Кулиша

Тоичкина Александра Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Тема ада является одной из ключевых тем европейской культуры. Вергилий и Данте создали образы ада, которые оказались значимыми для культур народов Европы. В украинской литературе XIX в. образ ада появляется в ироикомической поэме И. П. Котляревского «Энеида». Кулиш продолжает традицию Котляревского и создает целый ряд произведений, темой которых становится ад. В статье рассматривается художественное решение этой темы в творчестве Кулиша.

Ключевые слова: образ ада, Кулиш, украинская литература

Направление: Славистика

Секция: Андреевские чтения (славянские литературы и литературные взаимосвязи)

(1) В границах темы ада в творчестве украинского писателя П. А. Кулиша (1819–1897) любопытно взаимодействуют контексты украинской, русской и европейской литератур. Собственно, Кулиш и не мог не обратиться к теме ада в силу ее общекультурной и религиозной значимости. Эта тема в его творчестве осмысливается в разных плоскостях: от пересказа фольклорных легенд про «Бабусю з того світу» (1857) до одной из последних его поэм «Куліш у пеклі» (1896). Вслед за Котляревским и Гоголем писатель в полной мере использует фольклорные источники, ищет свои новаторские художественные средства. Особое место в развитии темы занимает образ Т. Г. Шевченко, с которым Кулиш дружил и кончину которого оплакивал на страницах журнала «Основы». Эволюция отношения Кулиша к Шевченко, к его творческому наследию составляет отдельную линию в развитии темы ада в его творчестве.

(2) В рамках статьи я остановлюсь на трех этапах художественного осмысления темы ада в творчестве Кулиша.

На первом этапе художественного осмысления темы ада Кулиш осуществляет сквозь призму фольклорных источников. Небольшая повесть «Бабуся з того світу. Оповідання про померлі души» (1857) — пересказ народных поверий об аде, в частности истории о бабуся, которая побывала на том свете. Бабуся (Явдоха Дубиниха) рассказывает одной пани о своем путешествии на тот свет. Так она рассказывает историю про злую бабу и луковку — рассказ, который потом в измененном виде использует в «Братьях Карамазовых» Достоевский (отмечено Д. Чижевским). Основная идея образа ада в фольклорной повести Кулиша — идея справедливости Божественного миропорядка и воздаяния каждому «по грехам». Эта идея становится одной из очень важных для творчества и жизни Кулиша.

На втором этапе, в произведениях целого ряда поэтических сборников, 1860–90-х гг. тема ада получает новые смысловые обертоны, приобретает оригинальное звучание при использовании разнообразных художественных средств. Необходимо упомянуть следующие стихотворения: «З того світу (Варфоломееві Шевченкові)» (1861), «До Данта, прочитавши його поему *Пекло*» (1861), «До пекельного наплоду» («Хуторна поезія», 1882), «До Тараса на небеса» («Дзвін», 1893), «До Тараса за Річку Ахерон», «Книгогризові на Той Світ», «Прогрес про царство мертвих душ» («Позичена кобза», 1897). Остановимся на анализе некоторых из этих стихотворений.

(3) Показательным для решения темы ада у Кулиша является его обращение к Данте в стихотворении «До Данта, прочитавши його поему *Пекло*» (1861), написанное терцинами (четыре строфы). В «Аде» Данте ему созвучна сердечная боль великого поэта о грешном человечестве (Куліш, с. 57).

Тема смерти Шевченко, его похорон, очередных годовщин его смерти также чрезвычайно важны для круга стихотворений Кулиша на тему «Того Света». Он постоянно обращается к поэту «за Ахерон». И в этих обращениях осмысливает и значение великого украинского поэта и его поэзии, и его (с точки зрения Кулиша) ошибки и ложные толкования украинской истории.

В стихотворении «До Тараса на небеса» («Дзвін») Кулиш обозначает свой критический взгляд на интерпретацию истории казаческой Руси в творчестве Шевченко. Кулиш, занимаясь историческими размышлениями, в частности, изучая летописи, пришел к выводу о разрушительном характере казаческих войн в Украине XVII в. Он активно выступал против идеализации казачества. Бранил своих современников, писателей, критиков, историков, фольклористов за неверную оценку явления украинской истории. Гоголь и Шевченко создавали в рамках романтической эстетики образ героического казаческого прошлого Украины (очень значимой в этом плане оказалась «История Русов» псевдо-Кониского). Стихотворение «До Тараса на небеса» строится на противопоставлении истины, доступной теперь Тарасу Шевченко на небесах, и его прошлых ошибок и заблуждений. «Слепой мир» превозносит

ошибки поэта (Кулиш, с. 204). В последней строфе высказана мысль о том, что явление познавшего истину поэта не было бы принято погрязшими в заблуждениях современниками. Эта же идея звучит в стихотворении «До Тараса за Річку Ахерон». Эти стихотворения предваряют художественные воплощения темы заблуждений Тараса в поэме «Куліш у пеклі».

Отдельно надо остановиться на стихотворении из сборника «Хуторна поезія» «До пекельного наплоду» («К адским порожденьям»). Тема этого стихотворения восходит к знаменитой «Думе» М. Ю. Лермонтова «Печально я гляжу на наше поколенье» (1838). Кулиш радикально осмысляет тему «потерянного поколения» (речь идет именно об украинцах), используя образ ада. Кулиш видит причину бездуховности и бездушности поколения современников-украинцев в их буквальном родстве с дьяволом. Понятно, что это метафора. Однако он настолько буквально актуализирует ее в стихотворении, что образ ада приобретает пугающе реалистические черты (Кулиш, с. 197). Кулиш вступает даже в полемику с христианской традицией провозглашать праздником Пасхи победу Христа над смертью и адом. Для него дьявол ад открыт и вмешивается в жизнь мира человеческого. Мало того, ад торжествует победу в людях и социальном укладе (Кулиш, с. 197). Лермонтов противопоставляет мрачной картине современности суд потомков (Лермонтов, 2, с. 30). Кулиш верит в конечное торжество правды и науки (речь идет о просвещении) (Кулиш, с. 198).

(4) Последний этап творческого осмысления темы ада в поэзии Кулиша представляет поэма «Куліш у пеклі (Староруська поема Панька Небрехи)» (1890–1896). Известно 6 редакций поэмы, что свидетельствует об упорной работе над этим произведением автора. Поэма должна была выйти в украинском издательстве в Женеве, но из-за смерти Кулиша издание было остановлено. И поэма вышла только в 3-й томе «Сочинений и писем П. А. Кулиша» (Киев, 1909). В этом же издании были опубликованы подробные примечания Кулиша к поэме и варианты зачина. Эпиграф к поэме Кулиш взял из «Дон Жуана» Байрона: «My Muse is not weeping Muse» («Моя Муза — не плачущая Муза»).

Поэма состоит из запева и трех частей, в которых в шуточной манере Котляревского повествуется о путешествии в ад Панько Кулиша. Писатель выступает в двух ролях: придуманного рассказчика Панька Небрехи и его героя — Панька Кулиша, который попал в ад, но «з пекла він живий вернувся» (Кулиш, 1989, с. 384).

Первая часть поэмы посвящена концепции истории казачества Кулиша и его сложным отношениям с современниками. Поэма, безусловно, носит сатирический и автобиографический характер.

Во второй части рассказывается про встречу Панька с Хароном на переправе. Здесь же, у переправы, Панько встречает тени двух своих друзей — Тараса Шевченко и Николая Костомарова. В третьей части описывается ад. В конце концов Кулиша замечает св. Мартиримьян (один из любимых в народе святых, который появляется в повести «Бабуся з того світу»). Этот святой проводит Панько по аду, показывая ему ямы, в которых мучаются грешники. Среди известных людей видят они души Чернышевского, Писарева, Некрасова. Встречают и берут с собой Бодянского (известного слависта, издателя «Истории Русов» псевдо-Кониского). В итоге Мартиримьян спасает Кулиша, Бодянского, Шевченко и Костомарова из ада. Кулиша отправляют жить на землю, а остальных святой сопровождает в рай (Кулиш, 1, с. 440).

Главная тема — тема правды в истории, тема объективной картины казачества. Кулиш свято верит, что за любовь к истине и борьбу за нее Бог оправдает его. Он буквально воплощает свою веру в сюжете поэмы.

Нужно сказать, что образ ада в поэме Кулиша (ни с точки зрения изображения хронотопа, ни с точки зрения круга идей) оригинальностью не отличается. Так, Кулиш использует, например, традиционный образ Харона на переправе, фольклорный хронотоп ада (провалы и ямы как в повести «Бабуся з того світу»), мысль Данте о том, что в аду находятся души людей, которые еще живут в этом мире. Этот посыл позволяет сатирически изобразить портреты современников, живых и уже почивших.

У Котляревского картина ада просветительская: там изображены ряды грешных душ по виду грехов (как и картина рая — там находят утешения те, кто праведно жили в этом мире, те, кто страдали). У Гоголя в «Мертвых душах» ад опрокинут в современную жизнь русского общества. А Кулиш создает свою, личную, картину ада, и идея истории (всегда присутствующая в описаниях ада) приобретает тоже очень личный, субъективный характер: он прописывает в поэме свое понимание истории Украины от Киевской Руси до современности. Идея справедливости увязывается автором с его личным исповеданием правды истории (так как он ее понимает на момент написания поэмы).

Кулиш работал над поэмой до самой смерти. Писатель умер 2 февраля 1897 года.

ИСТОЧНИКИ

1. Кулиш П. О. Творив двох томах. Т. 1. Поезія. Київ: «Дніпро», 1989. 654 с.
2. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений в двух томах. Т. 2. Л.: «Советский писатель», 1989. 687 с.

HELL SUBJECT IN CREATIVITY OF P. A. KULISH

Toichkina Aleksandra

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The subject of hell is one of key subjects of the European culture. Virgil and Dante have created images of hell which were significant for the cultures of the people of Europe. In the Ukrainian literature of the 19th century image of hell appears at the poem by I. P. Kotlarevsky "Eneida". Kulish carries on Kotlarevski's tradition and creates a number of works which subject is hell. In article the art solution of this subject in Kulish's creativity is considered.

Keywords: image of hell, Kulish, Ukrainian literature

Контактная информация:

Тоичкина Александра Витальевна — a.toichkina@spbu.ru

Anthropocentricity of nature in language representation

Khomyakova Elizaveta

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article deals with the problem of language representation of the anthropocentricity of the concept NATURE which constitutes an integral part of the human's worldview.

Keywords: concept, world view, language, nature

Area: Romance and Germanic philology

Section: Discourse and variability of English language

(1). **The concept of nature** and its representation in language have been apparently overlooked by contemporary linguists. One cannot, however, underestimate its importance in shaping our mindset, emotions, and events around us. What's more, nature events have been deeply embedded in human language over the course of its formation. Nature events constitute the backbone of linguistic and cultural stereotypes, metaphors, idioms, set phrases, proverbs; they are involved in comparisons and associations as pre-cursors of evaluation which justifies the fact that in every culture natural events are granted a specific language representation. No wonder that human is vital to these processes; it is therefore relevant to understand his role as a culture-representing medium in shaping and using the so-called 'language of nature'.

When we say that our mind uses language to mirror the reality around us, we position ourselves in its center and are rarely aware of the environment around us. It is nature indeed that defines the most part of our environment, whereas human as a product of its evolution represents its indispensable part and the pinnacle of cosmogenesis, according to T. de Chardin.

(2). To encapsulate the meaning and **semantic structure of the word nature** with a particular focus on human, as well as to envisage the interpretation of nature in the academic tradition we should look at how it is defined in some dictionaries selected out of a vast variety.

V.I. Dal in his «Dictionary of Russian Language» defines *nature* as 'everything natural, the substance, the universe, everything ostensibly perceived through the five senses; what's more, our world, the globe with everything it has; as opposed to the Creator Deity' [D,v.III,p.439]. As we see, *human* is implicitly represented here implicitly, while V. Dal clearly highlights the interference of the Creator Deity, the Creator God.

«The Great Soviet Encyclopedia» provides a more technical definition describing '*nature in broader sense as everything that exists, as the world in its diversity, thus equal to such concepts as mother, the universe, the macrocosm* [GSE,v.XX,p.591]. This definition says not a single word about human.

The definition of nature suggested in the dictionary of philosophy matches our understanding of this term best: '*Nature is compatible with such categories of philosophy as GENESIS, REALITY, UNIVERSUM, UNIVERSE, COSMOS; like Nature, all these terms define all that exists, including human in pursuit to define (i.e. articulate) them. '...' Moreover, any attempt to study Nature anticipates that human is inevitably engaged in the process as its intrinsic entity* [NDF, p. 545]. Here it is worth suggesting that human is integrated in the concept of *nature* and, more so, is an active seeker.

It is exciting that most definitions of nature found in English language dictionaries clearly distinguish between human and nature or sometimes even oppose them. Thus, «The Oxford English Dictionary» defines nature as '*the phenomena of the physical world collectively, including plants, animals, the landscape, and other features and products of the earth, as opposed to humans or human creations*' [OD]. Here, nature discriminated from human himself, as well as everything created by him.

A similar approach has been adopted by ABBYY Lingvo Dictionary where nature is '*all natural phenomena and plant and animal life, as distinct from man and his creations*' [ALD].

There is every reason to say that the existing academic tradition is entirely in line with anthropocentric perception of human and his place in the universe and nature. Admittedly, though, what makes this issue is by far more diverse is the variability of human and nature relation across time. Notably, the development of human mind, the society and scientific thought has been largely influenced by scientific progress. Since the days of early humans, human used to be an indispensable part of nature and exercised no visible impact on nature; it is only in the last centuries remarkable for the greatest advances in science and technology that human became adverse to nature and often causes major destructions. Meanwhile, the ontogenesis of human language, admittedly, progresses in visible harmony between nature and human.

(3). The language and mind of wise human, as well as the structure of his language, used to focus on *I-Here-Now* triad and was based on the natural environment around human that shaped space and time in his

life. In linguistics **the deictic function of I-Here-Now triad** has been well known long before the first research in communicative syntax and was a primarily tool to convey how the human ego perceives the surrounding world, time and space.

It is equally relevant to analyze how egocentric any locution is when the locutor exercises his cognitive ability to produce utterances in specific time and space and thereby considers himself to be the center of the surrounding environment that exists as a set of space and time related properties identified by the locutor's unique perception. The language of his world view reflects the way he perceives the world and nature as its integral part within certain space and time limits.

(4). The advance of cognitive research and anthropocentric paradigms in linguistics may, presumably, produce new interpretations of the deictic triad and function in order to reveal the trends and rules in how events, values, or a whole litany of other entities are shaped and structured in human mind across time. Admittedly, however, *I-Here-Now* triad reflects how human mind is shaped in particular space and time, as well **geopolitical, social, and cultural conditions** that shape the human language and its ability to represent nature as its indispensable dimension.

Initially, the representation of the world in human mind was based on the deictic triad and essentially represented the nature around human that interacted with him. It was the framework for the cultural identity and values vested in the diversity of national languages, each of them coming up with unique patterns to structure its three-dimensional space, as well as to overcome the dominating egocentric axis in its ability to express time, space, cultural and national identity through representation of nature.

Fiction, which is traditionally understood as the author's a simulation of extralinguistic reality, is deemed best to study the representation of nature phenomena and chronological structure. In fiction nature is an efficient tool to affect readers, as well as to enrich and reveal the plot of the narrative. While reading we rarely bother about descriptions of nature; nevertheless, these descriptions produce a strong emotional effect and shape the unique settings for the narrative to unfold. Nature assists authors to express their viewpoint on the ongoing events and their attitude to the characters; this suggests that nature assumes its aesthetic value as a result of its subjective interpretation by human.

SOURCES

1. БСЭ — Большая Советская Энциклопедия; в 30 т. Т. 20. М. 1975.
2. Д — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М. 2007.
3. НФС — Новейший философский словарь. Минск, 1999.
4. ALD — ABBYY Lingvo Dictionary 12, licensed software.
5. OD — Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University press, 2011.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ПРИРОДЫ В ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Хомякова Елизавета Георгиевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье речь идет об антропоцентричных параметрах концепта Nature и его связи с человеком, воспринимающим и оценивающим окружающую его природу, являющуюся непосредственной составляющей его картины мира, что находит отражение в языке.

Ключевые слова: концепт, картина мира, человек, природа

Контактная информация:

Хомякова Елизавета Георгиевна — lizakhom@mail.ru, e.khomyakova@spbu.ru

Точность и полнота при выявлении атрибутивных словосочетаний с частотными существительными статистическими мерами (корпус vs. словари)

Хохлова Мария Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9

В статье обсуждаются результаты экспериментов по автоматическому выделению атрибутивных словосочетаний при помощи статистических мер. Извлеченные биграммы сравниваются с данными, приведенными в разных лексикографических источниках.

Ключевые слова: атрибутивные словосочетания, корпус текстов, интернет-корпус, частотный словарь, существительные

Направление: Общее языкознание

Секция: Прикладная и математическая лингвистика

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в связи с возросшей потребностью в автоматизированных системах большое внимание уделяется вопросу, связанному с изучением коллокаций — словосочетаний, которые обладают определенной воспроизводимостью в речи. Иными словами, речь идет о статистической неслучайности словосочетаний, которая подвергается количественной оценке. Существуют различные статистические метрики для оценки сочетаемости слов [Evert, 2004], которые основываются на подсчетах частот как самих лексических единиц, так и их совместной встречаемости внутри словосочетаний.

ДААННЫЕ

Нами были проведены эксперименты по выявлению словосочетаний при помощи разных статистических мер (MI, t-score, коэффициенты Дайса и логарифмического правдоподобия LL) [Evert, 2004] на материале Интернет-корпуса объемом в 198 млн словоупотреблений [Sharoff, 2006]. Были отобраны 10 существительных по словарю [Ляшевская, Шаров, 2009] из первой сотни наиболее высокочастотных (с рангом 1–10, 11–20, 21–30 и т. д.) и имеющих наибольшее количество синтагматических партнеров: *время, место, сила, проблема война, возможность, условие, мысль, любовь и порядок*. Всего было проанализировано 3660 автоматически выделенных атрибутивных словосочетаний, представляющих собой биграммы, которые построены по модели «прилагательное + существительное».

При работе с автоматически полученными данными существует необходимость в их последующей оценке. В качестве последней может выступать информация, которая была дана экспертами или представлена в лексикографических источниках. Материалом для проверки результатов наших экспериментов послужил ряд словарей русского языка [БАС, БТС, МАС, Борисова, 1996]. В словарях нами были рассмотрены не только определенным образом выделенные структурные части (заромбовые), но и речения и цитаты, которые также содержат информацию о сочетаемости. Общее количество зафиксированных в словарных статьях атрибутивных словосочетаний составляет 320 единиц.

Полнота и точность являются важными показателями оценки работоспособности алгоритма. Их значения высчитывались при выявлении словосочетаний статистическими мерами, результаты сравнивались с данными словарей. Точность может быть определена как доля верно выделенных биграмм (то есть присутствующих в экспертных данных) в выдаче. Полнота представляет собой отношение верно выделенных биграмм к общему количеству экспертных данных. Также нами была вычислена F-мера, которая является средним гармоническим двух упомянутых.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Словари приводят разное число атрибутивных словосочетаний для одних и тех же единиц. Прежде всего, можно говорить о том, что наибольшее количество представлено в [БАС], несмотря на то, что словарь [Борисова, 1996] является специализированным. Это можно объяснить тем фактом, что словарь [БАС] является толковым, в его словарных статьях приводится большое количество цитат и речений, которые были нами использованы в качестве эталонных данных. Более 50% словосочетаний, зафик-

сированных в разных источниках, относятся к лексемам «время», «место», «сила» и «порядок». При этом широкая сочетаемость данных лексем нашла разное отражение среди результатов. Так, например, «задняя мысль» упоминается во всех словарях, в то время как «светлая мысль» приводится только в [Борисова, 1996]. Несколько мер обнаруживают более высокую точность выделения биграмм.

Точность для мер принимает значения от 0,18 (для меры MI) до 0,21 (для t-score) и является довольно низкой. Это связано с тем, что среди выданных словосочетаний содержатся те (и они составляют большинство), которые не представлены в словарях, но могли бы претендовать на такое описание. При анализе полученных биграмм нами были отмечены такие словосочетания, которые могли бы пополнить словари: «феодальный порядок», «Смутное время», «укромное место», «ядерная война», «шальная мысль» и др. При этом данные единицы обладают высокими значениями мер, что свидетельствует об их статистической устойчивости (наблюдаемые частоты превышают ожидаемые). При включении подобных единиц в словарные списки точность повысилась бы 0,50, таким образом половину найденных словосочетаний составляли бы те, которые зафиксированы в лексикографических источниках.

Полнота колеблется в пределах от 0,52 (для меры MI) до 0,61 (для t-score), то есть более половины словосочетаний из словарей были найдены в экспериментах.

Значение F-меры совпадает для трех статистик LL, Dice и t-score и составляет 0,31. Это довольно низкий показатель, который, тем не менее, демонстрирует согласованность между результатами. Значение F-меры для показателя MI ниже (0,26), что подтверждает результаты, полученные в [Хохлова, 2008]. Мера MI приписывает высокие ранги низкочастотным словосочетаниям, при этом в словарях подобные единицы могут быть не описаны, что влечет за собой уменьшение точности. Наибольшие значения F-меры для MI были достигнуты для коллокаций с лексемами «сила» и «любовь». В первом случае это можно объяснить тем, что в словарях зафиксировано максимальное число коллокаций с единицей «сила» (71 словосочетание). Отметим, что для лексемы «любовь» (единственной из всех рассмотренных) была достигнута максимальная полнота (1,00) для всех мер, подразумевающая, что все зафиксированные в словарях устойчивые словосочетания были найдены среди автоматически выданных коллокаций («вечная любовь», «пламенная любовь», «романтическая любовь» и др.).

ВЫВОДЫ

Прежде всего, необходимо отметить неполноту представления данных о сочетаемости в словарях. По сравнению с выделенными биграммами словосочетания, зафиксированные в словарях, составляют менее 10% от их общего числа. В настоящий момент нами ведется работа по созданию золотого стандарта сочетаемости, который включит в себя данные об устойчивых словосочетаниях из разных лексикографических источников и таким образом существенно увеличит количество верифицированных сочетаний, с которыми можно будет проводить сравнение.

Все меры (за исключением MI) демонстрируют одинаковые результаты при автоматическом выделении словосочетаний, отличаясь только ранжированием единиц.

В качестве меры успешности той или иной статистической меры можно также предложить число словарей, в которых отмечено то или иное словосочетание. Также данный индекс можно использовать при создании некоторой интегрированной метрики, которая позволит объединить результаты, полученные при помощи разных автоматических методов. Таким образом, если словосочетание встречается в разных словарях, то его удельный вес в списках автоматически выделенных коллокаций можно повысить.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках работы по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-2513.2018.6 «Исследование методов автоматического извлечения лексических конструкций на основе машинного обучения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е. Г. Слово в тексте: Словарь коллокаций (устойчивых сочетаний) рус. яз. с англо-рус. слов. ключевых слов. М.: Филология, 1995.
2. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). — М.: Азбуковник, 2009.

3. Хохлова М. В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций. // *Slavica Helsingiensia* 34. Инструментарий русистики: Корпусные подходы. Под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 343–357.
4. Evert S. The Statistics of Word Cooccurrences: Word Pairs and Collocations. Dissertation, Institut für maschinelle Sprachverarbeitung, University of Stuttgart, 2004, available at: <http://purl.org/stefan.evert/PUB/Evert2004phd.pdf>.
5. Sharoff S. Creating general-purpose corpora using automated search engine queries. Working Papers on the Web as Corpus. Edited by Marco Baroni and Silvia Bernardini, 2006, P. 63–98.
6. БАС — Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. — СПб.: Изд-во «Наука», 2004—.
7. БТС — Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
8. МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981—1984.

EVALUATION OF THE PRECISION AND RECALL OF AUTOMATIC EXTRACTION OF NOUN PHRASES BY STATISTICAL MEASURES (CORPUS VS. DICTIONARIES)

Khokhlova Maria

St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The paper deals with the results of the experiment on automatic extraction of noun phrases by statistical measures. The extracted bigrams were evaluated against the data described in different lexicographic resources.

Keywords: noun phrases, text corpus, web corpus, frequency dictionary, nouns

Контактная информация:

Хохлова Мария Владимировна — m.khokhlova@spbu.ru

Границы «дискурса» как методологическая проблема (на примере памятника «Верба»)

Цингерова Нина

Университет Коменского в Братиславе, Словакия, Братислава

Статья посвящена методологическим аспектам дискурс-анализа. Применение подхода, обращающего внимание и на невербальные практики, продемонстрировано на примере из исследования дискурса о России.

Ключевые слова: дискурс-анализ, памятник, дискурсивные практики

Направление: Общее языкознание

Секция: Социолингвистика

ВВЕДЕНИЕ

В области дискурс-анализа можно, со значительной долей обобщения, выделить, как минимум, два больших направления — Критический дискурс-анализ и Эссекскую школу дискурса. Они уходят своими корнями в различные дисциплины (лингвистика текста, социолингвистика и политология, политическая теория соответственно) (ср. [Филлипс — Йоргенсен, 2008; Štefančík — Dulebová, 2017, Guzi, 2017]) и предлагают два разных ответа на вопрос объяснительного потенциала дискурсивно ориентированного подхода.

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ VS. ЭССЕКСКАЯ ШКОЛА ДИСКУРСА

В рамках критического дискурс-анализа, представленного, напр., работами Нормана Фейрклафа (Norman Fairclough), Рут Водак (Ruth Wodak), Тёна ван Дейка (Teun van Dijk), Тео ван Левена (Theo van Leeuwen), Зигфрида Егера (Siegfried Jäger) и др., проводится, как правило, грань между дискурсом и не-дискурсом.

Эссекская школа дискурса, представленная работами Эрнесто Лаклау (Ernesto Laclau), Шанталь Муфф (Chantal Mouffe), Якоба Торфинга (Jacob Torfing), Яниса Ставракакиса (Yannis Stavrakakis) и др., внесшая огромный вклад в теоретическое осмысление дискурса, опираясь при этом на классические сосюрговские тезисы и их переосмысление Ж. Дерридой и Ж. Лаканом, не различает между дискурсивными и недискурсивными практиками. Для исследователей данного направления нет и не может быть практики вне дискурса.

ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ПОДХОДАМИ В РАМКАХ АНАЛИЗА

Йоргенсен и Филлипс утверждают, что ввиду установления онтологических различий между дискурсивными и недискурсивными практиками, преуменьшается роль дискурса. В связи с этим можно согласиться с их предложением вынести вопрос «онтологического статуса дискурса и дискурсивной практики за скобки» и интерпретировать дискурсивную практику «как иное аналитическое измерение социальной практики» (ср. [Филлипс — Йоргенсен, 2008, с. 256]). Что касается статуса дискурсивных практик, хочется всё-таки добавить, что в ходе анализа имеет свое основание и диверсифицированный подход, продвигаемый, как правило, вне Эссекской школы дискурса. Он позволяет подобрать наиболее подходящие инструменты для исследования манифестаций дискурса, которые зачастую принимают самые разные формальные облики.

ПАМЯТНИК КАК МАНИФЕСТАЦИЯ ДИСКУРСА

На наш взгляд, исследование словацкого дискурса о России обязательно должно основываться на анализе не только «классических» текстов «погружённых» в разные контексты (хотя осознаем силу, мощь эффективной выразимости, присущую вербальному языку [ср. Есо, 2009: 216]), но и на манифестациях нарративов о России в форме памятников. В случае последней перечисленной категории фрагментов дискурса, мы должны задаться вопросом: как они представлены в публичном пространстве, и какими практиками они «насыщены».

ТРИ НАРРАТИВА О РОССИИ

В центре столицы Словакии, рядом с университетом, расположены сразу три разных памятника, которые одновременно являются манифестациями способов конструирования образа России. И это не только три памятника, три образа, это и три места-перекрёстка, где встречаются разные вербальные и невербальные практики, практики обращающиеся/апеллирующие то ли к мышлению понятийному, то ли к мышлению, основанному на воображении [Флюссер, 2008, с. 10].

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ШАГОВ В ХОДЕ АНАЛИЗА

Прибегая к анализу такого рода объектов, мы, таким образом, должны сосредоточиться как минимум на трёх составляющих: 1) на самих памятниках — манифестациях определённых нарративов, подлежащих семиотическому анализу и раскрытию их интерпретационного потенциала; 2) на вербальной практике, текстах — фрагментах дискурса, которые памятники осмысливают, «пристёгивают» к разным знакам; 3) на ритуалах, которые способствуют закреплению нарративов об определённых событиях/субъектах, способствуют их включению в число значимых для общества событий/лиц и их предпочтительной интерпретации.

VERBA И ВЕРБА

Самым интересным с точки зрения дискурсивного конструирования и его модификаций, является памятная доска «Верба», открытая в 2013 году. Надпись «Верба» оставили советские сапёры, которые участвовали в освобождении Братиславы от немецко-фашистских войск в апреле 1945 года. Это было кодовое слово, означающее, что здание проверено и мин в нём нет. Прикреплением стеклянной таблички на фасад дома поверх надписи (невербальная практика), «Верба» стала памятником.

«Верба» — это особенный памятник по нескольким причинам. Во-первых, его открыли в постсоциалистическое время, что уже является поводом для рассуждений в связи с распадом единого нарратива и тем, как эти изменения отразились на «жизни» и осмыслении уже существующих памятников, уже существующих практиках. Во-вторых, он заметным образом отличается от остальных (триумфалистских, монументальных) памятников освободителям, с которыми он вступает в парадигматические отношения. Он «настоящий», прост, почти концептуален, работает, так сказать, сам на себя.

Если на него взглянуть с точки зрения коммуникативного акта, то можно сказать, что интересным моментом является то, что адресантом аутентичного сообщения является не только «вспоминающее» общество, а, *pari pro toto* и сама вспоминаемая общность. Прикреплением стеклянной таблички на фасад дома, поверх надписи (невербальный акт) и её ритуализированным открытием (вербальный и невербальный акт), надпись стала памятником. Совершился акт остенсии — причём выделяется не только конкретный предмет (надпись), а намекается и на целый (высоко дискретный) дискурс (ср. [Есо, 2009, с. 277]). Исходное сообщение (в качестве кодового слова) с основной функцией референтивной, когнитивной (в терминологии Р. Якобсона) — «мин нет» — отправленное адресату, пользующемуся идентичным кодом, становится означающим более сложного означаемого другого порядка, включающим смысловые моменты как «освобождение Братиславы», «почтение освободителям Братиславы». Значит, памятник совмещает в себе признаки знака-индекса и знака-символа (в терминологии Ч. Пирса). Он указывает на конкретные события 1945 года и, одновременно, вызывает интерпретацию, основанную на правиле: тот, кто сделал «Х», того можно считать «У» [Keller, 1995, p. 166]. В связи с интерпретацией «Верб» важным является и то, что он, в качестве знака-индекса, по сравнению с другими памятниками, которые *pari pro toto* представляют события освобождения, менее предрасположен к последующей более широкой символизации. Так, например, часто используемый в качестве памятника танк, является более амбивалентным знаком. В современном, индустриальном обществе его «тело» можно отнести к широко используемым коллективным символам (в терминологии Ю. Линка), так как он «полисемантический и пригоден для синтагматической экспансии и визуального изображения». В силу своей «иконогенности» он способен развёртывать ассоциативные импульсы [Keller, 1995: 125] и отсылать и к другим событиям, другим танкам, более комплексным, недифференцированным идеологическими рамками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятники — это перекрестки вербальных и невербальных практик. Семиотический анализ такого рода фрагментов в рамках более широкой трактовки дискурса, включающей не только вербальные, но и невербальные практики, на наш взгляд, позволяет более четкое описание механизмов структурирования исследуемых субъектов, объектов, событий.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Данная статья подготовлена в рамках проекта VEGA Jazyk a konflikt. Vytváranie obrazu nepriateľa v súčasnom verejnom diskurze с регистрационным номером 1/0539/17 и проекта KEGA Vysokoškolská učebnica Kultúrne regióny Ruska v cestovnom ruchu с регистрационным номером 052UK-4/2018.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филлипс, Л. — Йоргенсен, М. *Дискурс-анализ. Теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 354 с.
2. Флюссер В. За философию фотографии. СПб: Издательство С. — Петербургского университета. 2008. 146 с.
3. Eco, U. *Teorie sémiotiky*. Praha: Argo, 2009. 440 s.
4. Guzi, E. Historická symbolika v politickom diskurze postsovietskeho Ruska //Štefančík, R. (ed.). *Jazyk a politika. Na pomedzí lingvistiky a politológie*. Bratislava: Ekonóm, 2016. 350 s. — s. 135 — 150.
5. Keller, R. *Zeichentheorie: zu einer Theorie semiotischen Wissens*. Tübingen, Basel: Francke, 1995. 276 S.
6. Štefančík, R. — Dulebová, I. *Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnej štruktúre spoločnosti*. Bratislava: Ekonóm, 2018. 194 s.

BOUNDARIES OF DISCOURSE AS A METHODOLOGICAL PROBLEM (ON THE EXAMPLE OF MEMORIAL VERBA)

Cingerová Nina

Comenius University in Bratislava, Bratislava 1, Slovakia

This article is devoted to the methodological aspects of discourse analysis. The application of the approach that draws attention to non-verbal practices is demonstrated on the example from a study of the discourse on Russia.

Keywords: discourse analysis, memorial, discourse practice

Контактная информация:

Цингерова Нина — nina.cingerova@uniba.sk

Образ Эдемского сада в «Потерянном рае» Джона Мильтона

Чамеев Александр Анатольевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Речь в статье идет об уникальных картинах Мильтонова Эдема в книге IV его эпической поэмы «Потерянный рай» и их влиянии на английское садоводческое искусство.

Ключевые слова: Милтон, «Потерянный рай», Эдемский сад

Направление: История литературы

Секция: История зарубежных литератур

1. Земной рай в изображении Мильтона обладает многими из тех идиллических красот и достоинств, которые приписывались обычно счастливым садам древности и христианскому Эдему. Земной рай — это не только сад, прообраз всех садов, но и благословенная Аркадия с ее рощами, лугами, пастбищами и прочими сельскими видами (см.: [Милтон, с. 115]). Адам и Ева в роли безгрешных обитателей Эдемского сада напоминают героев идиллий и пасторалей. Им неведомы противоречия, вражда, муки ревности, душевные терзания; они не знают бремени непосильного труда и смерти. Щедрая природа в избытке одаряет первых людей всем необходимым. Их жизнь в земном раю наполнена характерным для буколической поэзии чувством покоя и безмятежности — того, что Вергилий называл «otium».

2. В описании земного рая Милтон широко опирается на античную и христианскую традиции. Вместе с тем нарисованная поэтом картина обладает рядом черт, которые делают ее уникальной. Среди примечательных особенностей Мильтонова Эдемского сада можно упомянуть в частности крайне необычную систему его водоснабжения. Следуя библейской топографии, Милтон локализует Эдем в бассейне безымянной реки, которая обильно орошает земли райского сада, а миновав его, делится на четыре потока (ср.: Быт. 2:10–14); в Библии это — Фисон, Гихон, Тигр и Евфрат. При этом безымянная библейская река в поэме Мильтона прокладывает свое русло не по территории сада, а сквозь скалистые недра горы, на вершине которой он расположен. Соответственно, скупая топографическая справка из книги Бытия о местоположении Эдемского сада дополняется в поэме подробным описанием сложной системы его естественного орошения. Воды реки по жилам почвы поднимаются вверх, пробиваются наружу ключевой струей, каскадами падают со скал, образуют озера, дробятся на множество ручьев и, достойно напоив райский сад, сливаются в единый поток, водопадом низвергающийся с откоса «Реке навстречу, вынырнувшей вновь / Из мрачного подземного жерла» [Милтон, с. 114–115].

3. Ландшафт Эдемского сада необычайно разнообразен и полон контрастов: «зеленый Райский вал» соседствует с «грядой деревьев дивных», холмы чередуются с долинами, открытые луга, залитые солнечным светом, — с тенистыми дебрями и пещерами (см.: [Милтон, с. 115]). Помимо литературных источников, немаловажную роль в изображении картин райского сада в «Потерянном рае» сыграли впечатления Мильтона от поездки в Италию в 1638–1639 гг., незабываемые пейзажи обласканной южным солнцем щедрой итальянской природы (см.: [Tigner, p. 202]), равно как и сельские виды родной поэту Англии, ее сменяющих друг друга холмов, рощ и долин.

4. В свою очередь, колдовские пейзажи Мильтонова земного рая оказали огромное влияние на садово-парковое искусство Европы в XVIII веке. Именно к нему возводили родословную иррегулярных пейзажных садов многие поэты и теоретики садоводства позднейшего времени (см. об этом: [Tigner, p. 232–233]). Так, в знаменитой поэме «Сады» (Les Jardins, 1782) Жак Делиль, выступая за простоту, естественность и разнообразие в планировке садов, апеллировал к авторитету творца «Потерянного рая» (см.: [Делиль, с. 31]).

5. Действительно, природа Мильтонова рая в ее первозданности обладает удивительной предрасположенностью к буйному своеволию и расточительности: поэт говорит о ручьях, которые бегут, извиваясь и блуждая, в тени нависших ветвей, о дебрях, где всегда лежит непроницаемая тень, о буйно разросшейся растительности, об увядших цветах, устлавших тропинки (Милтон, с. 114, 126), о щедрых дарах Эдема, что «падают, созрев, | Без всякой пользы» [Милтон, с. 129], и т. п.

6. По словам автора, «обширный Райский Сад» значительно превышает силы и возможности молодой четы (см.: [Милтон, с. 251]). Сами герои сетуют на «недостаток рук», не позволяющий им смирить бушующую стихию ветвей, цветов и трав: все то, что они «подрезают, подпирают, подвязы-

вают» в течение дня, «за ночь или две / Роскошно разрастается, стремясь, / Как бы в насмешку, снова одичать» («tending to wild» [Milton, IX, 212, p. 375] — [Мильтон, с. 251]). Хотя формально автор «Потерянного рая» остается в рамках библейской легенды, согласно которой Бог поселил человека в саду Эдемском, чтобы «возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15), ни в Библии, ни в произведениях предшественников Мильтона уход за садом не занимал в жизни обитателей рая такого важного и почетного места, как у него.

7. Первые люди в поэме Мильтона — не только искусные и трудолюбивые садовники; они — часть сада, его лучшее украшение. Их внутренний мир требует, по мысли поэта, такого же неустанного ухода, в каком нуждается богатая природа Эдема. «Сад», который каждый из героев носит в себе, «разрастается» день ото дня не менее пышно, чем сад Эдема, и труды по его «возделыванию» все возрастают. Во имя сохранения чистоты и гармонии своего духовного мира, Адаму и Еве надлежит холить и пестовать его подобно тому, как они холят и пестуют рай внешний. И хотя, вкусив запретный плод, т. е. нарушив закон Божий (а тем самым — и закон Природы), первые люди лишаются рая, они способны обрести «рай внутри себя» («paradise within» [Milton, XII, 587, p. 458]), восстановив утраченную гармонию отношений с Природой и Богом (см.: [Мильтон, с. 370]).

8. Автор недавно вышедшей у нас книги «Принцип рая», посвященной иконологии сада в европейском искусстве, с полным на то основанием называет Мильтонов земной рай «величайшим литературным садом, ставшим в английской, да и не только в английской традиции едва ли не столь же судьбоносным, как и библейский Эдем» [Соколов, с. 255]. Созданный Мильтоном образ вошел в национальное сознание англичан, стал своего рода образцом первозданной Природы, противопоставляемой регулярным французским садам и паркам с их прямыми аллеями, кружевными партерами, боскетами и топиарами. Не без влияния автора «Потерянного рая» в Англии начала XVIII в., а позднее и в других странах Европы начинается «поистине триумфальное наступление естественного ландшафта на обрубленную и остриженную растительность регулярных садов» [Лихачев, с. 210]. Созданный поэтом образ райского сада, несомненно, присутствовал в творческом сознании и Джозефа Аддисона, когда он проповедовал идеи «нового садоводства» в «Зрителе» и «Болтуне», и Александра Поупа, когда он описывал Виндзорский лес, сравнивая его с Эдемом. Позднее имя Мильтона часто упоминалось в работах теоретиков садоводства наряду с именами Гомера, Вергилия, Феокрита и Томсона, автора поэмы «Времена года», а его описание земного рая служило источником вдохновения для гениальных садоводов-практиков Уильяма Кента, Ланселота «Капабилити» Брауна, Хамфри Рептона и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Делиль, Жак*. Сады / Пер. И. Я. Шафаренко. Л.: Изд-во «Наука», 1987 (Литературные памятники). 232 с., илл.
2. *Лихачев Д. С.* Жак Делиль — учитель садоводства // Делиль, Жак. Сады / Пер. И. Я. Шафаренко. Л.: Изд-во «Наука», 1987 (ЛП). С. 210–213.
3. *Мильтон, Джон*. Потерянный рай / пер. Арк. Штейнберга // Мильтон, Джон. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. М.: Изд-во «Художественная литература», 1976 (БВЛ). С. 25–372.
4. *Соколов М. Н.* Принцип рая. Главы об иконологии сада, парка и прекрасного вида. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 704 с., илл.
5. *Milton, John*. Paradise Lost // Milton, John. Poetical Works / Ed. Douglas Bush. Oxford: Oxford University Press, 1979. P. 209–459.
6. *Tigner, Amy L.* Literature and the Renaissance Garden from Elisabeth I to Charles II: England's Paradise. London; New York: Routledge, 2016. 270 p.

THE IMAGE OF THE GARDEN OF EDEN IN JOHN MILTON'S "PARADISE LOST"

Chameev Aleksandr

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

John Milton's unique descriptions of Eden in Book IV of his epic poem «Paradise Lost» and their influences on the English art of gardening are discussed in the paper.

Keywords: Milton, «Paradise Lost», the Garden of Eden

Предложно-именные сочетания с лексемой «соседство»: частеречные и функциональные особенности

Чаплыгина Татьяна Евгеньевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье обсуждается полифункциональность и частеречная принадлежность сочетаний «в соседстве», «в соседство», «по соседству». Эти сочетания, с одной стороны, функционируют в речи как самостоятельные предложные единицы, с другой стороны, попадая в фокус ремы после зависимого слова, выступают в наречной функции.

Ключевые слова: предложные единицы, наречие, грамматикализация, полифункциональность, актуальное членение предложения

Направление: Русский язык

Секция: Актуальные вопросы изучения грамматики (русско-славянский цикл)

(1) Как показал анализ языкового материала при работе над реестром русских предложных единиц [Всеволодова и др., 2018], функционирование в речи и частеречная принадлежность предложно-именных сочетаний с лексемой «соседство»: в **соседстве**, в **соседство**, **по соседству** требуют пристального изучения.

(2) В академических словарях русского языка как самостоятельные единицы зафиксированы только **по соседству** с пометой ‘в зн. нареч.’ в «Большом академическом словаре русского языка», а также в **соседстве с чем** с пометой ‘в роли предлога с тв.’ в «Русском семантическом словаре».

(3) Предпринятое исследование показало, что не только в **соседстве**, но и в **соседство**, **по соседству** могут брать на себя предложные функции. Делая подобный вывод мы опирались на способность описываемых единиц выполнять функции, задаваемые дефиницией предлога как части речи, а именно семантическую, формальную и морфосинтаксическую функции. [Всеволодова и др. 2014, 53–54]

(4) Семантическая функция (ввести имя участника внеязыковой ситуации, конкретизировав его роль в денотативной структуре) реализуется в ситуации реляционных отношений: *Русская баба в соседстве с мировым океаном* (А. Твардовский); *То повиснув на тонкой лозе, То запрятавшись в листьях узорных, В темной чаще живут шимпанзе По соседству от города чёрных* (Н. Гумилев); *Куплю пару сомов в соседство к астронотусам*. Выступая в роли показателя реляционно-пространственных смысловых отношений между двумя участниками ситуации, в **соседстве**, в **соседство**, **по соседству** «вводят» в ситуацию имя второго участника — релянта (мировой океан, город чёрных, астронотусы).

(5) Формальная функция проявляется в способности придавать припредложной словоформе имени существительного зависимый в логико-структурном отношении характер. К припредложному имени можно задать т.н. падежный вопрос, включающий предлог: *в соседстве с чем? по соседству от чего? в соседство к кому?*

(6) Морфосинтаксическая функция рассматриваемых единиц проявляется в способности формировать вместе с зависимым существительным свободную синтаксему: «*В соседстве Содома*» (В. Розанов); *По соседству от рая*.

(7) Укажем на признаки проявления «определённости» данных единиц, а именно на наличие системной для семантической зоны реляционных отношений морфосинтаксической парадигмы, т.е. синонимико-вариативного ряда реализаций по форме падежа припредложного имени. Для предложных единиц зоны реляционных отношений характерно управление формами род., дат. (с предлогами и без) и тв.п. с предлогом с.

(8) Были выявлено, что в **соседстве** и **по соседству** формируют одинаковые морфосинтаксические парадигмы по форме падежа зависимого существительного: в **соседстве** / **по соседству** + **кого-чего** / **от кого-чего** / **к кому-чему** / **с кем-чем**: *Знать, он был создан для того, Чтобы побыть одно мгновение В соседстве сердца твоего* (И. С. Тургенев); *Он приехал в отпуск в свои поместья, находившиеся по соседству деревни Марьи Гавриловны* (А. С. Пушкин); *Часто я важивала туда своих гостей, а иногда шведа навещала семья тогдашнего тульского губернатора Зиновьева, жившая на даче, в соседстве от Овсянникова* (Т. Л. Сухотина-Толстая); *Крыло лучше всего работает, если по соседству от него нет другого крыла* (И. Сикорский); *Затем думаю купить себе небольшое имение, поселиться в деревне. Хорошо бы в соседстве к Вам* (Н. Пржевальский); *Смотришь на домики, уютно расположившиеся по соседству к территории музея и ...завидуешь их хозяевам; Огурцы хорошо растут в соседстве*

с *капустой*; К настоящему времени наукой собрано немало фактов, достаточно надёжно свидетельствующих, что на определённом этапе славяне проживали **по соседству с римским миром** и освоили целый ряд элементов его культуры (В. Седов). У единицы в **соседство** отмечен следующий синонимико-вариативный ряд реализаций: в **соседство + кого-чего / кому-чему / к кому-чему / с кем-чем**: Через несколько дней ему надоело пешеходствовать в потемках, иногда под дождем, и он переселился в **соседство Марины**, ... (Е. П. Ростопчина); Летом они забираются на самые вершины громадных хребтов, в **соседство снежным гольцам**; там им прохладнее и нет докучливой мошки; Он не помнил, как попал сюда, на этот пуховик под балдахином, в **соседство к бородавчатому портрету** на стене (В. Шишков); Потом, само собой разумеется, письмо было свернуто и уложено в шкатулку, в **соседство с какою-то афишей** и пригласительным свадебным билетом, ... (Н. В. Гоголь)

(9) Аргументом в пользу предложного характера в **соседстве, в соседство, по соседству** становится выпадение данных единиц из словоизменительной морфологической парадигмы существительного **соседство**. В качестве предложных единиц выступают только формы в + предл. п., в + вин. п., по + дат. п. Любые другие словоформы, образующие морфологическую парадигму существительного **соседство**, функции предложной единицы не выполняют. Ср. употребление существительного: *Губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев считает, что из соседства с Китаем нужно извлечь выгоду; Грецкий орех и лещину лучше высаживать без соседства кустарников и прочих деревьев. Что же влечет животных к соседству с человеком, почему они селятся рядом с ним?*

(10) Несмотря на наличие факторов, указывающих на функциональную близость в **соседстве, в соседство, по соседству** к предложным единицам, очевидно, что степень «предложенности» у них разная. Для понимания происходящих процессов нужны дальнейшие исследования. Так, в пользу высокой степени грамматикализации единицы в **соседстве** говорит ее метафоризация, т. е. способность сочетаться со словами, которые с другими словоформами собственно существительного не сочетаются: *Наконец, смерть дается в соседстве с рождением новой жизни и одновременно в соседстве со смехом* (М. Бахтин); *В соседстве с долгом сам воздух начинает скисаться и пахнуть плесенью* (В. Вересаев). Ср.: *соседство с рождением, *о соседстве со смехом, *от соседства с долгом.

(11) Как оказалось, важную роль в функционировании рассматриваемых единиц играет положение формируемых ими синтаксем в линейно-интонационной структуре предложений, а именно переход в позицию фокуса ремы. Важен и порядок следования компонентов в синтаксеме, а именно переход лексемы **соседство** в постпозицию к зависимому слову: *Я говорит, очень обрадовался, когда услышал, что вы приехали в свою деревню, к нам в соседство* (И. С. Тургенев); *Буковые леса Карпат являются бесценным генетическим хранилищем бука и других видов живой природы, которые существуют с ним в соседстве, ...*

(12) Представляется, что переход в самостоятельную позицию в фокусе ремы после зависимого слова и позволяет актуализировать «наречную» семантику данных единиц, тем самым создавая условия для реализации их полифункциональности. Способствует проявлению «наречной» семантики позиция свободной синтаксемы в заголовках вне текста: *С Пушкиным по соседству; Школа с храмом по соседству; С мадагаскарском в соседстве*.

(13) Положение в фокусе ремы после зависимого слова, как представляется, не является достаточным основанием для отнесения рассматриваемых единиц к наречиям. «Мешает» этому сохраняющаяся у рассматриваемых единиц способность управлять предложной формой зависимого имени, что является функцией предлога. Наречие, как следует из его дефиниции, не управляет формой другого слова, поэтому от него нельзя задать падежный вопрос.

(14) Языковой материал показал, что даже при отсутствии в конкретном предложении зависимого существительного связь с ним легко восстанавливается из контекста: *Возле стены помещался журнальный столик с чайным набором. По соседству стояли два кресла* (В. Пелевин) = по соседству с журнальным столиком; *Вот, положим, у вас горе: в квартиру по соседству въехала эфиопская семья* (Д. Рубина) = по соседству с вашей квартирой.

(15) Приведенные наблюдения подводят к заключению, что в **соседстве, в соседство, по соседству**, актуализируя «наречную» семантику в предложениях без зависимого слова, не теряют потенциальной связи с ним. Эта связь может быть в любой момент восстановлена говорящим: *Учился в школе по соседству. — Учился в школе по соседству с домом. В то же время близость рассматриваемых единиц к наречию проявляется в возможности синонимической замены предложно-падежной группы наречием без явной потери смысла: По соседству стояли два кресла. = Рядом стояли два кресла; Учился в школе по соседству. = Учился в школе поблизости, а также употребление в одном ряду с синонимичными наречиями: Квартира моя располагалась как-то очень уж ловко — пристань рядом, парикмахер-*

ская **рядом**, Дом-музей Петра Великого, **здесь же** почта, магазин, скоро выяснится, и морг, и больница **по соседству** (В. Астафьев).

(16) Очевидно, что момент перехода рассматриваемых единиц в наречие требует дальнейшего осмысления и более детального изучения языкового материала. На данном этапе очевидна полифункциональность рассматриваемых единиц в **соседстве**, **в соседство**, **по соседству**, которые могут выступать в функции служебного слова — предложной единицы с разной степенью определенности, либо брать на себя функции наречия, указывая на признак действия либо предмета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн.1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. /Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «Либроком», 2014. 304 с.
2. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н., Чаплыгина Т. Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн.2: Реестр русских предложных единиц: А — В (объективная грамматика) /Под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: УРСС, 2018. 800 с.

PREPOSITIONAL WORD-COMBINATION WITH THE LEXEME "SOSEDSTVO": PART-OF-SPEECH AFFILIATION AND FUNCTION

Chaplygina Tatiana

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

The polyfunctionality of units «v soseďstve», «v soseďstvo», «po soseďstvu», as well as their part-of-speech categorization is discussed in the paper. These units function in speech as independent prepositional units, but getting into the focus of the rheme after the dependent word, function as an adverb.

Keywords: prepositional unit, adverb, grammaticalization, polyfunctionality, topic-comment relation

Контактная информация:

Чаплыгина Татьяна Евгеньевна — chtatiana@mail.ru

Глагол *знать* с зависимым инфинитивом в истории русского языка

Чердаков Дмитрий Наилевич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Рассмотрена история глагола *знать* в значении ‘мочь’, ‘уметь’ в русском языке XV–XVIII вв. в сопоставлении с древнерусским глаголом *въдѣти* в том же значении и диалектными данными.

Ключевые слова: история русского языка, глаголы знания, глаголы возможности, глагол *знать*, глагол *уметь*.

Направление: Русский язык

Секция: История русского языка и письменности

(1) Предмет диахронического описания — конструкции типа *знать читать*, где значение *знать* — ‘иметь способность / возможность что-либо делать’. Эта конструкция в истории русского языка периферийна, поэтому основным материалом исследования стали авторитетные источники большого текстового объема с функцией автоматического и полуавтоматического поиска нужных словоупотреблений — прежде всего исторический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ); число принятых во внимание текстов, как и число просмотренных контекстов, измеряется несколькими тысячами. (Мы не касаемся хорошо освещенных вопросов семантической классификации разновидностей как знания, так и возможности, в частности вопросов разграничения значений ‘мочь’ и ‘уметь’, а также аспектов грамматикализации глагола *знать* в обсуждаемой конструкции.)

(2) Современному русскому литературному языку конструкция типа *знать читать* чужда, за исключением фразеологизированной единицы типа *Только и знает молчать*. Между тем такие конструкции распространены в языках разных групп, как и вообще взаимозаменяемость глаголов знания и глаголов возможности. Отличительной чертой славянских языков является специальный глагол со значением умения как одной из разновидностей возможности — глагол *уметь*, который, однако, этимологически также относится к сфере знания и понимания. При этом в ряде славянских языков в тождественном или сходном значении может употребляться и глагол *знать* [Петрова, 2007].

(3) В кругу исторических словарей конструкцию «*знать* + инфинитив» фиксирует только «Словарь русского языка XVIII века»: она характерна прежде всего для книжного языка XVIII в. Примеры с глаголом *знать* ‘уметь’, ‘мочь’ здесь относительно частотны в текстах разных жанров, в том числе в хрестоматийных произведениях крупнейших авторов. «Словарь Академии Российской» такое употребление не отмечает, возможно пуристически воспринимая его как семантико-синтаксическую кальку. В самом деле, естественно увидеть здесь европейское влияние, напр. французское или латинское.

(4) Можно осторожно предположить, что европейское влияние явилось катализатором собственно русского процесса синтаксического оформления модального значения у глагола *знать*. Обнаруженные примеры крайне немногочисленны, но они все же есть. Достаточно уверенно можно говорить о соответствующем употреблении *знать* уже в XVII в.; ср., напр.: *тово товару не знаешь купит* [тово товару не знаешь купить] (Разговорник Тонниса Фенне, 1607; [Fenne, 2006]); *а лихова де коренья у ней нет, и портить не знает* (Выписка из сыского дела, 1647; контаминация значений ‘уметь’ и ‘ворожить, колдовать, заговаривать’; здесь и далее: если не указано иное, тексты цитируются по НКРЯ); *больши того на русской языкъ перевестъ не знаемъ* (Письмо архимандрита Иверского монастыря, 1668); *а они меж подлинно отводить не знают* (Дела Поместного приказа, 1682–83); *такихъ судовъ морскихъ козаки аморские строити не знаютъ* (Описание Сибири (Сибирская летопись), 2-я пол. XVII в.). Но эти примеры не самые ранние, ср. контексты конца XV в.: *а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать* (Хожение Афанасия Никитина; *знали бежать* читается во всех списках всех редакций, т. е. такое употребление свойственно оригиналу конца XV в.); *от отца и от матери не знаю землю владѣти* (Повесть о Петре, царевиче ордынском, не позднее конца XV в., список сер. XVI в.). Для церковных текстов конструкция нехарактерна. (Ср., однако: *вси левити знающіи органы пѣти* в сборнике 1490-х гг. [РГБ. Ф. 113. № 9. Л. 121], куда были включены библейские переводы с латинского (*знати* здесь соответствует латинскому *scire* в тексте Вульгаты), сделанные специально для их последующего включения в Геннадиевскую Библию.)

(5) Если предположить, что спорадическое употребление *знать* ‘уметь’, ‘мочь’ характерно для всего старорусского периода, возникает вопрос о соотношении этого употребления с более ранней конструкцией «*въдѣти* + инфинитив». По данным древнерусского подкорпуса НКРЯ, конструкция «*въдѣти* + инфинитив» свойственна почти исключительно переводным текстам, хотя и здесь она редкое явление.

В текстах, переведенных в Древней Руси, находим ее только в «Пчеле», «Истории Иудейской войны», Житии Андрея Юродивого (в трех текстах из 244 словоупотреблений *въдѣти* 9 употреблений с зависимым инфинитивом в значении 'уметь'). Эта конструкция — калька с греческого: она передает греческое εἶδω в сочетании с инфинитивом. Конструкция «*въдѣти* + инфинитив» продолжает употребляться и в старорусский период, уже и в оригинальных текстах, но преимущественно церковно-книжной или архаизированной ориентации — в житийном и в летописном или публицистическом повествовании.

(6) Семантическое и функциональное соотношение древнерусских глаголов *въдѣти* и *знати* неоднократно рассматривалось; в данном случае важно разграничение этих глаголов, состоящее в их (не)способности в древнерусский период к обозначению пропозиционального знания, то есть к присоединению пропозиции (в частности, изъяснительной придаточной части) [Птенцова, 2008; Шкуратов, 2012]. По наблюдениям А. В. Птенцовой, в разных языках модальное значение возможности приобретает именно тот глагол знания, который способен обозначать пропозициональное знание. То же касается древнерусской пары *въдѣти* и *знати*, где таким является именно первый глагол. Способность присоединять пропозицию появляется у глагола *знати* относительно поздно. В рамках исследованного материала она отмечается сначала в переводных текстах и только с XV в. в оригинальных (в это же время фиксируются ранние примеры употребления «*знати* + инфинитив», отмеченные выше).

(7) Как известно, примерно с этого же времени глагол *знати* начинает теснить из употребления глагол *въдѣти*, а затем и *въдати*. Можно ли считать, что способность сочетаться с инфинитивом глагол *въдѣти* передает сменяющему его глаголу *знати* «по наследству»? Полностью принять это предположение мешает несколько обстоятельств. Во-первых, это разница между стилистическими регистрами употребления в старорусский период «*въдѣти* + инфинитив» (традиционная книжность) и «*знати* + инфинитив» (контексты, близкие разговорному и приказному языку). Во-вторых, способность сочетаться с инфинитивом не передается в старорусский период от *въдѣти* глаголу *въдати*: из 2300 словоупотреблений *въдати* в старорусском подкорпусе НКРЯ только два реализуют значение 'мочь', 'уметь' в сочетании с инфинитивом. Тем самым можно предположить, что возникновение обсуждаемого употребления глагола *знати* — явление, в значительной мере самостоятельное, не связанное напрямую с аналогичным употреблением *въдѣти*.

(8) Предположение о народно-разговорной базе возникновения и начального распространения конструкции «*знать* + инфинитив» в некоторой степени подтверждается данными диалектов. Согласно диалектным словарям эта конструкция надежно фиксируется прежде всего в псковских, карельских, архангельских говорах (ср., напр.: *сегодни ветер большой, знаете ли грести-то; так ни один не знает плавать; левой рукой я дак ничего делать не знаю*) [Словарь русских говоров Карелии, 1995, 255]). Близость ареала финно-угорских говоров позволяет предположить влияние с их стороны (ср. финский глагол *osata* 'знать', который выступает и как глагол знания, и как глагол возможности).

(9) Конструкция «*знать* + инфинитив», обретя в XVIII в. вполне литературные права, быстро и бесследно исчезла в начале — 1-й пол. XIX в. Возможно, эволюция употребления *знати* 'уметь' в системном аспекте оппозитивно связана с эволюцией глагола *умѣти* (единственного этимологически связанного с семантикой знания/понимания в кругу модальных глаголов возможности) — эволюцией от глагола знания с возможностью модального употребления к чисто модальному глаголу с весьма специализированной семантикой [Ваулина, 1988; Чернова, 1994]. До относительно недавнего времени глагол *умѣти* сохранял способность управлять существительным, но в итоге она лексически сузилась фактически до одного слова — *грамота*. В старорусский период, как и в XVIII в., эти глаголы еще частично пересекались в типах употребления. Пока глагол *умѣти* сохранял хотя бы остаточные признаки употребления в качестве глагола знания с зависимым существительным (*умѣти грамоту или грамоте*), до тех пор и глагол *знати* мог употребляться с зависимым инфинитивом как слово с семантикой возможности.

(10) Таким образом, возникновение конструкции «*знать* + инфинитив» с осторожностью можно отнести к началу старорусского периода, она носит скорее собственно русский характер и относительно независима от более ранней конструкции-кальки «*въдѣти* + инфинитив». Частотность севернорусских диалектных конструкций «*знать* + инфинитив», возможно, подкреплена влиянием финно-угорских говоров, так же как и относительно широкое распространение глагола *знать* 'уметь' в литературном языке XVIII в. вызвано западноевропейским влиянием. Эволюция глагола *знать* со значением возможности в системном аспекте предположительно связана оппозитивными отношениями с семантической и функциональной эволюцией глагола *умѣти*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 140 с.

2. *Петрова М.А.* О некоторых случаях взаимозаменяемости глаголов с семантикой знания и возможности (на материале славянских и германских языков) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: РГГУ, 2007. С. 450–454.
3. *Птенцова А. В.* Семантическая оппозиция глаголов *знати* и *въдѣти* на материале русских оригинальных памятников XI–XVI вв. // Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. Jahrgang LIII. 2008. Heft 2. С. 265–278.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 5 вып. Вып. 2 / Гл. ред. А. С. Герд; отв. ред. О. А. Черепанова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 1995. 448 с.
5. *Чернова С. В.* Семантика и норма употребления модальных глаголов — на примере конструкций 'уметь + инфинитив' // Формирование норм русского литературного языка XVIII века / Под ред. В. М. Маркова. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1994. С. 106–114.
6. *Шкураток Ю. А.* Семантические различия глаголов **veděti* и **znati* в праславянском и древнерусском языках // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 59–68.
7. *Fenne T.* Low German Manual of Spoken Russian. On the basis of the original manuscript electronically edited by P. Hendriks and J. Schaecken. Slavic Department, Leiden University. 2006. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aruss/fenne/fennet.htm> (дата обращения 01.06.2018).

THE VERB *ЗНАТЬ* ACCOMPANIED BY A DEPENDENT INFINITIVE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Cherdakov Dmitrii

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

This paper addresses the history of the verb *знать* with the meaning of 'can', 'be able to' in the Russian language of the 15th–18th centuries in comparison to dialectal data and the Old Russian verb *въдѣти* with the same meaning.

Keywords: history of the Russian language, verbs of knowledge, verbs of ability, verb *знать* (to know), verb *уметь* (to be able to)

Контактная информация:

Чердаков Дмитрий Наилевич — d.cherdakov@spbu.ru

Прагматические функции речевого акта молчания (на материале Британского национального корпуса)

Щербак Нина Феликсовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена основным прагматическим функциям речевого акта молчания. Среди различных прагматических функций выделяется функция установления контакта, функция прекращения коммуникации, эмотивно-оценочная функцию, функция мыслительной деятельности (когда в момент молчания говорящий, или действующее лицо думает или вспоминает о чем-то), эмфатическая функцию, может являться манифестацией определенного ритуала, в некоторых случаях объективироваться как знак уважения, или выражать предосторожность, сигнализировать об опасности. Подробно освещается эстетическая функция молчания и роль молчания как инструмента воздействия.

Ключевые слова: речевой акт молчания, прагматические функции

Направление: Романо-германская филология
Секция: Дискурс и вариативность английского языка

ВСТУПЛЕНИЕ

Современные исследователи все чаще обращаются к проблематике молчания, считая этот феномен важной составляющей коммуникации. Большинство лингвистов рассматривают молчание как речевой акт (нулевой), за которым стоит определенное содержание [Арутюнова. 1994]. Такой силенциальный акт (С. В. Крестинский) имеет практически все характеристики речевого акта, а именно, обладает пропозиционным содержанием, иллокуцией и перлокуцией [Крестинский, с. 151–169]. Исследователи рассматривают молчание не только с точки зрения различных прагматических функций, но классифицируют различные случаи функционирования «молчания», которое может быть выражено как на уровне семантики, так и на уровне синтаксиса, реализовываться в тексте в качестве иконического, символического или индексального знака [Ephratt, 2008]. Не менее важным становится исследование эстетической функции молчания, реализации мотива молчания в художественных и поэтических текстах. Данное исследование было проведено с использованием Британского национального корпуса, выбор примеров был сделан методом сплошной выборки. Исследование ставило задачей определить основные прагматические функции молчания

на материале современных публицистических и художественных текстов.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МОЛЧАНИЯ

Анализ примеров показал, что молчание может быть реализовано в тексте посредством лексем «*quiet*», «*pause*», «*mute*», «*silence*», «*hesitation*» и их производных. Среди различных прагматических функций, можно выделить функцию установления контакта, функцию прекращения коммуникации или отчуждения, эмотивно-оценочную функцию (при этом происходит «эмоциональная замена вербального общения») [Меликян, 2005], функцию мыслительной деятельности (когда в момент молчания говорящий, или действующее лицо думает или вспоминает о чем-то), эмфатическую функцию, то есть ударную, направленную на выделение определенной информации как главной. В некоторых случаях молчание («*to be silent*») может реализовываться в значении близком к значению «тишина, тихий» («*to be quite*») и обозначает при этом ситуацию, связанную со смертью, молитвой, то есть являться манифестацией определенного ритуала. В некоторых случаях молчание может быть знаком уважения, или выражать предосторожность, сигнализировать об опасности. Молчание может объективироваться в случаях, когда коммуникация не должна состояться по какой-либо причине. Многие функции молчания оказываются совмещены в одной речевом акте, который, в свою очередь, может реализовываться как прямой или косвенный.

МОЛЧАНИЕ И ЕГО ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

Особый интерес представляют примеры, в которых молчание имеет эстетическую функцию, то есть случаи, когда автор описывает феномен тишины, на фоне которой лирический герой, участник ситуации, слышит те или иные звуки. Метафорический или метонимический перенос передает оттенки

настроения участника ситуации, делая эмоционально-оценочную ситуацию более ярко очерченной. Часто при этом в тексте реализуются мельчайшие оттенки звучности, которые позволяют передать ситуацию максимально точно и детально:

'For her life is more important than mine and all my kind do honour her. Even before myself will I see that she goes free.' Then he fell silent, as if he was thinking of some way to turn this promise into a purpose, and he added, in the barest of trembled whispers, 'As I am an eagle of Wrath do I promise it. She will go free before I do and so long as she is captive will I be. This is my vow.' Then Creggan fell silent staring into the night, as Slorne did near by. Then he looked across at her and, though she was silent, still he knew that in his invocation of the ancient powers of Callanish and in his terrible promise, he had done right. Though what those powers were that made him think and say such things, he did not know or understand. For what power was it that gave eagles power to fly across the sky, and then confined them to a cage?' [BNC: Callanish. Horwood, W. London: Penguin Group, 1985, pp. 13–135. 2060 s-units].

В данном примере воссоздана не столько реальная, сколько эпическая ситуация, в которой принимают участие, в частности, орлы («gave eagles power to fly»). Один из героев несколько раз замолкает (выражено эксплицитно — «fell silent»). Его молчанию сопутствуют «воспоминания о древних цивилизациях («invocation of the ancient powers»), метафорический перенос (посредством генерализации — «turned a promise into a purpose»), акцентное внимание к мельчайшим деталям звучания («trembled whispers»). Таким образом, данной ситуации придается особый эмотивный колорит загадочности и метафоричности, реализуется оппозиция «небо, свобода — тюрьма» («sky», «cage»). Не менее важным становится реализация паузы, времени тишины, некоторое «зависание времени», которое актуализируется в тексте посредством того, что и героиня, и главный герой несколько раз замолкают. Подобная «вневременность» делает повествование более эпическим и символическим, менее конкретным.

Молчание как инструмент власти, институциональный фактор. Случаи реализации молчания как оппозиции, то есть «противостояния чему-либо» позволяют говорить о том, что молчание нередко становится своеобразным институционально обусловленным инструментом воздействия того или иного института:

'Government er Lord er Elton specifically er er er preferred appointment to co-option er but he also preferred erm a local authority majority on, on the poli- police authority. If I, if I may then just ex- expand that very- very briefly, er we have er (pause) er Lord, Lord Whitelaw's silent on the local authority majority but in favour of appointment. Lord Payton in favour of a local authority majority, but moving amendments er in favour of appointment' [BNC, House of Lords: hearing (Pub/instit). Rec. on 15 Feb 1994 with 5 partics, 60 utts].

Вышеприведенный пример взят из речи в Палате Лордов, в которой говорится о том, что Лорд Уайдло «молчал» в отношении вопроса большинства местных органов власти, но выступал при этом за избрание (кого-то на должность). В данном случае молчание реализуется в значении «оппозиции» («was silent on the local authority majority but in favour of appointment»). Поскольку речь идет о выборах, то частное мнение Лорда Уайдло показывает отношение к данному вопросу целого института (реализовано в тексте существительным government). Данный пример интересен еще и тем, что молчание в значении «оппозиции» реализуется иным, «иконическим» способом: участник ситуации в какой-то момент сомневается и молчит («pause»). В тексте также представлены другие маркеры молчания, паузы, междометия («er»), который передают как устный характер речи, так и определенную неуверенность, сомнения, желание быть более вежливыми со стороны участников ситуации.

Таким образом, как показало исследование, прагматические функции речевого акта молчания включают функцию установления контакта, прекращения коммуникации, эмотивно-оценочную функцию, функцию мыслительной деятельности, эмфатическую функцию. Молчание может выражать предосторожность, иметь эстетическую функцию. Роль молчания как инструмента воздействия используется для оказания определенного давления в той или иной оппозиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Язык речевых действий / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. 188 р.
2. Крестинский С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения. Диссертация кандидата филологических наук: 10.02.19. Тверь, 1990. 253 с.
3. Меликян, С. В. Речевой акт молчания в структуре общения, диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Воронеж, 2000. 177 с.
4. British National Corpus (BNC). URL: <http://natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 02.07.2012)
5. Ephratt M. The functions of silence. Journal of Pragmatics 40, 2008. P. 1909–1938

PRAGMATIC FUNCTIONS OF SPEECH ACT OF SILENCE (BASED ON THE BRITISH NATIONAL CORPUS)

Scherbak Nina

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article is devoted to the study of pragmatic functions of silence. The contact initiating, the break of communication function, emphatic functions, manifestation of certain rituals, the sign of respect, the aesthetic function, as well as the role of silence as the instrument of power is studied.

Keywords: silent speech act, pragmatic functions of silence

Контактная информация:

Щербак Нина Феликсовна — alpha-12@yandex.ru

Какой Петрарка нам нужен?

Якушкина Татьяна Викторовна

Российский государственный гидрометеорологический университет,
Российская Федерация, 192007, Санкт-Петербург, Воронежская ул., 79

Русский читатель имеет искаженное представление о Петрарке-поэте. Сборники его стихотворений, издаваемые в России с конца XIX в. и до настоящего времени, не имеют ничего общего с первой лирической книгой Европы: в них нарушена последовательность текстов, заданная автором; отдается предпочтение сонету в ущерб другим жанрам, присутствующим в книге; использование переводов разных авторов лишает образ лирического героя цельности. Автор статьи считает, что пора отказаться от образа Петрарки-певца любовных сонетов, каким он закрепился в нашем сознании. В России давно назрела необходимость в академическом издании «*Rerum vulgarium fragmenta*».

Ключевые слова: Петрарка, «Книга песен», лирическая книга, издания Петрарки в России

Направление: История литературы
Секция: История зарубежных литератур

1. На протяжении двух с половиной веков лирика Петрарки остается полем для освоения жанра, приема, рифмы, где русскому поэту интересно попробовать свои силы. Однако длинный ряд ярких имен — Державин, Батюшков, Мандельштам, Брюсов, Бунин и др., — не привел к ожидаемому: русский читатель до сих пор не имеет адекватного представления о главной книге итальянского поэта. Все проанализированные нами издания от первого 1898 г. и до последнего 2016 г. представляют собой разные подборки текстов (от 25 до 356 из петрарковских 366-ти), часто выполненные разными поэтами (с хронологическим разбросом имен в век-полтора) и отражающие разные издательские подходы. Отсутствие талантливого поэта и — что не менее значимо — филолога, взявшего бы на себя труд сделать полный перевод «Книги песен», заставляет издателей идти по пути комбинирования разных имен и текстов. Такой Петрарка дает большее представление об истории перевода или освоения жанра сонета в России, чем о самом поэте.

2. История переводов крупного поэта — это всегда история его вхождения в иную культуру и национальное сознание. У Петрарки — история особая. Он входил в русское сознание во второй половине XVIII в. через французское посредничество. В период увлечения прециозной и сентименталистской литературой поэт оказался в одном ряду с самыми популярными любовниками эпохи: Селадомом, Абельяром и Сен-Пре. Малое количество переводов — меньше десятка, — допускавших не только свободное обращение с формой и лексикой, но и компиляцию различных текстов, представляли Петрарку в сентименталистских одеждах. В итоге сложился яркий образ — несчастный любовник, воспевающий в сладостных песнях красоту своей возлюбленной в тишине уединенного Воклюза.

Период активного интереса к творчеству Петрарки в русской культуре был недолгим. Более пристальное знакомство с итальянским поэтом в 1790–1810-е гг. сыграло определенную роль в гармонизации русского языка, освоении жанров сонета и элегии, однако его серьезного вхождения в русскую культуру не произошло. Лирический язык поэта, отличавшийся изысканной метафоричностью и удивительным благозвучием, выражал особый строй мышления, прочно связавшийся в русском сознании с образом южной чувствительности и цветистостью слога. К концу 1830-х роль поэта в глазах русской читающей публики определится довольно четко: знаток древности, восстановитель итальянского языка и любовник, сладкозвучные песнопения которого становились все менее востребованными по мере нарастания в обществе призывов к усилению идейной стороны литературы. С угасанием романтизма Петрарка становится фактом далекого прошлого, актуальность которого для русской литературы уже не ощущается, но который остается обязательным элементом образования.

3. Условия для нового прочтения итальянского поэта возникают только в конце XIX в., когда совпадают сразу несколько факторов: бурное развитие исторической науки в нашей стране, зарождение итальянистики, интерес русских символистов к мировому наследию прошлого и общее увлечение жанрами сонета и лирического цикла. Последнее не замедлило сказаться на активизации переводческой и издательской практики.

Первое издание Петрарки 1898 г. имело двухчастную композицию, подчеркнуто жанровый подход (1-й раздел — сонеты, 2-й — канцоны) и содержало 25 стихотворений поэта, выполненных переводчиками разной эстетической ориентации: К. Батюшков, И. Козлов, В. Буренин, Д. Мин и др. Издание носило «просветительски-популяризаторский» характер. Таким же по своей направленности было и следующее, издание 1902 г. [Петрарка 1898, 1902].

Качественно новое издание появится только после выхода в свет работы А. Веселовского «Петрарка в поэтической исповеди "Canzoniere"» (1905). Сохраняя все ту же просветительскую направленность, но ориентируясь на идеи Веселовского, издание 1915 г., стремилось раскрыть психологию средневекового поэта, вставшего на путь осознания себя и мира. Издание, подготовленное М. Гершензоном, предлагало новый набор текстов и делилось на две части. Латинская часть, выполненная самим Гершензоном, представляла «Автобиографию» («Письмо к потомкам») и «Исповедь» («О презрении к миру»), итальянская — «Избранные сонеты к Лауре» в переводе Вяч. Иванова. Таким образом, «Письмо к потомкам», в терминологии Веселовского, давало «внешнюю» биографию поэта, трактат «О презрении к миру» — внутреннюю, а сонеты представляли «фотографиями сердца», запечатлевшими любовь к Лауре [Франческо Петрарка, 1915].

В издании 1915 г. было представлено не просто самое большое количество переводов — 33 стихотворения, но законченный лирический цикл. Переводы были разделены на две части — «Сонеты, сложенные при жизни Лауры» и «Сонеты, сложенные по смерти Лауры»; новое начало (III) и конец (CCCLXIV) существенно меняли оригинальную трактовку книги. Тем не менее, за счет сквозных мотивов, рифм, единства интонаций и стиля, переводы оказались объединенными в единое целое, спаянными общей темой — любовь и поиски ее высшего смысла и образом лирического героя. Переводы Иванова стали открытием Петрарки — таким русский читатель его еще знал.

4. Переводы Иванова, как и в целом концепция издания 1915 г., оказали заметное влияние на последующие издания Петрарки в нашей стране. Движение к «Книге песен» было продолжено в советское время, когда отсутствие полного свода лирики поэта стало ощущаться как существенный пробел в образовании и культуре. Переводы Ю. Верховского (47 текстов) и А. Эфроса (122 текста) при их определенных достоинствах явлениями не стали. Ситуация заметно изменилась в 1970–1980-е гг., когда были переведены более 150 новых текстов, а среди переводчиков, привлеченных к этой работе, появился настоящий мастер — Е. Солонович.

В изданиях Н. Томашевского 1980, 1984 и 1989 гг. был представлен самый полный русский Петрарка советского периода — 344 текста, однако он по-прежнему мало походил на оригинал. Стратегия издательства сделать книгу в максимально полном объеме, объединив под одной обложкой переводы начала века с переводами 1970–1980-х гг., себя не оправдала. Стилистическая разногласия, отсутствие единого видения текста у всех переводчиков были очевидны и самим издателям. В названиях 1980 и 1989 гг. было использовано нейтральное «Лирика», в издании 1984 г. — жанровый подход. Сама книга предстала в новой композиции: сонеты разделены на две части, остальные жанры выделены в самостоятельный раздел [Петрарка 1984].

К концу 1990-х ситуация значительно изменилась — появились новые переводы канцон, самой трудной, как показывает опыт русских переводчиков, части «Канцоньере», сделанные В. Микушевичем. В издании 1999 г. книга Петрарки уже представлена 356 текстами и до сегодняшнего дня остается самым полным ее вариантом у нас в стране. Количество, к сожалению, незначительно отразилось на качестве, так как идея книги была принесена в жертву идее перевода как многообразия творческого самовыражения [Петрарка, 1999].

5. Анализ русских изданий Петрарки лишней раз подтверждает хорошо известное: сумма разрозненных текстов не равна целому. Отличительной особенностью книги стихов как одного из видов циклического объединения, является то, что при самостоятельности каждого текста в книге они получают новые смыслы.

Принципиальным для сохранения авторского замысла является следование заданной последовательности текстов. Петрарка не просто пронумеровал свои стихотворения, использовал хронологические маркеры внутри отдельных текстов. Он замкнул их в кольцо первого и последнего стихотворений, задающих ретроспективный взгляд на «историю» внутри.

Желание издателей представить Петрарку только автором сонетов, вынести за скобки тексты других жанров грубо нарушает авторский замысел. Несмотря на значительное преобладание любовных песен, Петрарка стремится представить себя в отношении к разным сторонам действительности — патриот, политик, друг, и разножанровые стихотворения выполняют эту задачу. Только в такой многоплановости создается образ внутренней жизни человека, целостный взгляд на мир, какой призвана дать книга.

Однако ключевым для любой книги стихов является образ лирического героя. Он — тот стержень, который скрепляет сложную систему связей (сквозные мотивы, повторяющиеся образы, словесные переключки, тематические блоки), выстраиваемую автором из множества разрозненных текстов. Его лексико-стилистическая цельность принципиальна и оказывается практически недостижимой при объединении переводов разных авторов.

По сравнению с читателями сборника 1915 г. мы отделились от Петрарки еще на одно столетие. За это столетие появилось 24 отдельных издания его стихов, а Петрарки «Книги песен» по-прежнему нет. Не пора ли изменить задачу, и вместо Петрарки-любownika, Петрарки-мастера сонетного жанра или рефлексирующего Петрарки представить Петрарку-автора первой лирической книги? В России давно назрела необходимость в научном издании «*Rerum vulgarium fragmenta*».

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты/ Пер. М. Гершензона, Вяч. Иванова. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1915. 273 с.
2. Петрарка Ф. Избранные сонеты и канцоны в переводах русских писателей/ Под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Глазунов, 1898. 42 с.
3. Петрарка Ф. Канцоньере; Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру; Книга писем о делах повседневных; Старческие письма. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. 735 с.
4. Петрарка Ф. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза/ сост., предисл. и прим. Н. Томашевского. М.: Правда, 1984. 592 с.
5. Франческо Петрарка (1304 — 1374): биограф. очерк поэта с прил. его стихотворений. М.: Изд-во о-ва распространения полез. книг, 1902. 48 с.

WHAT PETRARCH DO WE NEED?

Yakushkina Tatiana

Russian State Hydrometeorological University, 79, Voronezhskaya ul., St. Petersburg, 192007, Russian Federation

Russian readers has a warped conception of Petrarch as a lyric poet. The collections of his poems published in Russia from the late 19th c. until now have little in common with the first book of lyrics in Europe. The editors do not follow the author's order of texts; they give preference to sonnets to the detriment of other genres, and use translations made by different poets. The author of the article believes that it is time to decline the image of Petrarch as a love sonnets singer enshrined into the Russian mind by such editions. There is an urgent need for an academic edition of Petrarch's «*Rerum vulgarium fragmenta*» in Russia.

Keywords: Petrarch, «*Canzoniere*», book of lyrics, Petrarch editions in Russia

Контактная информация:

Якушкина Татьяна Викторовна — yak330033@gmail.com

Формулы и формульные системы в древнеанглийской библейской парафразе «Даниил»

Яценко Мария Вадимовна

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича,
Российская Федерация, 193232, Санкт-Петербург, пр. Большевиков, 22, корп. 1

Анализ поэтики повторяемости на материале древнеанглийской библейской парафразы «Даниил» («Daniel») показывает, что формулы и формульные системы не являются единственным видом повторяемости в контексте эпической традиции англосаксов.

Ключевые слова: формула, древнеанглийская поэма «Даниил», поэтика повторяемости

Направление: История литературы

Секция: История зарубежных литератур

(1) Древнеанглийская поэма «Даниил» («Daniel»), перелагающая средствами аллитерационного стиха первые пять глав библейской Книги пророка Даниила, сохранилась в рукописи, датируемой X–XI вв. и содержащей четыре поэтические библейские парафразы. Поэма «Даниил» построена на традиционных риторических приемах, главным образом, на приеме контраста [Anderson]: разгневанный, неразумный Навуходоносор противопоставлен верным завету отрокам и Даниилу. Поэма «Даниил» сравнительно мало изучена, в силу своего «негерманского» характера. Однако именно она представляет интересный материал для рассмотрения взаимодействия поэтики ладино-христианской и германской традиций в христианском эпосе англосаксов.

(2) Древнеанглийские поэтические тексты традиционно изучаются в рамках двух основных парадигм: фольклорной и литературной. Первая (связанная с «устной» теорией М. Пэрри – А. Б. Лорда) соотносит их с германским аллитерационным стихом и исходит из положения, что формулы являются неотъемлемой частью текстов, имевших устное бытование. Вторая рассматривает древнеанглийскую поэзию в литературной перспективе, как результат деятельности монахов-книжников, излагавших сюжеты античной и христианской литературы средствами древнеанглийского стиха.

(3) Изучение древнеанглийского христианского эпоса как особого явления средневековой словесности предполагает объединение фольклорной и литературной парадигм. Содержание текстов этого жанра связано с письменной культурой истолкования и осмысления Библии, тогда как для построения текста использовался язык эпической традиции. Поскольку эпическое слово неотделимо от своего предмета [Бахтин, с. 461], то для понимания природы христианского эпоса необходим анализ конкретных языковых средств, в частности, формул и формульных выражений, которые использовались для изложения христианского содержания.

(4) Под формулой мы понимаем «группу слов, регулярно используемую в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли» [Лорд, с. 42]. При рассмотрении формул в рамках «устной» теории они воспринимаются как неотъемлемая составляющая поэтического арсенала певца, знание и умелое использование которых было необходимо для сочинения в процессе исполнения. Подвижность устного текста обеспечивает возможность варьирования слов и выражений внутри формул. Использование повторяющихся групп слов в письменном контексте анализируется, как правило, с точки зрения стилистической нагрузки разного типа повторений. При этом подразумевается более осознанное оперирование повторами как средствами художественной выразительности.

(5) При последовательном прочтении поэмы «Даниил» оказывается, что в разных главах используются разные типы повторяемости. Первая глава повествует о жизни евреев после перехода через Красное море и до вавилонского плена и воспринимается как законченное в смысловом отношении повествование, а в контексте поэмы — как пролог к ней. В этой главе почти все периоды содержат ряды однотипных формул (синтаксических моделей кратких строк, построенных по одной структуре), которые участвуют в эпической вариации. Создается впечатление, что поэт при создании каждого смыслового единства постоянно воспроизводит одни и те же синтаксические модели, как бы нанизывая их друг на друга. Кроме того, первая часть главы (32 строки) организована по принципу противопоставления: 1–16 строки повествуют о благополучии израильтян, 17–32 — об их несчастьях вследствие отпадения от единого Бога.

(6) Во второй главе, посвященной рассказу об истории истолкования первого сна царя Навуходоносора, напротив, крайне редко используются типичные синтаксические модели на протяжении небольших промежутков текста. Но при этом в данной главе возникает почти дословное контактное

повторение одной и той же долгой строки, что обеспечивает сравнение героев: царь Навуходоносор и его прорицатели называются при этом 'несчастливыми' / 'не блаженными' (*unblide*).

(7) Повторяющиеся (иногда с незначительной вариацией) длинные строки на протяжении поэмы обеспечивают сравнение разных героев и ситуаций. Наиболее последовательно использование этого приема заметно на примере формулы, начинающейся с глагола *het* — «велел/ приказал», заполняющей долгую строку. Само по себе появление финитного глагола в начале долгой строки не типично для синтаксиса древнеанглийского поэтического текста. Мало характерно и то, что первое слово в долгой строке не участвует в аллитерации. В поэме «Даниил» встречается шесть длинных строк, построенных по данной модели. Эта формула описывает приказы царя, раздаваемые слугам (строки 79, 120, 230, 526). Она же встречается в описании пророческого сна Навуходоносора о его сумасшествии, где сообщается, что ангел приказал срезать дерево под корень и связать его (строки 513, 518). Дерево символизирует во сне самого царя, который в определенный момент по повелению свыше лишается рассудка. Однотипные конструкции подчеркивают, что пророчество о судьбе царя является зеркальным отражением его собственных действий и возмездием за них.

(8) Текст древнеанглийской поэмы «Даниил» содержит фрагмент, очень близко перелагающий латинские песнопения (Песнь Азарии и Песнь трех отроков), что позволяет соотносить поэтику латинского текста и древнеанглийского перевода. Строфическая повторяемость (анафора и эпифора) воспроизводятся в древнеанглийском тексте частично, в силу ограниченного (по сравнению с латинским оригиналом) размера поэтической строки. При этом поэт избегает дословных повторений, одна и та же формульная модель заполняется варьирующимися лексемами.

(9) Помимо строфического и формульного повторения поэт использует повторяемость в создании параллельных и кольцевых конструкций. На небольшом промежутке текста такого рода кольцевая композиция особенно заметна в сцене, когда халдеи бросают отроков в огненную печь (появляются хиазм, внутренняя и концевая рифма пр.). Сравнительно недавно кольцевые структуры стали анализироваться как свойственные древнеанглийским библейским переложениям [Portnoy]. Для поэмы «Даниил» кольцевая структура может быть рассмотрена и как основа всей композиции текста.

(10) Таким образом, можно говорить, что поэтика повторяемости затрагивает разные уровни текста. В поэме представлен как бы весь возможный репертуар певца по работе с формулами и синтаксическими моделями. Это и повторение одной и той же синтаксической модели в целях эпической вариации (больше всего в первой главе); и повторение долгой строки с целью сравнения или сопоставления; и кольцевое повторение. Расширяется и набор типичных для аллитерационного стиха звуковых повторов: помимо аллитерации, возникает внутренняя и концевая рифма, хиазм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 447–483.
2. Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994. Лорд А. Б. Сказитель. Пер. с англ. и коммент. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.
3. Anderson E. R. Style and Theme in the Old English *Daniel* // English Studies. Vol. 68. N 1. 1987. P. 1–23.
4. Portnoy Ph. Ring Composition and the Digressions of *Exodus*: The 'Legacy' of the 'Remnant' // English Studies. Vol. 82. N4. 2001. P. 289–307

FORMULAS AND FORMULAIC SYSTEMS IN THE OLD ENGLISH BIBLICAL PARAPHRASE "DANIEL"

Yatsenko Maria

The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications,
22, korp. 1, pr. Bolshevikov, St. Petersburg, 193232, Russian Federation

The analysis of the poetics of repetition on the material of the Old English biblical paraphrase "Daniel" shows that formulas and formulaic systems are not the only type of repetition in the context of the Anglo-Saxon epic tradition.
Keywords: formula, Old English poem "Daniel", poetics of repetition

Контактная информация:

Яценко Мария Вадимовна — toma345@yandex.ru